

ФАНТАСТИКА
Ф Л
ПР. ВКЛЮЧЕНИЯ

А. ВОИНОВ

КОВАНЫЙ СУНДУК

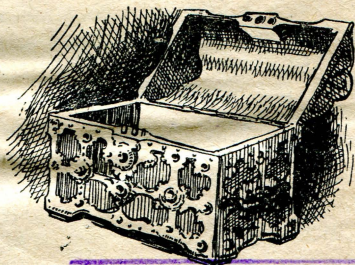
А. В О И Н О В

Внесено
в каталог

КОВАНЫЙ СУНДУК

повесть

30615

Книжная библиотека
Лен. отдела
Радиоинформации

ВСЕСОЮЗНОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТРУДРЕЗЕРВИЗДАТ
МОСКВА 1955

70

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КОВАНЫЙ СУНДУК

ЭТО случилось 28 июня 1942 года на одной из военных дорог западнее Воронежа.

Ранним утром от серенькой, неприглядной хатки, затененной пыльными ветлами, отъехала грузовая машина. Только немногие знали, что здесь, в этом приземистом трехконном домике, размещалась полевая касса Госбанка. Обычно она находилась рядом со штабом дивизии. Но несколько дней назад, по указанию командования, ее в числе других тыловых учреждений переместили дальше от линии фронта. В кузове машины под серым брезентом стоял большой железный сундук, наглухо запертый и запечатанный. Много, видно, потрудился когда-то над этим сундуком хитроумный мастер. Для прочности он оковал его железными полосами, а для красоты сверху донизу усыпал узорчатыми бляхами и бесчисленным количеством медных заклепок тонкой работы

и самой разнообразной формы, теперь уже потемневших от времени. Никакой пожар не способен расплавить толстые стенки сундука, а непосвященному в его сложное устройство не открыть замка, даже если он провозится очень долго.

Надо сказать правду: сундуку этому гораздо более пристало бы стоять в каком-нибудь укромном уголке помещичьей усадьбы, купеческого дома или даже попросту комиссионного магазина, где его, может быть, заметил бы пристрастный взгляд завязтого любителя старины.

В походной канцелярии управления дивизии он был не очень-то на месте. Но случилось так, что прежний денежный ящик, многие годы стоявший в штабе дивизии и служивший верой и правдой, месяца три тому назад вдруг ни с того ни с сего отказался открываться, и его пришлось сломать.

С его стороны это была совершенно неожиданная, можно сказать — неуместная причуда. Однако начфин управления дивизии капитан интендантской службы Соколов был не из тех, кого легко озадачить такими пустяками.

Он наведаясь к начальнику тыла своей дивизии, побывал у соседей, и через два дня на месте старого — такого обычного на вид — денежного ящика уже стоял этот узорчатый кованый сундук с диковинным замком хитроумного устройства и таким толстым дном, что ему мог бы позавидовать самый солидный из современных несгораемых шкафов.

Так как новый сундук был очень тяжел, то его редко снимали с машины. В последние не-

дели штаб часто менял свое местоположение, и капитан Соколов во избежание лишних хлопот предпочитал всю свою походную бухгалтерию держать на колесах.

Под брезентовым верхом его полуторки кочевали по размолотому гусеницами асфальту и горбатым колеям проселков перевязанные крест-накрест грубой тесьмой толстые папки с ведомостями и денежными документами, походный складной стол и такие же стулья с тонкими фанерными спинками — предмет особой гордости Соколова. «Вот полюбуйтесь, — говорил он, — сложишь — и хоть в портфеле носи!»

Личные вещи начфина хранились в черном, слегка потертом, но весьма вместительном чемодане.

В пути все это хозяйство охраняли два автоматчика, и, надо отдать Соколову справедливость, охрана у него была отличная.

Автоматчики одинаково ревниво берегли и денежный ящик, и папки с документами, и, кажется, даже складной стул, на котором обычно сидел их начальник, когда выдавал зарплату военнослужащим.

Быть может, Соколов немножко больше, чем надо, любил похвалиться образцовым порядком своего, как он говорил, «боевого подразделения», но все же было приятно встретить где-нибудь на дороге эту небольшую, аккуратную машину и ее хозяина, туго опоясанного, в шинели, казавшейся чуть тесноватой на его плотной, с прямыми плечами фигуре. Он сидел всегда рядом с шофером, слегка откинувшись

на спинку сиденья и выставив вперед густую каштановую бороду (товарищи называли ее «партизанской», и, кажется, это было приятно Соколову). В кузове, выглядывая из-под тента, покуривали автоматчики...

Утром 28 июня полуторка Соколова, как всегда — в полном боевом порядке, выехала в свой очередной рейс. Соколову надо было получить в полевой кассе Госбанка триста с небольшим тысяч, которые следовало раздать офицерам штаба и всем, кто входил в состав управления дивизии.

Через час деньги были получены. Соколов вывел в ведомости золотым перышком авто ручки свою изящную, четкую подпись с небольшим кудрявым росчерком и опять уселся в кабине плечом к плечу с шофером.

Машина выехала из деревни, но к месту назначения — в штаб дивизии — так и не прибыла.

Дивизия в то время оказалась на главном направлении вражеского удара. На нее наступали два танковых корпуса. Двести «юнкерсов» и «мессершмиттов» непрерывно бомбили ее боевые порядки и тылы... С боями дивизия стала отходить к Воронежу.

На войне такие дни не редкость: утро как будто начинается тихо, мирно. Большое воинское хозяйство живет своей деловой будничной жизнью, походным, простым и в то же время сложным бытом. И вдруг — где он, этот быт? Прощай, недолгий уют чужого жилья, короткая радость отдыха, крепкого сна, неторопли-

вой еды! Опять дрожит земля и гудит воздух!

Так было и в тот памятный июньский день. ...На одной из дорог солдаты вступили в бой с прорвавшимися в тыл немецкими броневиками. Один из них был подбит, а другой успел уйти. В километре от места боя на дороге догорала разбитая снарядам штабная автомашина. Знакомая, выдавшая виды полуторка! Походная бухгалтерия капитана Соколова... Любой солдат в дивизии сразу узнал бы ее. Около машины валялись трупы одного из автоматчиков и шофера. Начальник финансовой части Соколов и другой автоматчик исчезли. Исчез также и кованный сундук со всеми деньгами и документами. Но солдаты заметили и подобрали в канаве чудом сохранившийся, совершенно целехонький складной стул — из тех, которыми так гордился капитан Соколов, да его большой, плоский, сделанный по особому заказу портсигар из плексиглаза с мудреным вензелем на крышке...

Солдата и шофера похоронили в придорожной роще, рядом с убитыми в том же бою, а капитана Соколова, второго автоматчика и денежный сундук искать не стали. Дивизия могла оказаться в окружении, и нужно было по приказу командования, совершив стремительный марш, занять оборону в районе Воронежа.

Вскоре в штаб дивизии был назначен другой начфин, совсем непохожий на прежнего, — очень жудой, высокий и сутулый человек в двойных очках, с редкой фамилией: Барабаш, а капитана Соколова, внесенного в списки без вести пропавших, понемногу стали забывать...

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О КАПИТАНЕ СОКОЛОВЕ

В ПРОЧЕМ, Соколова вспоминали, пожалуй, дольше, чем многих других. Нет, не то, чтоб его особенно любили, но хвалили все — и начальство и товарищи.

Он был, что называется, аккуратист. Никогда ничего не забывал, никогда не ошибался и не обсчитывался.

Когда он, слегка приподняв жесткие рыжеватые брови, принимал из рук офицера заявление с просьбой направить семье денежный аттестат, а потом бережно укладывал сложенный вчетверо помятый листок из блокнота в свой новенький желтый планшет, можно было считать, что дело уже сделано. Заявление нигде не залежится, и зарплата лейтенанта Фирсова или там майора Сидоренко вскоре будет исправно выплачиваться где-нибудь в Бугульме или в Молотовской области.

Если его благодарили, он отмахивался: «А как же, голуба? Это ведь вам деньги, а не щепки!..» Но маленькую заметку под названием «Чуткость к человеку», напечатанную в дивизионной газете, заметку, где, между прочим, положительно упоминался и начфин штаба такой-то дивизии, капитан Соколов тщательно вырезал и спрятал в нагрудный карман. Видно было, что он польщен и обрадован.

В компании Соколов был приятен и увлекательно рассказывал разные случаи из своей рыболовной и охотничьей практики. Охоту и рыбную ловлю он любил до страсти и, вздыхая, говорил, что прежде, в мирное время, свой отпуск проводил в лесу или на реке.

Он был из тех людей, которые, как говорится, нигде не пропадут. Всюду у него были приятели — среди интендантов, в военторге, в сапожной мастерской штаба армии и даже в парикмахерской.

Всеми этими многочисленными связями он редко пользовался для себя лично, но охотно выручал товарищей. Можно было подумать, что это даже доставляет ему какое-то особое удовольствие.

Одним словом, парень был компанейский, приятный и удобный в общении.

Однакоже при огромном количестве приятелей, настоящих, близких друзей у Соколова не было.

— Черт тебя знает, — говорил ему майор Медынский, начальник дивизионного госпиталя, человек умный, живой, но несколько грубоватый и склонный, когда надо и не надо, резать

правду в глаза: — Со всеми-то ты знаком, со всеми на «ты», без тебя бы я бекеша нипочем не справил, а все-таки ты какой-то не такой...

Соколов не обижался. Его как будто даже немного забавляло, что в нем видят нечто особенное.

— Что ж, — говорил он, самодовольно расправляя свою партизанскую бороду, — так и быть должно. Не очень-то станешь ходить нараспашку, когда отвечаешь за сотни тысяч. Попробовал бы ты на моем месте посидеть...

Возражать на это было трудно, и разговор сам собой прекращался.

...И вот этот-то человек, так хорошо умевший приспособливаться к жизни, славный товарищ и аккуратный, добросовестный служака, пропал без вести.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

УДАР НА ДОНУ

СО времени июльских боев прошло восемь месяцев. После небольшого отдыха дивизию передали другой — соседней армии и перевели на новый участок по среднему течению Дона. Дивизия заняла позиции вдоль берега реки, напротив совершенно разрушенного гитлеровцами небольшого городка.

Полковник Ястребов, опытный боевой командир, уже не раз получавший сложные задания, готовил свои части к наступлению. Командующий армией вызвал его к себе и поставил перед дивизией боевую задачу: выбить гитлеров-

цев из городка, а затем повернуть на юг и освободить старинный русский город О. Это было важно для успеха всего фронта.

Предстоял бой, во время которого дивизия должна была форсировать Дон и захватить противоположный берег реки. Задача была нелегкой. Крутой склон, почти отвесно спадающий к воде, враги превратили в настоящую крепость. Прорыли в нем множество ячеек, соединили их внутренними ходами, установили пулеметы, пушки, минометы...

Вечером, накануне наступления, около блиндажа, в котором размещался командный пункт дивизии, остановился вездеход. На примятый, притоптанный снег вышли два человека в одинаковых гражданских черных пальто с серыми барашковыми воротниками.

И все-таки люди эти совсем не походили друг на друга. Один, видимо старший по возрасту, лет пятидесяти, а может и побольше, был сухощав, легок и ловок в движениях и как-то даже по-юношески стремителен. Его смуглое лицо было освещено глубоко посаженными черными, необыкновенно живыми и любопытными глазами. Воротник пальто у него был расстегнут, шапка слегка сдвинута на затылок. Из-под нее выбивалась, спускаясь на самую бровь, прядь прямых черных волос.

Из машины он выскочил стремительно и, дожидаясь штабного офицера, который пошел доложить о гостях командиру дивизии, сразу стал похаживать по узенькой, вытоптанной в снегу тропинке, постукивая каблуком о каблук, чтобы скорее согреться.

Его спутник, не торопясь, осторожно и медленно вылезал из машины. Сначала он высунил одну ногу, надежно утвердился на ней и уж тогда, немного подумав, поставил на землю вторую. После этого он слегка похлопал ладонями в теплых вязаных варежках и поглубже надвинул на уши шапку с аккуратно завязанными тесемочками.

Его густо порозовевшее на морозе лицо с прозрачно голубыми глазами было необыкновенно серьезно. Он посмотрел сперва направо, потом налево и сказал, солидно откашлявшись: «Ну, вот и приехали!»

Как раз в этот момент дверь блиндажа распахнулась, и на пороге появился сам командир дивизии полковник Ястребов — маленький, суховатый человек, которому удивительно под-

ходила его фамилия. У него был резкий, даже острый профиль, нос клювом и почти вертикальные брови над круглыми карими глазами, веселыми и сердитыми одновременно.

Солдаты в дивизии называли его «наш ястребок». Они и не знали, что с этим прозвищем он окончил школу, военное училище и даже академию и что так же, как они, называет его и командующий армией, в которую входит их дивизия.

Завидя гостей, Ястребов сделал приветственное движение рукой и крикнул звонким на морозе голосом:

— Прощу, товарищи!

Худощавый круто повернулся и быстро пошел к нему навстречу широким легким шагом.

За ним, чуть вразвалку, оставляя на снегу отчетливые следы, зашагал его неторопливый спутник.

— Здравствуйте, товарищи, — приветливо сказал командир дивизии, сильно пожимая гостям руки своей — маленькой крепкой рукой. — Будем знакомы. Полковник Ястребов. Ждал вас!.. Веселее воевать будет, зная,

что вместе с нами в город войдет советская власть. Вы, если не ошибаюсь, секретарь горкома партии Громов? Илья Данилович?

— Он самый! — ответил худощавый человек. — А это — Иванов Сергей Петрович, председатель горсовета.

Иванов слегка поклонился, сохраняя строгое, чрезвычайно серьезное выражение лица, минутку помолчал, подумал о чем-то, а потом спросил деловито и требовательно, так, словно ехал в поезде и случайно задержался в пути:

— Когда будем на месте?

— Точно по расписанию, — с улыбкой ответил Ястребов, — хотя возможны и некоторые непредвиденные задержки...

Громов засмеялся, а Иванов вопросительно посмотрел на него, потом на Ястребова и слегка пожал плечами.

— Вот, всегда так с военными, — вздохнул он, садясь перед столиком, на котором лежала карта: — без оговорок не могут. А нам товарищ полковник, во как надо, чтобы дивизия овладела городом поскорей и, главное, как можно внезапней!..

— Почему? — спросил Ястребов и, подвинув Громову скамейку, сел напротив председателя горсовета, но тут же спохватился: — Раздевайтесь, товарищи!.. Ужинать хотите? Впрочем, я и спрашивать вас не буду!.. Сергушкин! Слетай к повару, передай, чтобы сюда принесли ужин, — приказал он своему ординарцу. — Побыстрее... на троих... нет, на четырех человек!.. И начальнику штаба...

Сергушкин побежал выполнять приказание. У дверей он посторонился и пропустил в блин-

даж высокого командира. В белом овчинном полушубке, опоясанный широким ремнем с португеей, с большим планшетом на боку, он казался огромным и занял собой всю ширину двери.

Должно быть, он хотел что-то сказать Ястребову, но, увидев посторонних гражданских людей, молча козырнул им, вопросительно поглядев на командира дивизии.

— А вот и наш начальник штаба. Подполковник Стремянной. Легок на помине! — сказал Ястребов. — Ну, теперь, Егор Иванович, уж нам с тобой надо держаться. Живой рукой надо брать город. Сам понимаешь: с нами идет партийное и советское руководство!..

— Ах, вот как! Ну, значит, надо постараться, — чуть усмехнувшись, сказал Стремянной.

Он сбросил свою курчавую белую ушанку, снял толстый полушубок и от этого сразу чуть ли не вдвое уменьшился в объеме. Теперь стало видно, что это человек лет двадцати семи-восьми, очень худой, но, должно быть, сильный и выносливый. В поясе он был тонок, а в плечах широк. В каждом движении его чувствовалась какая-то особая уверенная четкость. «Наверное, он на лыжах хорош, — невольно думалось, глядя на него... — А, может, футболист или бегун? Что-нибудь такое, во всяком случае...»

Бледное узкое лицо Стремянного трудно было даже представить себе раскрасневшимся от жары или мороза. Наверно, оно при всех обстоятельствах сохраняло этот ровный, белый цвет.

У Стремянного были белокурые, пшеничные волосы. Такие же, с золотинкой, небольшие усы вились над углами рта.

Когда Стремянной вошел в блиндаж, Громов заметил, что командир дивизии и начальник штаба обменялись привычно-понимающим взглядом, и подумал, что им, должно быть, хорошо работается вместе.

И в самом деле, за те нелегкие месяцы, которые Ястребов и Стремянной провели в боях (Стремянного назначили начальником штаба дивизии всего за неделю до памятного июньского сражения), они научились с одного слова понимать друг друга.

Каждый оценил в другом его способности, мужество, умение в трудной обстановке находить верное решение.

Здороваясь с гостями, Стремянной несколько задержал руку председателя горсовета и сказал, лукаво прищуря один глаз:

— Вы, я вижу, товарищ Иванов, меня совсем не узнаете... А вот я вас сразу узнал.

— Да вы разве знакомы? — удивился Громов.

— Нет, — коротко ответил Иванов.

— Ну, это как сказать! — Стремянной засмеялся. — У вас, наверно, таких знакомых было много, а вот вы у нас один...

В глазах у Иванова появилось нечто похожее на беспокойство.

— Что-то не припомню... — сказал он. — Где же мы с вами встречались?

— Да нигде, кроме как у вас в приемной. Неужто совсем забыли? А ведь я там порядком пошумел.

— Зачем же было шуметь? — наставительно, с упреком в голосе сказал Иванов. — И без шума бы все сделалось.

— Ни с шумом, ни без шума не сделалось. — Стремянной вздохнул. — Ходил я к вам — ходил, просил — просил, ругался — ругался, а вы крышу в домике моих стариков так и не починили. Разве что теперь заявление примете? Севастьяновский переулочек, два...

— Он ведь здешний уроженец, — указывая на Стремянного движением бровей, сказал Ястребов, обратившись к Громову. — Не куда-нибудь идет... Домой!

— Да, верно, домой, — повторил Стремян-ной, и лицо его как-то сразу помрачнело. — Тут я и родился, и школу окончил, и работать начал на электростанции. Монтером... А потом, после института, сюда же вернулся — сменным инженером. Да недолго проработал — около двух лет всего. Больше не дал немец.

— А в городе кто-нибудь из ваших остался? — осторожно спросил Громов.

Стремянной покачал головой:

— Город остался... Родных-то своих я, к счастью, вывез. Но ведь мне здесь каждый камень свой. Я уж не говорю про людей. Я всех знал, и меня все знали. — Он невесело усмехнулся. — Я же, ко всему прочему, — футболист. В городской сборной играл.

— Батюшки! — вдруг закричал Иванов и даже привстал с места. — Правый край! Ну, как же, как же!.. Можно сказать, краса и гордость всего города. Так какой, ты говоришь, адрес у тебя? Севастьяновский, два? Перекроем тебе крышу, обязательно перекроем! Дай только в город войти. А тогда, конечно, недосмотр был... Уж ты извини, брат, недосмотр.

Громов хлопнул себя по коленям ладонями:

— Ай да, Сергей Петрович! Сразу видать, болельщик. Как разошелся! Да ты бы сперва поглядел, цел ли дом-то. Может, и крышу ставить не на что...

Иванов поднял на него свои светлоголубые глаза.

— А ведь это верно, — сказал он задумчиво, — ну что ж, сперва посмотрим, стоит ли дом. Если цел, крышей его накроем.

Он достал из кармана маленькую записную книжечку и что-то написал в ней бисерно-мелким, но четким почерком. Громов заглянул ему через плечо и прочел вполголоса:

— «Севастьяновский, два. Подполковник Стремянной, в скобках — правый край. Если цел — покрыть железом». Побойся бога, Сергей Петрович! Да разве можно так писать?

Он громко расхохотался. Ястребов и Стремянной невольно вторили ему.

Иванов слегка пожал плечами. Лицо его было совершенно невозмутимо.

— А что такое? Коротко и ясно. Даже не понимаю, что здесь смешного.

— Это потому, что у тебя чувства юмора нет.

— Нет, — спокойно согласился Иванов. — Вот и жена мне постоянно говорит: «Скучный ты человек, Сережа, юмора у тебя ни на грош». А что я ни скажу — смеется.

Все вокруг опять засмеялись.

Иванов махнул рукой:

— Смейтесь, смейтесь, я привык!

Дверь снова отворилась, и в блиндаж вошел повар — молодой парень в белом халате, надетом поверх шинели. В больших, красных от мороза руках он осторожно нес котелок, несколько алюминиевых мисок, ножи и вилки. В блиндаже сразу вкусно запахло жареным мясом, перцем и лавровым листом.

Ястребов сам разложил жаркое по мискам и налил гостям по стопке водки.

— Ну, товарищи, — сказал Громов, — за то, чтобы по второй выпить уже в городе!

— Правильный тост, — поддержал Ястребов

и приподнял свою стопку. — Но объясните мне сперва, что у вас за особое дело в городе?.. Мы ведь и сами медлить не собираемся!

— Это, конечно, ясно. — Громов налег грудью на край стола и придвинулся поближе к Ястребову. — Нам, видите ли, достоверно известно, что гитлеровцы собираются вывезти из города все, что можно поставить на колеса, и угнать всех, кто способен работать. Хорошо бы этому помешать, а? Как вы думаете?..

— Да так же, как и вы, — усмехаясь, ответил Ястребов. — Должен сознаться, что и у нас с товарищем Стремянным есть кое-какие сведения об этом... Ну, и свои соображения, естественно...

— Естественно! — подхватил Громов. — Вы уж меня извините, товарищ Ястребов, мы с Сергеем Петровичем люди не военные, гражданские, а по дороге сюда тоже различные оперативные задачи решали... Вот, думаем, если бы удалось быстро обойти город и перерезать дорогу на запад, то они бы оказались словно в мешке. Впору было бы думать, как головы унести, а не то, что добро наше вывозить.

— Придуманно неплохо, — сказал Ястребов, переглянувшись со Стремянным, — если бы только предстоящая нам задача исчерпывалась взятием города. Но, к сожалению, это только первая ее часть. Главные трудности нас поджидают впереди — и как раз за городом.

— Вон как!.. А мы было думали... — протянул Громов, озабоченно глядя на Иванова.

Ястребов слегка развел руками:

— И мы тоже сначала думали. А выходит

иначе. Выяснилось, что западнее — так, километрах в пятидесяти от города — гитлеровцы построили укрепрайон. — Он встретил вопросительный взгляд Громова и кивнул головой. — Сейчас объясню. — Его маленькая, суховатая, крепкая рука привычным движением взялась за карандаш. — Расчет противника таков: в случае нашего прорыва на Белгород — остановить наступление вот здесь, в районе Нового Оскола. По имеющимся данным, укрепления построены довольно солидно — доты, надолбы, противотанковые рвы, минные поля, колючая проволока... Словом, все, что полагается. Проселочные дороги и шоссе простреливаются многослойным огнем... Как видите, повозиться там придется основательно. — Ястребов озабоченно постучал карандашом по столу. — Заметьте, что расположение района выбрано не случайно... Гитлеровское командование стремится перекрыть весь узел дорог и заставить нас идти прямо по занесенным снегом полям. А поля в этом районе, как вы знаете, густо изрезаны балками, овражками, на холмах раскинуты рощи. Местность очень удобная для обороны... — Ястребов помолчал. — Так что нам есть о чем подумать...

— Да, действительно, дело серьезное, — сказал Громов. — Но если вы знаете, что существует укрепрайон, то, очевидно, у вас есть и данные о нем.

— Конечно, кое-что мы знаем, — согласился Ястребов, — но надо бы знать побольше... Представляете, сколько мы сил, а главное, жизнью сэкономим, если будем брать укрепрайон не вслепую...

Иванов досадливо махнул рукой.

— Да, уж мы и тактики, — пробурчал он. — Своих забот, вижу, у вас по горло... А все-таки хочется мне рассказать вам об одном важном, так сказать, обстоятельстве, которое нас с Ильей Даниловичем тревожит. Конечно, по сравнению с тем, что нам предстоит сделать, оно не такое уж значительное... — Он повернулся к Громову. — Не знаю даже, говорить или нет. Илья Данилович, как твое мнение?

Громов смущенно пожал плечами:

— Начал, так говори...

— Конечно, — поддержал Ястребов, — говорите. Все, что касается города, нам знать интересно и важно.

— Ну ладно, скажу прямо, — наконец, решил Иванова. — Проворонили мы при отходе из города одно важное дело. Поручили вывезти городской музей круглому дураку. А он мало что дурак, еще и трус оказался. Себя вывез, а музей бросил... А вы знаете, какой у нас музей? Вот пускай товарищ Стремянной вам расскажет. Крамской, Суриков, Репин, Айвазовский. Есть чем гордиться!..

— Да, — поддержал его Громов. — Если уж случилась такая беда, что мы нашу картинную галерею во-время вывезти не успели, так теперь надо бы сделать все, чтобы и немцы ее не вывезли. Пока нам известно, что картины еще в городе. И, надо полагать, если продвижение наших войск будет стремительным, вряд ли в панике немцы о них вспомнят.

Ястребов взглянул на часы, сморщил лоб и поднялся.

— Так, так... Могу вам сказать, товарищи, только одно: сделаем все, что в наших силах, и даже выше сил. Дивизия будет действовать по плану командования... Естественно, что и в наших интересах освободить город как можно скорее... Так что будем надеяться... А сейчас отдыхайте. Боюсь только, что ночь будет несколько шумной...

Громов и Иванов поднялись с места. Сергушкин проводил их в соседний блиндаж.

Едва они вышли, как дверь снова хлопнула и по ступенькам вниз быстро сошел начальник особого отдела дивизии майор Воронцов. Его круглое, румяное от мороза лицо казалось взволнованным. Он остановился посередине блиндажа и несколько мгновений глядел куда-то в угол, щуря глаза от яркого света. Руки его были глубоко засунуты в карманы полушубка. На ремне висел пистолет в новой светложелтой кобуре.

Стремянной подвинул табуретку:

— Садись, товарищ Воронцов!

Воронцов досадливо махнул рукой, снял шапку и сел.

— Вот что, товарищи, — сказал он, смотря то на Ястребова, то на Стремянного, — час назад линию фронта перешел один наш подпольщик, Никифоров. Когда он приближался к нашим позициям, немцы его обстреляли и смертельно ранили... Он умер, но я успел с ним поговорить. Он сообщил, что вчера ночью гестапо арестовало в городе пятерых товарищей. Видно, какая-то сволочь их предала.

Ястребов хмуро смотрел на Воронцова из-под своих кустистых бровей.

— И никаких подробностей? Никаких подзрений? — быстро спросил он.

— Никаких... Кто предал, так и не установлено.

Стремянной порывисто встал:

— Но хоть какие-нибудь данные у Никифорова были?

Воронцов развел руками:

— Нет. Он не мог сказать ничего определенного, но считает, что провал наших людей — это результат чьей-то чрезмерной доверчивости...

— Значит, предатель проник извне? — спросил Ястребов.

— Думаю, что так, — согласился Воронцов. — Кто-то был подослан... Очевидно, опытный шпион. Сумел втереться в доверие.

Все трое помолчали.

Стремянной мотнул головой и сжал кулаки:

— Эх, погибли ребята!.. А ведь всего несколько дней им осталось продержаться!.. Всего три-четыре дня!..

— Да, еще бы дня три, — согласился Воронцов. — Но пять человек — это еще не все. Основная организация сохранилась... — Он встал. — Впрочем, придем в город, разберемся. Обязательно разберемся!..

Он засунул руку за борт полушубка и вынул из него небольшой помятый конверт.

— А вот это Никифоров просил передать Громову или Иванову. Здесь сообщения от подпольщиков. Много полезного. Но Никифоров пробирался к нам дней десять — кое-что могло устареть...

Ястребов взял конверт и, поднеся его ближе к лампочке, стал внимательно рассматривать. Потом вызвал Сергушкина и приказал ему отнести пакет Громову.

Воронцов встал, надел шапку и быстро вышел.

Когда командир дивизии и начальник штаба остались наедине, Ястребов вновь разложил карту на столе и стал отдавать последние распоряжения...

Времени оставалось немного. Из штаба армии уже был получен боевой приказ ровно в 6.00 начать артподготовку и в 6.40 перейти в наступление.

В блиндаже то и дело гудели телефоны. Ястребов говорил с командирами полков, называя номера квадратов, на которые надо обратить внимание артиллеристам, кого-то ругал, кого-то хвалил, кому-то делал строгие внушения...

Так прошла вся ночь. Ровно в шесть ноль-ноль ударил первый залп из десятков орудий.

События развивались стремительнее, чем ожидал сам Ястребов. Хорошо пристрелянная артиллерия в первые же минуты подавила огневые точки врага, разрушила блиндажи и укрытия, в которых прятались минометчики, нарушила всю систему связи между отдельными подразделениями. Гитлеровцы, застигнутые врасплох, пытались отстреливаться, но интенсивный огонь дивизионной, армейской и фронтальной артиллерии не давал им поднять головы. А когда «катюши», скрытые в кустах тальника, подали свой голос, передний край обороны противника замолчал окончательно.

Минеры быстро сделали свое дело, и первые танки, с хода ломая гусеницами лед, ворвались на правый берег и поползли вверх, взметая снежные вихри и оставляя за собой широкую колею, по которой сразу же двинулась пехота.

Через полчаса солдаты уже вели бой в глубине обороны противника. Они теснили его все дальше от берега, и гитлеровцы стали беспорядочно отступать по шоссе в сторону города О., где находился их штаб и где они надеялись укрепиться.

Но в это время один из танковых батальонов, совершив обходный маневр, проник в тыл отступающих немецких частей. Увидев опасность полного окружения, немцы изменили направление и, не дойдя двадцати километров до города О., резко повернули на запад, стремясь избежать дальнейшего преследования...

Гитлеровцы отступали прямо по снежной целине, бросив все, что не может унести с собой человек. На шоссе стояли подбитые автобусы, орудия, минометы, грудами валялись снаряды в футлярах, плетенных из рисовой соломы.

Во вражеских штабах, расположенных в городе О., началась паника. Чемоданы летели в машины, хозяева их почти на ходу вскакивали вслед за ними и на полном газу устремлялись вперед по шоссе, пока по дороге еще можно было проехать. Части, оставленные для прикрытия отступающих войск, быстро занимали позиции вдоль северо-восточной окраины города. Но солдаты уже были деморализованы сообщениями о прорыве фронта и думали не

столько об обороне, сколько о спасении собственной жизни.

В десять часов утра на подступах к городу показали первые советские танки, и начался стремительный бой на коротких дистанциях.

Полковник Ястребов установил свой командный пункт среди густого кустарника, на склоне холма, откуда хорошо проглядывались и поле боя и окраинные улицы города.

Рядом с ним на командном пункте находились Иванов и Громов. Вооружась биноклями, они смотрели, как танки, разрывая гусеницами проволочные заграждения, утюжили вражеские окопы, как пехота под прикрытием танков подбиралась все ближе и ближе к городу.

За последние несколько часов Ястребов увидел в председателе горсовета нечто новое. Ему понравилось, что Иванов и здесь, под артиллерийским огнем, остается таким же невозмутимо спокойным, каким был в жарко натопленном блиндаже под тремя накатами толстых бревен.

А в это время Иванов, не отрываясь от бинокля, пристально рассматривал далекие дома,

башни, остатки взорванного железнодорожного моста. Приближался час, когда они с Громым войдут в город, где им предстоит много и трудно поработать. Он думал о том, как накормить, одеть, снабдить дровами всех этих людей, которые ждут их и которые столько вытерпели за это время. Ведь что там ни говори, дивизия Ястребова сделает свое дело и двинется дальше. А они останутся...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

РОВНО в два часа дня, или, говоря языком военной сводки, в четырнадцать ноль-ноль, город был полностью освобожден от противника. На окраине утихли последние выстрелы, и полковник Ястребов, расположившись в небольшом, сравнительно хорошо сохранившемся особняке на центральной улице, докладывал по телефону командующему армией, что приказ дивизией выполнен. Город освобожден.

Довольно было самого беглого взгляда, чтобы увидеть, какой огромный урон нанесли гитлеровцы городу. Самые лучшие дома они уничтожили — взорвали или сожгли. Белое здание городского театра, когда-то ярко освещенное по вечерам, чернело впадинами окон, за которыми виднелись груды обгорелого кирпича и причудливо изогнувшихся ржавых балок; большой, в два пролета, железнодорожный мост, подорванный в центре взрывчаткой, опрокинулся в реку, и издали казалось, что два огромных жи-

вотных с круглыми слоновыми спинами, упершись в каменные устои задними ногами, опустили передние в воду — пьют, пьют и никак не могут напиться. На холме, возвышаясь над городом, темнел огромный разрушенный элеватор, похожий на старинную крепость после жестокого штурма. Взорвано было и старое здание вокзала, и напоминающая каменную туру красная кирпичная водокачка, и городская электростанция. Тяжелой потерей для города было также исчезновение лучших картин из городского музея. Когда Иванов узнал, что до вчерашнего вечера картины еще были в городе, он крикнул от досады и даже как-то потемнел лицом.

— Нет, подумать только! Перед самым носом увезли, мерзавцы!.. — пробурчал он и после этого добрый час только хмурил свои белесые брови да сердито молчал.

Громов в эти трудные минуты сохранил свою живость, подвижность, общительность.

С тех пор как они очутились с Ивановым на улицах города, их непрестанно окружали люди — всем хотелось узнать, что делается в Москве, в стране, на фронтах... Громов не успевал отвечать на вопросы, пожимать руки, утешать, успокаивать и, в свою очередь, расспрашивать без конца. Ему хотелось знать обо всем, что касалось города, — о том, как здесь жили люди, что разрушили гитлеровцы и что не успели разрушить; сохранились ли самые крупные предприятия города — завод сельскохозяйственных машин, текстильная фабрика и вагоноремонтные мастерские. И хотя все было уже известно и на душе было невесело, ему

хотелось скорее сесть в машину, чтобы своими глазами увидеть, представить себе величину разрушений, понять, с чего надо начать восстановление.

Было решено, что они осмотрят город вместе со Стремянным, а он все не появлялся. Ему надо было разместить свое штабное хозяйство, установить связь с командованием армии, с соседями и своими полками, дать указания об охране города, назначить коменданта...

Наконец, когда Иванов уже предложил было войти в дом и погреться, Стремянной вышел на улицу, запахивая на ходу полушубок.

— Поехали, товарищи, — громко сказал он, движением руки подзывая шофера. — Посмотрим, как и что...

Стремянной сидел рядом с шофером, тяжело облокотившись локтями о колени, и, подавшись вперед, внимательно вглядывался прищуренными глазами в знакомые с детства дома, в деревянные заборы, в деревья городского сквера, виднеющиеся за низкой чугунной оградой с пиками, похожими на гарпуны, и тяжелым орнаментом из лавровых листьев. Как гласила старинная легенда, эта ограда была отлита еще при Екатерине на уральских демидовских заводах.

Позади Стремянного сидели Иванов и Громов. Они негромко и озабоченно переговаривались, но Стремянной их не слышал. Так странно было ему видеть в этом городе, где прошло его детство, следы недавнего боя, следы тяжелого, почти годичного плена...

На углу двух улиц — Спартаковской и Карла Маркса — стоял немецкий штабной автобус с

выбитыми стеклами и сорванными от сильного взрыва дверями. Автобус был выкрашен в серый цвет, а на его кузове черный дракон вытянул в разные стороны три маленькие безобразные головы, увенчанные рогатыми коронами. Этот воинственный знак принадлежал части, еще недавно хозяйничавшей в городе. Сейчас «черные драконы» находились уже в доброй полусотне километров отсюда.

Иванов перегнулся через борт машины, стараясь разглядеть, есть ли что-нибудь внутри автобуса, но вездеход уже завернул за угол и поравнялся с небольшим двухэтажным каменным домом, — штукатурка на нем облупилась, отпала и в разных местах виднелись потемневшие, изгрызанные временем, дождями и ветрами кирпичи.

Как много было связано у Стремянного с этим домом!.. Вот здесь, где зияет черная впадина вырванной взрывом двери, он когда-то, еще мальчиком, долго рассматривал комсомольский билет, который ему только что вручил секретарь горкома; а вон там, чуть дальше, у тополя со срезанной снарядом верхушкой, он стоял с Катей Парамоновой — лил сильный дождь, а они стояли под густым навесом, и им было весело...

Машина выехала на площадь.

Вот на углу высокое красное здание. Школа!.. Где-то сейчас Иван Степанович, старый учитель, который заставил лентяя Гошку Стремянного полюбить математику? Сутулуй, в своем черном длинном пальто, Иван Степанович неторопливо выходил из дверей с пачкой тетрадей подмышкой, чтобы дома, пообедав и

немного отдохнув, вооружиться карандашом, с одной стороны красным, а с другой синим, и начать проверку письменных работ. Синим карандашом он безжалостно ставил двойки и тройки, с таким сердитым нажимом, что часто ломал его, и от этого двойки кончались длинным лучистым хвостом — вот как бывает у кометы. Четверки и пятерки всегда были просто, но любовно выписаны...

Шофер немного притормозил, и сидевшие в машине почувствовали острый запах, исходивший, казалось, от стен этого здания — запах немецкого постоянного двора. Окна нижнего этажа были пересечены тяжелыми железными решетками, а над входом еще висела небольшая черная вывеска, на которой белой краской острыми готическими буквами было по-немецки написано «Комендатура».

— Вот, дьяволы, испортили здание, — сказал Громов. — Прямо будто тюрьма!

Иванов вздохнул и ничего не сказал. Обогнув площадь, вездеход въехал в боковую улицу — раньше она называлась Орловской. По обеим сторонам ее стояли небольшие домики, окруженные фруктовыми садами; не раз Стремянной вместе с другими мальчишками делал набеги на здешние яблони и вишни, не раз ему попадало от хозяев, которые его считали грозой своих садов, и это ему очень льстило...

Вдруг его сердце сжалось, и он невольно, до боли прикусил нижнюю губу. Что же это такое? Где улица? Теперь здесь не было ни садов, ни заборов, ни домов — огромный пустырь расстилался вокруг, деревья выруб-

лены, дома разрушены... Остались лишь каменные фундаменты да груды старого кирпича.

— На дрова разобрали, — сказал Иванов, — все пожгли...

Отсюда совсем недалеко до Севастьяновского переулка. Надо только миновать этот длинный пустырь, где словно похоронено его детство, повернуть за сохранившуюся каменную трансформаторную будку — и тут, направо, второй дом от угла...

На трансформаторной будке нарисован череп и две скрещенные черные молнии. Когда Стремянному было девять лет, он боялся прикоснуться к этой будке — думал, что его тут же убьет.

— Притормозите, — сказал он шоферу. Это было первое слово, которое он произнес с той минуты, как они сели в машину.

Машина остановилась, и Стремянной, круто повернувшись всем корпусом направо, стал пристально разглядывать ничем не приметный одноэтажный деревянный домик, боковым фасадом выходящий на улицу. По обеим сторонам невысокого крылечка в три покосившиеся ступеньки угрюмо стояли старые дуплистые ветлы. Ветра не было, но, повинаясь какому-то неуловимому движению воздуха, ветки их по временам покачивались и роняли на затоптанные ступени клочки легкого, удивительно чистого снега. Стремянной глядел на эти ветлы и молчал, но по тому, как сжались его челюсти, каким напряженным стал его взгляд, оба его спутника сразу поняли, что это и есть

тот самый дом, о котором он шутил говорил им в землянке на берегу Дона...

Так прошла, должно быть, целая минута.

— Может, сойдешь, товарищ Стремянной, посмотришь все-таки? — легонько дотрагиваясь до его плеча, негромко спросил Громов.

Стремянной, не оборачиваясь, помотал головой:

— Да нет, не стоит... Там пусто.

— Разве? А смотри-ка, между рамами кринка стоит, и окошко свежей бумагой заклеено. Нет, там, видно, живут...

— Ну, пусть живут... Поворачивай к вокзалу, Варламов.

Машина, подпрыгивая на ухабах и объезжая воронки, выбралась к железнодорожному переезду, пересекла его, с трудом пробралась

мимо развалин вокзала и водокачки и очутилась на маленькой привокзальной площади, где до войны посреди круглого сквера стоял памятник Ленину, а сейчас высился лишь один гранитный постамент. Шофер вдруг резко затормозил.

Стремянной, а за ним Иванов и Громов быстро соскочили на землю и сняли шапки. Перед ними на покато́й, занесенной снежком клумбе лежали трупы расстрелянных пленных бойцов. Их было человек двадцать — одни в потрепанных солдатских шинелях, другие в ватниках. В тот миг, когда их застала смерть, каждый падал по-своему, но было какое-то страшное однообразие смерти в этих распротертых телах.

Никто из стоявших над убитыми не заметил, как из-за угла ближайшего дома появился мальчик лет, должно быть, девяти-десяти. Он был одет в коротенькую курточку шинельного сукна, в которой ему было холодно. Он зябко жался. На его ногах были старые, латаные-перелатанные валенки, а на голове рваная солдатская шапка. Мальчик медленно подошел к ограде сквера, сосредоточенно разглядывая приезжих большими серыми глазами. Маленькое, сморщенное в кулачок лицо казалось серьезным, даже строгим.

С минуту он стоял, как будто ожидая, чтобы его о чем-нибудь спросили. Но его не заметили, и он, не дождавшись вопроса, сказал сам:

— Утром расстреляли... Уже часов в девять. Они не хотели уходить.

Громов оглянулся:

— Не хотели, говоришь?

— Ага...

— А где их держали? — спросил Стремянной.

— В лагере.

— А лагерь где?

— Вон там! Все прямо, прямо, до конца улицы, а потом налево, — и мальчик рукой показал, куда надо ехать.

— Ну что ж, товарищи, едем, — сказал Громов.

— Погодите!.. Варламов, есть у тебя что-нибудь с собой?

— Есть, товарищ подполковник! Банка консервов.

— Давай ее сюда! А ну-ка, малыш, подойди поближе!

Мальчик нерешительно подошел.

— Вот возьми. — Стремянной протянул ему белую жестяную банку. — Бери, бери! Дома поешь...

Мальчик взял консервы, личико его осталось серьезным и чуть испуганным, и, не поблагодарив, крепко прижимая банку к груди, он исчез где-то за домами.

— Товарищ подполковник! Товарищ подполковник!..

Стремянной обернулся. К нему бежал командир трофейной команды капитан Соловьев. Он почти задохнулся от сильного бега — после тяжелого ранения в грудь его перевели на нестроевую должность. До сих пор в трофейной команде было не очень-то много работы, но сегодня команда тоже вошла в дело, и Соловьев метался из одного конца города в другой.

— Что такое, — строго спросил Стремянной, — чего вы бегаєте? Что случилось?..

— Товарищ подполковник, — сразу осекшись, доложил капитан, — уже обнаружено пять крупных складов с продовольствием и обмундированием!.. Вон видите церковь? — Он показал на большую старинную церковь с высокой колокольней. — Она почти до самого верха набита ящиками с консервами, маслом, винами... Не только нашей дивизии, всей армии на месяц продовольствия хватит!..

— Поставьте охрану! — сказал Стремянной. — Противник еще недалеко, всякие неожиданности могут быть. Без моего разрешения никому ни капли!

— Слушаюсь! Ни капли! — Соловьев козырнул, быстро повернулся и побежал назад.

А Громов, Иванов и Стремянной зашагали к своей машине.

— Куда же теперь? — спросил Иванов. — В лагерь, что ли?

— Дело! Поехали.

Едва успели они занять места в машине, как на площадь из боковой улицы вышли несколько солдат с автоматами. Они вели двух пленных гитлеровцев. Немцы, в одних куцых мундирах с поднятыми воротниками, брели, пожевываясь от холода.

Стремительной невольной остановил глаза на одном из пленных. Это был уже немолодой человек, плотный, в темных очках. Должно быть, почувствовав на себе чужой внимательный взгляд, эсэсовец поднял плечи и отвернулся. В эту минуту шофер включил скорость, и машина тронулась, оставив далеко позади и пленных и конвой.

Вдруг рука Иванова в толстой теплой варежке легонько коснулась плеча Стремянного.

Стремянной обернулся.

— Музей тут, на углу!.. — сказал Иванов. — Давай остановимся на минутку.

Они подъехали к двухэтажному каменному зданию, облицованному белыми керамическими плитками. Через весь фасад тянулась темная мозаичная надпись: «Городской музей».

Высокая дубовая дверь, открытая настежь, висела на одной петле.

Пологая лестница с полированными резными перилами была засыпана кусками штукатурки, затоптана грязными ногами.

Стремянной, Иванов и Громов поднялись по широким ступеням и вошли в первый зал.

Он был пуст. Из грязно-серой штукатурки торчали темные крюки, — с них свисали узловатые обрывки шнуров. Кое-где поблескивали золоченым багетом рамы, обрамлявшие не картины, а квадраты и овалы пыльных, испачканных стен. На полу валялись обломки досок, куски мешковины, рассыпанные гвозди...

— Н-да, — тихо сказал Громов и, невольно стараясь приглушить звук шагов, гулко раздающихся в пустом здании, осторожно двинулся вперед.

Все трое пересекли зал, вошли в следующую комнату и невольно остановились на пороге.

В углу, склонившись над большим дощатым ящиком, стоял, согнув сутулые плечи, маленький старичок в меховой потертой куртке и что-то озабоченно перебирал длинными худыми пальцами. Старик был совершенно плешив, но

лицо его обросло давно не стриженной седой бородой, которая острым клинышком загибалась кверху.

Услышав за спиной шаги, он как-то поптичьи, одним глазом, поглядел на вошедших и вдруг, круто повернувшись, в радостном изумлении развел руками, не выпуская из них двух маленьких, окантованных черным картинок.

— Сергей Петрович!.. Товарищ Громов!.. — с трудом выговорил он задрожавшим от волнения голосом. — Вернулись!.. Вот это хорошо! Вот это отлично!..

— Это что! — сказал Иванов, и Стремяной едва узнал его голос, так много послышалось в нем радости и простого человеческого тепла. — Отлично, что вы целы и невредимы; Григорий Фомич. Только одного не пойму, что вы тут в этой разрухе делаете?

— Как это — что? — Старик с удивлением посмотрел на Иванова сквозь очки, косо насаженные на тонкий, чуть кривой нос. — Как это что? На службу пришел. Ведь с сегодняшнего дня в городе — советская власть, если не ошибаюсь...

— Замечательный вы человек, Григорий Фомич, — сказал Громов, подходя к ящику. — И замечательно, что вы остались живы...

— Жив! — Старик горестно покачал головой. — Я-то жив, да вот музей умер. Опоздали вы, товарищи!.. На один день опоздали... А ведь я обо всем подробно в письме сообщал.

— Да, да, мы его получили, — мрачно сказал Иванов, — но с опозданием. Свяznego, когда он переходил линию фронта, тяжело ранили... Значит, все лучшее они увезли?..

— Положим, не все! — запальчиво сказал старик. — Кое-что сохранить мне удалось. — Он повернулся и показал на несколько акварелей, которые уже успел разложить под стеклом витрины, стоявшей под окном. — Смотрите сами, вот... Больше никак невозможно было...

Все трое склонились над витриной. Так странно было видеть в пустоте этих грязных, запущенных зал нежную голубизну акварельного моря, тонкий профиль женщины в пестрой шали, солнечные пятна, играющие на сочной зелени молодой рощи...

— Акварели эти я по одной выносил, — словно извиняясь, сказал старик и ласково положил на край витрины свою сухую руку — под тонкой пергаментной кожей синели набухшие склеротические вены, — вынимал из витрины и сюда, на грудь, под рубашку... — Он показал, как это делал; быстро оглянувшись, распахнул и сейчас же опять запахнул куртку, и в этом его движении было столько трогательного и вместе с тем печального, что Стремянной невольно вздохнул и отвел глаза, словно это он был виноват в том, что не успел во-время и дал возможность гитлеровцам ограбить музей.

Он прошелся по залу среди беспорядочно нагроможденных, наскоро сколоченных ящиков и остановился возле того большого, над которым трудился Григорий Фомич, когда они только что вошли сюда.

— А тут у вас что? — спросил он. — Похоже, что картины.

— Да, картины, — вздохнув, сказал ста-

рик. — Очень порядочные, добросовестные копии... Конечно, хорошо, что хоть это осталось. Но, сказать по совести, я бы их все отдал за те десять драгоценных полотен, что они увезли...

— А из современного что-нибудь уцелело? — спросил Громов.

— Ничего, — ответил Григорий Фомич. — Это они сразу уничтожили. Уж лучше и не напоминайте.

— Ну, а что же у вас в других ящиках? — поинтересовался Иванов.

— Да то, что было в верхнем этаже, — ответил старик. — Старинная утварь, оружие пугачевцев, рукописные книги... Ну и всякое прочее... Как видите, собирались забрать все до нитки. А когда туго пришлось, схватили самый лакомый кусок — и давай бог ноги. Это уж осталось. Времени, видно, не хватило...

— Все-таки хотел бы я знать, кто здесь орудовал, — сказал сквозь зубы Стремянной. — Может, еще доведется встретиться...

Громов с усмешкой поглядел на него:

— Не позавидовал бы я ему в таком случае... А как вы считаете, Григорий Фомич, чья эта работа?

Старик пожал плечами:

— Да скорее всего бургомистра Блинова, он тут у нас главным ценителем искусства был. Ведь у меня, помните, все было подготовлено к эвакуации, свернуто, упаковано. А он, разбойник, обратно развесить заставил... Ценитель искусства!.. И верно ценитель. С оценщиками сюда приходил. Для каждой картины цены установил в марках... А впрочем, не пору-

чусь, что именно он вывез. Охотников до нашего добра здесь перебивало много!..

— А в народе не заметили, кем и в каком направлении вывезены картины? — опять спросил Громов. — Люди ведь все замечают. Вы не расспрашивали?

— Расспрашивал, — грустно ответил старик. — Но ведь это ночью было, а нам ночью выходить на улицу — верная смерть. Сами знаете. Однако подглядел кое-кто, как этот мерзавец Блинов грузился. Запихивали к нему в машину какие-то тюки. А что там было — картины или шубы каракулевые — это уж он один знает... А вот я знаю, что нет у нас больше самых лучших картин. И все... — Он отвернулся и громко высморкался.

Все минуту молчали.

Иванов озабоченно потер темя.

— Так, так... Ну что ж, Григорий Фомич, приходите завтра ко мне этак часам к двенадцати. Поговорим, подумаем...

— Куда прийти-то? — спросил старик.

— Известно куда, в горсовет. Он ведь уцелел.

— На старое место? Это приятно. Приду. Непременно приду.

Пожав худую холодную руку старика, все трое двинулись к выходу. А он, склонив голову набок, долго смотрел им вслед. И на лице у него было какое-то странное выражение — радостное и грустное одновременно.

— В лагерь! — коротко приказал Стремяной, когда все снова сели в машину.

Но в эту минуту из-за угла опять появился капитан Соловьев. Чтобы не сердить началь-

ника штаба, он старался не бежать и шагал какими-то особенно длинными, чуть ли не полутораметровыми шагами.

— Товарищ подполковник! — возбужденно начал он, подойдя к машине и положив руку на ее борт. — Мы обнаружили местное казначейство...

— Казначейство? — с интересом переспросил Иванов и с непривычной для него живостью стал вылезать из машины. — Где же оно? А ну-ка, проводите меня туда!..

— Да что там, в этом казначействе? — Стремянной с досадой пожал плечами. — Какие-нибудь гитлеровские кредитки, вероятно... — Ему не хотелось отказываться от решения ехать в лагерь.

— Нет, там и наши советские деньги есть, огромная сумма, — их сейчас считают. Но, главное, знаете, что мы нашли? — Соловьев вытянул шею и сказал таинственным полупшепотом: — Наш несгораемый сундук! Помните который под Воронежем при отходе пропал?..

— Да почему вы думаете, что это тот самый?

— Ну как же!.. Разве я один его узнал? Все паши говорят, что это сундук начфина Соколова.

Стремянной недоверчиво покачал головой:

— Сомневаюсь. А где он стоит, этот ваш знаменитый соколовский сундук? В казначействе, говорите?

— Никак нет. Он тут, рядом.

— Рядом? Как же он сюда попал?

— Очень просто, товарищ подполковник. Немцы его вывезти хотели. Погрузили уже...

Вы, может, заметили — там, на углу, автобус стоит с драконами. Так вот, в этом самом автобусе... Ох, и махина! Едва вытащили...

— Интересно, — сказал Стремяннóй. — Неужели и вправду тот самый сундук? Не верится...

— Тот самый, товарищ подполковник. — Соловьев для убедительности даже приложил руку к сердцу. — Все признают. Да вы сами поглядите! Или сначала прикажете в казначейство?

Стремяннóй, словно советуясь, посмотрел на Громова и вышел из машины.

— Хорошо... Посмотрим, пожалуй, сначала на казначейство, а потом и на сундук, — сказал он. — Только побыстрее. Надо успеть еще до темноты осмотреть концлагерь.

ГЛАВА ПЯТАЯ

СНОВА КОВАНЫЙ СУНДУК

КАЗНАЧЕЙСТВО гитлеровцы устроили в том же трехэтажном каменном доме, где до войны располагалось городское отделение Государственного банка.

Когда Стремяннóй и Громов вошли в операционный зал, первое, что они увидели, был большой письменный стол, заваленный целиком грудами денег. Рядом стоял часовой, а вокруг — за соседними столами — штабные писари считали ассигнации и тут же заносили подсчитанные суммы в ведомости.

Над кассой висело еще не сорванное объявление бургомистра: «Господа налогоплатель-

щики! Помните, ваш долг вносить налоги в установленные городским управлением сроки. Уклоняющиеся будут рассматриваться немецким командованием как саботажники, подлежащие отдаче под суд».

Соловьев бодро, слегка выпятив грудь, шагнул впереди Стремянного. Он был очень доволен, что тот отозвался на его приглашение осмотреть казначейство. Что ни говори, а приятно показать начальству, как четко организовано у тебя дело и в каком безупречном порядке происходит учет трофеев.

— Деньжищ-то, деньжищ! — высоко подняв светлые брови и оглядев столы, сказал Иванов. — Сколько же их тут примерно? — спросил он у старого усатого писаря, очевидно из счетных работников. Старик ловко управлялся с делом — ассигнации так и мелькали у него в руках, — и стопка туго перевязанных шпагатом пачек росла прямо на глазах.

— Да уж миллион семьсот тысяч, — усмехнулся писарь, обвязывая веревкой очередную пачку сотенных бумажек. — А вообще-то не очень много — всего миллионов пять-шесть будет.

— Нечего сказать — мало! — удивился Иванов. — Да это же целый бюджет!

Громов обошел вокруг стола, взял сотенную бумажку в руки и стал ее пристально рассматривать.

— А не кажется ли вам подозрительным, — обратился он к Стремянному, — что здесь так много совершенно новых, даже неизмятых денег?

— Что ты хочешь сказать, Илья Данилыч? — спросил Иванов и тоже взял одну из новеньких ассигнаций. — Думаешь, деньги фальшивые?

— Возможно.

— Думаешь, нарочно их сюда подбросили?

— Это надо проверить, — ответил Громов.

— Гм... — Иванов взял в руки несколько ассигнаций и, склонив голову набок, будто любясь, стал их рассматривать.

— Что ж, устроим экспертизу, — предложил Стремянной. — Разумеется, так пускать их в обращение не следует.

— Никакой экспертизы не надо, — сказал Иванов. — И так ясно — деньги фальшивые.

— Почему ты так уверен, Сергей Петрович? — повернулся к нему Громов.

— Да уж уверен... Ну-ка, посмотри еще разок, да повнимательнее, и ты сейчас уверишься.

Громов вытащил из пачки одну ассигнацию и стал пристально ее разглядывать. Он вертел ее и так и этак, смотрел на свет, пробовал плотность бумаги пальцами. По его примеру Стремянной тоже взял одну сотенную, вытащил из кармана другую и стал тщательно сличать обе ассигнации. Так прошло несколько минут.

— Нет, — наконец, сказал Громов. — Ничего не вижу. Деньги как деньги!..

— Ну, а ты, Стремянной, что скажешь?

— Да что сказать? Выдай мне этими деньгами зарплату — возьму без всяких сомнений.

— Эх вы, эксперты!.. Давайте-ка сюда! — Иванов отобрал у них ассигнации и сложил

вместе. — Смотрите!.. Видите?.. Номера и серии на них одинаковые!.. На этой бумажке серия ВС 718223 и на другой тоже. Я просмотрел целую пачку новых денег — и все с одним номером...

— Ай да Сергей Петрович! — воскликнул Громов. — Смотри, как просто, а?.. И ведь не догадаешься...

— Что же нам с этими деньгами делать? — озабоченно спросил Стремянной.

— Сжечь, понятно, — сказал Громов, — а несколько кредиток пошлем в Москву для изучения...

— Правильно!.. Капитан! — Стремянной подзвал к себе капитана Соловьева, который в эту минуту складывал плотно увязанные пачки денег в брезентовый мешок. — Проверьте деньги как можно тщательнее. Если есть настоящие, отделите их.

— А у нас это уже сделано, товарищ подполковник, — доложил Соловьев. — Начфин Барабаш с самого начала распорядился новые бумажки пересчитать отдельно. А как прикажете поступить с настоящими деньгами?

— Сколько их, кстати?

— Сто пятьдесят шесть тысяч.

— Сдайте их в нашу финансовую часть, товарищ Соловьев! Майору Барабашу.

— Слушаюсь, товарищ подполковник! Будет сделано.

— Ну, а теперь давайте поглядим на сундук, — сказал Стремянной и направился к двери, подав знак Соловьеву следовать за ним.

На этот раз им не пришлось ехать на машине.

Соловьев провел их какими-то проулками, дворами и огородами на соседнюю улицу. Через несколько минут они шли мимо недавнего пожарища, среди обожженных, почерневших от пламени лип и берез. Перед ними беспорядочно громоздились обглоданные огнем балки, груды битого кирпича и совсем неузнаваемой, искаженной, потерявшей всякий облик утвари...

— Постойте, товарищи! — сказал Стремяной оглядываясь. — Куда это вы нас ведете? Ведь это, если не ошибаюсь, было здание сельскохозяйственного техникума? А теперь и не догадаешься сразу! Какой тут сад был до войны — красота!..

— А гитлеровцы что здесь устроили? — спросил Громов.

— Городское гестапо, — ответил Соловьев. — Место, понимаете сами, укромное, и участок большой...

Громов молча кивнул головой.

— Ну, а где же сундук? — спросил Стремяной.

— А мы его вон в ту проходную будку внесли, где охрана гестапо была. Я около него человека оставил.

— Ладно. Посмотрим, посмотрим...

Они пересекли сад и вошли в небольшой деревянный домик у самых ворот, выходящих на улицу.

Узенький коридорчик, фанерная перегородка с окошком, наглухо закрытым деревянным щитом, а за перегородкой — небольшая комната. В одном углу — железная печка, в дру-

гом — грубо выбитый, измазанный лиловыми чернилами стол.

Посередине комнаты стоял сундук. Присев на его край, боец в дубленом полушубке неторопливо скручивал козью ножку. При появлении Стремянного он встал.

— Ну-ка, ну-ка, покажите мне этот сундук, — весело сказал Стремянной. — А ведь в самом деле наш!.. Вот это находка! Никак не ожидал, что еще придется его увидеть.

Он наклонился, провел рукой по крышке, ощупывая железные полосы с частыми бугорками заклепок и целую россыпь затейливых рельефных бляшек, изображающих то звездочку, то ромашку, то морскую раковину.

А в это время Иванов деловито осматривал сундук. Не видя никаких признаков замка и замочной скважины, он только по затекам сургуча на стенках установил, в каком месте крышка отделяется от ящика.

— Не понимаю все-таки, как этот сундучище открывается? — спросил он.

— А вот сейчас увидите, — ответил Стремянной, продолжая ощупывать крышку и что-то на ней разыскивая. — Ага!.. Вот ковш... А вот и ручка... Большая Медведица...

— Какая еще медведица? — удивился Громов.

— Минуточку терпения!..

Стремянной нажал несколько заклепок, повернул какую-то ромашку налево, какую-то раковину направо и свободно поднял тяжелую крышку сундука.

— Наш! — сказал он торжествующе. — Но содержимое не наше.

Все заглянули в сундук. Он был доверху полон разнообразными вещами, в лихорадке последних сборов кое-как засунутыми в него. Соловьев нагнулся и вытащил меховую муфту.

— Так! — сказал Громов.

После муфты на свет появился старинный серебряный кофейник, целая связка подстаканников, большая наволочка, набитая столовым серебром — ложками; ножами, кольцами для салфеток, сахарными щипцами и лопатками для пирожного. Затем был извлечен газетный сверток, в котором оказалось двенадцать пар золотых часов, ручных и карманных, и еще много самых разнообразных предметов; объединяло их между собой только одно качество — их ценность.

— Ничего себе, нахапал, собака! — сказал Иванов. — А ты, Стремянной, еще говоришь: «содержимое не наше». Как это — не наше? Все наше! У нас наворовал. А что, больше там ничего нет?

— Есть, — ответил Соловьев и вытащил из сундука несколько папок с документами.

— Все больше по-немецки, — сказал Громов, раскрыв одну из папок и просмотрев несколько документов. — А вот это интересно! Смотрите-ка, смотрите, тут есть один любопытный документик — предписание направлять народ на постройку военных укреплений. Забирай, товарищ Стремянной. Пускай сначала у вас в дивизии посмотрят, а потом нам вернут...

Стремянной быстро взял протянутый Громовым документ и торопливо пробежал его глазами. Но первые же строки напечатанного на машинке текста разочаровали его. Это был

русский перевод приказа генерала Шварцкопфа, начальника штаба эсесовской дивизии, бургомистру города Блинову. В приказе предлагалось усилить подвоз рабочей силы в район строительства укреплений. Документ был уже двухмесячной давности, и если представлял некоторую ценность, то лишь как свидетельство того, что противник не приостанавливал работ даже в самые лютые декабрьские морозы. Следовательно, гитлеровское командование возлагало на эти укрепления большие надежды. Ничего более существенного в двадцати строках приказа найти было нельзя.

Стремянной внимательно пересмотрел все остальные документы, лежавшие в папке, но ни одного, касавшегося укрепленного района, среди них не было.

Он засунул документы в полевую сумку и повернулся к Соловьеву:

— Ну, капитан, составляйте опись вещей, да смотрите, чтобы ничего не пропало. Потом по описи надо будет передать в горсовет. Может, и хозяева еще найдутся, если только живы, — и он захлопнул крышку опустевшего сундука. — Идем, товарищи.

— Постой, постой, — сказал Иванов, — объясни сперва, как он открывается.

— Это довольно-таки мудреное дело. Надо немножко знать астрономию. Ну, представляете вы себе Большую Медведицу?

— Нет, серьезно! — сказал Иванов. — Без магии, пожалуйста!

— Да я без магии. Просто замок здесь устроен довольно своеобразно. Для того чтобы открыть сундук, надо нажать несколько закле-

пок. Их тут множество, и почти все заклепки как заклепки. А семь штук фальшивые. Это, по существу говоря, кнопки, а не заклепки. Они поддаются нажиму. Но и нажимать их надо в определенном порядке: сперва третью кнопку в первом ряду — вот здесь, в центре железной полосы, потом шестую — во втором, пятую — в третьем; потом вот эту, эту, эту, — как видите, все кнопки расположены по контуру Большой Медведицы. И никакой магии. Теперь, для того чтобы окончательно открыть замок, мы поворачиваем эту ромашку и эту раковину... Вот и все — сундук открыт.

— Чудеса! — сказал Иванов. — И какой мудрец это выдумал! Ну, скажи ты мне, зачем вы эту редкость в части держали? Не проще ли было завести обыкновенный сейф?

— Проще-то проще, да начфин у нас, говорят, романтиком был. Я-то вместе с ним совсем немного проработал. А сундук этот к нам от испанцев как будто попал, когда наша дивизия прошлой весной на Ленинградском фронте действовала. Разбили одну их часть, а штаб захватили, вместе с казначеем и его сундуком. Вот мы и получили этот сундук в качестве трофея...

— Бывает... — Громов поглядел на сундук. — У вещей тоже есть своя судьба, как у людей. Интересно, как он сюда попал, в аккупированный город? Кому напоследок служил?..

— Да я и сам хотел бы знать. Странная эта история, товарищи, — ответил Стремянной. И он вкратце рассказал Иванову и Громову о событиях под Воронежем и о той обстановке, в которой пропал сундук.

— Действительно, странно, — согласился Громов. — И вы о Соколове никогда больше не слышали?

— Нет.

— Погиб, вероятно...

Стремянной покачал головой:

— Может быть, может быть... Одно только я не могу взять в толк. Сундук-то ведь цел. Стало быть, гитлеровцы узнали его секрет. Не стали же они испанцев запрашивать!

Они двинулись по тропинке обратно к машине. Вдруг между двумя обугленными деревьями проглянула стена соседнего дома. Стремянной невольно остановился. Таким странным ему показался этот кусочек свежескрашенной зеленой стены рядом с унылой чернотой обгорелых развалин.

— Это еще что такое? — спросил он. — Кто тут жил?

— А бургомистр здешний, — ответил всезнающий Соловьев. — Прежде тут, говорят, ясли были, а потом он свою резиденцию устроил.

— Резиденцию, говорите? — усмехнулся Громов. — Интересно, где-то у него теперь резиденция! Наверно, в овраге каком-нибудь!..

— Да и то ненадолго, — бросил через плечо Стремянной и быстрее зашагал вперед.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

КОНЦЛАГЕРЬ «ОСТ-24»

К ВОРОТАМ концлагеря Стремянной подъехал один. Времени было мало, забот — много, и, выбравшись на улицу из полуобгорелого сада, окружавшего развалины гестапо,

Иванов и Громов простились со своим спутником.

Громов поехал в железнодорожные мастерские. Иванов зашагал к себе в горсовет, с фасада которого уже была сорвана вывеска «Городская Управа».

Разыскать лагерь было не так-то просто.

Сначала Стремяннóй уверенно указывал шоферу путь, но оказалось, что там, где прежде была проезжая дорога, теперь машину чуть ли не на каждом повороте задерживали то противотанковые надолбы, то густые ряды колючей проволоки, протянутой с угла на угол, то глубокие воронки от бомб...

В конце концов Стремяннóй махнул рукой и предоставил шоферу добираться до места как знает — на свое усмотрение и на свой страх. Шофер попросил у начальника папиросу, поговорил на ближайшем углу со стайкой мальчишек вынырнувших из какого-то тупичка, а потом тихонько, ворча себе под нос и браня рытвины и ухабы, принялся петлять среди пустырей, улочек и проулков, руководствуясь не столько полученными указаниями, сколько безошибочным инстинктом опытного водителя, привыкшего в любых обстоятельствах, белым днем и темной ночью, доставлять начальство куда приказано.

Наконец, он свернул в последний раз, нырнул в какой-то ухаб и опять вынырнул из него...

— Приехали, товарищ подполковник.

Так вот оно — это проклятое место!

Широкие ворота раскрыты настежь. Рядом

с ними к столбу прибит деревянный щит с немецкой надписью «ОСТ-24».

Под концлагерь немцы отвели две окраинных улицы и обнесли их высокой изгородью из колючей проволоки.

Машина медленно въехала в ворота. Стремянной соскочил на землю и остановился, оглядываясь по сторонам. Год тому назад эти улицы были такие же, как соседние. Ничего в них не было особенного. Те же домишки, палисадники, дворы, летом заросшие травой, а зимой заваленные снегом... А теперь? Теперь все здесь стало совсем другим. Просто невозможно представить себе, что он, Егор Стремянной, когда-нибудь уже ступал по этой земле. А ведь это было — и сколько раз было!..

Помнится, как-то осенью, перед войной, он возвращался по этой самой улице домой с охоты. Был вечер. На лавочках у ворот сидели старушки. Мальчишки, обозначив положенными на землю куртками ворота, гоняли футбольный мяч. Его собака вдруг, ни с того, ни с сего, кинулась навстречу мячу. Мяч ударился об нее и отлетел в сторону. Все засмеялись,

закричали: «Вот это — футболист!» А он шел враскачку, приятно усталый и что-то насвистывал... Нет, не может быть! Как он мог свистеть на этой улице? Да ведь тут и слова сказать не посмеешь...

Стремянной медленно обвел глазами серую щеренгу домиков с грязно-мутными, давно не мытыми окошками.

Домики казались вымершими. Ни одного человека не было видно на пустынной дороге, ни один дымок не поднимался над крышами.

Ему захотелось поскорее уехать отсюда, поскорее опять окунуться с головой в горячую и тревожную суматоху оставленной за воротами жизни. Но он сделал над собой усилие, снял руку с борта машины, пересек дорогу и, поднявшись по щелястым ступеням, вошел в ближайший к воротам домик.

Его сразу же, как туман, охватил мутный сумрак и тяжелый дух холодной затхлости. В домике пахло потом, прелой одеждой, гнилой соломой. Большую часть единственной комнаты занимали двойные нары. В углу валялась куча какого-то грязного тряпья, закопченные консервные банки — в них, видно, варили пищу.

Стремянной с минуту постоял на пороге, осматривая все углы, — нет ли человека.

— Есть тут кто-нибудь? — спросил он, чтобы окончательно удостовериться, что осмотр его не обманул.

Ему никто не ответил. Он стал переходить из одного домика в другой. Всюду было одно и то же. Грязное тряпье, консервные банки, прелая солома на нарах... Иногда Стремянной

замечал забытые в спешке вещи — солдатский котелок, зазубренный перочинный нож, оставленный на подоконнике огарок оплывшей свечи. Все это выдавало торопливые ночные сборы. Кто знает, чей это был нож, чей котелок, кому в последний вечер светила эта стеариновая оплывшая свеча?..

Входя в очередной домик, Стремянной всякий раз повторял громко: «Есть тут кто-нибудь?» И всякий раз вопрос его оставался без ответа. Он уже перестал думать, что кто-нибудь отзовется.

И вдруг в одном из домиков — не то в пятом, не то в шестом — с верхних нар слышался слабый, тихий голос:

— Я здесь!..

Стремянной подошел к нарам, заглянул на них, но в полутьме ничего не увидел.

— Кто там?

— Я...

— Да кто вы? Идите сюда!..

— Не могу, — так же тихо ответил человек.

— Почему не можете?

— Ноги поморожены...

В глубине на нарах зашевелилась, зашуршала солома и показалась чья-то всклокоченная голова, потом плечо в старой, порванной военной гимнастерке, и человек со стоном подполз к самому краю нар.

— Подожди, я тебе помогу, — сказал Стремянной, встал на нижние нары, одной рукой ухватился за столб, на котором они держались, а другой обнял плечи человека и потянул его на себя.

Человек застонал.

Тогда Стремянной правой рукой обхватил плечи человека, левую подsunул ему под колени и снял его с нар. Человек почти ничего не весил — так он был изнурен и худ. Он сидел на нижних нарах, прислонившись спиной к стене, и тяжело дышал. В надвигавшихся сумерках Стремянной не мог ясно разглядеть его лицо, обросшее давно не бритой бородой. Натруженные, в садах руки бессильно лежали на коленях. Ноги в черных сапогах торчали, как неживые.

— Вы кто такой? — спросил Стремянной.

— Пленный я... На Тиме в плен попал, — сквозь стон ответил солдат. А руки его все время гладили колени, остро выступавшие из-под рваных брюк.

— Ну, а с ногами-то у вас что? Сильно поморозили?

— Огнем горят... Ломят... Терпенья нет. — Человек минуту помолчал, а потом, пересилив боль, сказал сквозь зубы: — Мы на строительстве укрепрайона были. Нас сюда цельные сутки по морозу пешком гнали. А обувь у нас какая? Никакой...

— Послушайте, послушайте-ка, — сказал Стремянной, — какой это укрепрайон? Тот, что западнее города?

— Да, как по шоссе идти...

— Далеко это отсюда?

— Километров сорок будет... У села Малиновка...

— Что же вы там делали?

— Да что... доты строили... рвы копали... Ох, товарищ начальник, сил у меня больше нет...

— Сейчас отвезу вас в госпиталь, — сказал

Стремянной, — там вам помогут... А сумеете вы на карте показать, где эти доты?

— Надо быть, сумею...

— А как же вы здесь оказались?

— А нас сюда назад пригнали.

— Когда?

— Да уж четверо суток скоро будет.

«Четверо суток! — прикинул про себя Стремянной. — Значит, это было еще до наступления».

— Где же остальные?

— Увели. Ночью... А куда, не знаю... Ой, ноги, ноги-то как болят! — Он крепко обхватил свои ноги и замер, чуть покачиваясь из стороны в сторону.

Стремянной вынул из кармана фонарик и осветил ноги солдата. Ему стало не по себе. То, что он принял за сапоги, на самом деле были босые ноги, почерневшие, объятые гангреной...

— Вот несчастье!.. Держись-ка, друг, за мои плечи. — Стремянной поднял солдата и вынес его на крыльцо.

Он посадил его на заднее сиденье машины, укрыл одеялом, которое всегда возил с собой, а сам сел рядом. Машина тронулась.

— Ты из какой дивизии? — спросил Стремянной солдата, с щемящей жалостью рассматривая его всклокоченную рыжую бороду и лицо, изрезанное глубокими морщинами.

Что-то похожее на улыбку промелькнуло по лицу солдата.

— Да из нашей, из сто двадцать четвертой, — тихо ответил он.

— А в какой части служил?

— В охране штаба...

Стремянной пристально взглянул на солдата.

— Еременко! — невольно вскрикнул он, и голос у него дрогнул. В сидящем перед ним старом, изможденном человеке почти невозможно было узнать того Еременко, который всего год назад мог руками разогнуть подкову.

— Я самый, товарищ начальник, — с трудом выдохнул солдат.

— А меня признаешь?

— Ну как же!.. Сразу признал...

— Тут машина вздрогнула на выбоине дороги, Еременко ударился ногами о спинку переднего сиденья и тяжело застонал.

— Осторожнее ведите машину! — строго сказал Стремянной шоферу.

Машина замедлила бег. Теперь шофер старательно объезжал все бугры и колдобины. Еременко сидел, завалившись на сиденье, с закрытыми глазами, откинув голову назад.

Так вот оно что! Теперь Стремянной вспомнил все. Еременко и был тем вторым автоматчиком, который исчез одновременно с начфином. По всей вероятности, он знает, куда делся и Соколов.

Стремянной осторожно положил руку на плечо солдата.

— Товарищ Еременко... А товарищ Еременко... Не знаете ли вы, что с Соколовым? Где он?

Солдат молчал.

Стремянной дотронулся до его руки. Она была холодна. И только по легкому облачку пара, вырывавшегося изо рта, можно было догадаться, что он еще жив.

Через четверть часа Еременко был доставлен в полевой госпиталь, занявший все три этажа каменного здания школы. Еще через полчаса его положили на операционный стол, и хирург ампутировал ему обе ноги до колен...

· ГЛАВА СЕДЬМАЯ

СОБЫТИЯ РАЗВИВАЮТСЯ

НАД городом сгущались сумерки. Издалека ветер доносил едва слышный рокот артиллерийской канонады. Это соседняя армия выбивала противника из укрепленного района. На площади стучали кирки, врезаясь в мерзлую землю, — взвод саперов копал братскую могилу для расстрелянных гитлеровцами солдат. Назавтра Ястребов назначил торжественные похороны.

По опустевшим улицам ходили патрули. Изредка проезжали машины с синими фарами. Разведка донесла Ястребову, что гитлеровцы, отступив к Новому Осколу, окапываются и подвозят резервы. Возможно, что они в ближайшие дни попытаются перейти в наступление.

Ястребов попросил командующего армией разрешить ему продолжать преследование противника. Однако в штабе армии были какие-то свои планы. Ястребову приказали организовать крепкую оборону города и ждать дальнейших указаний.

Стремянной, сидя за своим рабочим столом, разговаривал по телефону с командирами полков, когда с радиостанции ему принесли телеграмму из штаба армии. По тому, как улыбался сухопарый лейтенант, подавая ему листок с уже расшифрованным текстом, он понял, что его ждет какое-то приятное и значительное известие.

И действительно, телеграмма была очень приятная. Стремянной быстро пробежал ее глазами, невольно сказал: «Ого!» — и вышел в соседнюю комнату, где полковник Ястребов беседовал со своим заместителем по политической части — полковником Корнеевым, невысоким, коренастым, медлительным и спокойным человеком, любителем хорошего табака и хорошей шутки.

Они сидели за столом, на котором лежали оперативные сводки и карты, впрочем тщательно сейчас прикрытые, так как в комнате находился посторонний человек в штатском. Ему было, вероятно, лет под пятьдесят (а может быть, и меньше — месяцы, прожитые в оккупации, стоили многих лет жизни). Его темные, когда-то пышные волосы были так редки, что сквозь них просвечивала кожа, щеки покрывала седая щетина. Одет он был в старое черное пальто, из-под которого виднелись обтрепанные серые летние брюки. На носу у него кое-как держались скрепленные на переносице черными нитками, сломанные надвое очки с треснувшим левым стеклышком. Разговаривая с командирами, человек время от времени поглядывал на телефониста, который, сидя в углу, ел из котелка суп.

В стороне, у окна, стоял начальник особого отдела дивизии майор Воронцов. Он был одного возраста со Стремянным, но выглядел значительно старше — может быть, оттого, что имел некоторое расположение к полноте. Слегка прищуриив свои небольшие карие глаза, он спокойно курил папиросу, внимательно и с интересом слушая то, что рассказывал человек в пальто. В руках он держал несколько фотографий, уже, очевидно, им просмотренных, выжидая, пока Ястребов и Корнеев просмотрят другие и обменяются с ним.

Мельком взглянув на постороннего, Стремянной подошел к Ястребову и, сдерживая улыбку, громко произнес:

— Товарищ генерал-майор, разрешите обратиться!..

Ястребов удивленно и строго посмотрел на него.

— Бросьте эти шутки, Стремяннóй!.. У нас тут дело поважнее... Познакомьтесъ. Это — местный фотограф. Он принес нам весьма интересные снимки... Их можно будет кое-кому предъявить, — и Ястребов протянул Стремянному пачку фотокарточек.

Стремяннóй взял у него из рук десяток свежих, еще не совсем высохших фотографий, отпечатанных на матовой немецкой бумаге с волнистой линией обреза. На этих фотографиях были сняты эсэсовцы так, как они любили обыкновенно сниматься. На одной — во время игры в мяч, без мундиров, в подтяжках, с засученными до локтей рукавами рубашек. На другой — они сидели вокруг стола в мундирах при всех регалиях и дружно протягивали к объективу аппарата стаканы с вином. Среди них было несколько женщин. На третьей — гитлеровцы были сняты в машине; каски и фуражки низко надвинуты на глаза, на коленях — автоматы. Не забыли они сняться и у подножия виселицы в самый момент казни, на кладбище — среди уходящих вдаль одинаковых березовых крестов...

На этих же фотографиях — то сбоку, то на заднем плане — виднелись какие-то штатские. Они, видимо, тоже участвовали в происходящем, но чувствовалось, что это люди подчиненные, зависимые, и между ними и их хозяевами — огромная дистанция.

— Да, эти фото нам будут очень полезны, товарищ генерал, — согласился Стремяннóй и, отступив на шаг, незаметно для Ястребова передал за его спиной телеграмму замполиту.

— Опять — генерал! — уже рассердился Ястребов.

— А что, собственно, вы, товарищ генерал, придираетесь к начальнику штаба? — сказал, улыбаясь, Корнеев. — По-моему, он совершенно прав, вы и есть генерал... Вот, смотрите! — и он протянул Ястребову телеграмму. — За освобождение города вам присвоено звание генерал-майора и вы награждены орденом Красного Знамени...

— А дивизия?.. — спросил Ястребов.

— Никого не забыли, Михал Михалыч. А дивизии объявлена благодарность. Приказано наградить всех отличившихся, — сказал Стремянной, уже не сдерживая своей радости.

Ястребов читал телеграмму долго-долго и почему-то сердито сдвинув брови. Наконец, прочел и отложил в сторону.

— Прямо невероятно, — сказал он вполголоса: — четыре события, и все в один день!

— Три я знаю, товарищ генерал. — Стремянному ново и даже как-то весело было называть генералом Ястребова, который всего несколько месяцев тому назад был подполковником, а в начале войны — майором. — Первое событие — освобождение города! Второе — присвоение вам звания генерала... Третье — орден... А четвертое?..

— Ну, это — самое незначительное! — смущенно сказал Ястребов. — Мне сегодня исполнилось сорок пять лет!..

— Поздравляю, Михал Михалыч! — сказал Корнеев, крепко пожимая ему руку. — Отметить это надо!.. Такие дни бывают раз в жизни!..

— И я вас поздравляю, товарищ полк... — Стремянной вдруг сбился, махнул рукой и обнял Ястребова, — дорогой мой товарищ генерал!..

Ястребов с трудом высвободился из его могучих объятий.

— Ладно, — шутливо сказал он. — Поздравления принимаю только с цветами... Давайте покончим с делом. Спасибо вам, товарищ Якушкин, — обратился он к фотографу, который все это время безмолвно стоял в стороне, однако всем своим видом участвуя в том, что происходило в комнате. — Вы поступили совершенно правильно, передав в руки командования эти фотографии. Благодарю вас за это! Я вижу, трудно вам тут было... Вот вам записка, — Ястребов нагнулся над столом и, взяв листок бумаги, написал на нем несколько слов. — Идите к начальнику продовольственного снабжения — он выдаст вам паек...

— Спасибо, спасибо, товарищ генерал, — Якушкин широко улыбнулся, обнажив длинные желтые зубы, пожал всем по очереди руки и направился к дверям.

— Ну, Воронцов, — обратился к майору Ястребов, когда дверь за Якушкиным закрылась, — ведь важный материал он нам доставил?! А? И человек, по-моему, занятный...

— Да, несомненно, — согласился Воронцов, собирая фотографии в пачку. — Я заберу все фото, не возражаете?

— Забирай, забирай, — кивнул Ястребов и протянул ему карточки, которые были у него в руках. — Это для твоего семейного альбома,

а мне ни к чему... Изучи, как следует. Это такие документы, от которых не открутишься...

— Еще минуточку, товарищ Воронцов, — сказал Стремянной, заметив его выжидательный взгляд, — я только досмотрю эти несколько штук...

Он взял в руки последние три фотографии. На одной из них внимание его почему-то привлекла фигура уже немолодого немецкого офицера, плотного, с высоко поднятыми плечами... Офицер смотрел куда-то в сторону, и фигура его была несколько заслонена широким кожаным регланом эсэсовского генерала, обращавшегося с речью к толпе, понуро стоящей перед зданием городской управы. Что-то в облике этого офицера показалось Стремянному знакомым. Где он его видел?.. И вдруг в памяти у него возникли те двое пленных, которых он заметил сегодня утром на улице города. Тот, постарше, с поднятым воротником и в темных очках!..

Стремянной быстро вышел из комнаты, прыгнул с высокого крыльца и нагнал Якушкина в ту минуту, когда фотограф расспрашивал часового у ворот, как пройти к продовольственному складу.

— Товарищ Якушкин! А товарищ Якушкин! — окликнул Стремянной. — Скажите-ка мне, кто это такой? Вы не знаете? Да нет, не этот. Вон тот, позади...

Якушкин поправил очки и взял из рук Стремянного фотографию.

— А!.. Я думал — вы спрашиваете про этого оратора в реглане. Это — Курт Мейер, началь-

ник гестапо, а тот, позади, — бургомистр Блинов. Знаменитость, в своем роде...

— Бургомистр?.. Почему же он в немецкой форме?

— А гитлеровцы ему разрешили. В последнее время он только и ходил во всем офицерском.

— Спасибо! — Стремянной быстро возвратился к себе и вызвал по телефону военную комендатуру города.

— У телефона комендант майор Теплухин!

— Товарищ майор! — быстро сказал Стремянной. — Часа три назад к вам должны были привести двух пленных офицеров... Одного? Нет, двоих... Один из них такой коренастый, в темных очках... Где он?.. Нет, не хромой, а другой... Сбежал?.. Как же это вы допустили, черт вас совсем возьми!.. Да вы знаете, кто от вас сбежал? Бургомистр! Предатель!.. Найти во что бы то ни стало... Слышите?.. Повторите приказание.

Майор Теплухин повторил в трубку приказание. Стремянной сейчас же распорядился, чтобы в городе тщательно проверялись пропуска и чтобы количество патрулей было увеличено. Потом он рассказал о происшествии Воронцову, отдал ему фото и, когда Воронцов ушел к себе, снова принялся за работу. Но ему не работалось. «Странное дело, как он врезался в память, этот сегодняшний эсэсовец, — думал он, раздраженно шагая из угла в угол. — Вижу в первый раз, а вот поди ж ты!..»

УДИВИТЕЛЬНОЕ ИЗВЕСТИЕ

В ЭТОТ вечер вся энергия движка, который, обычно освещал штаб дивизии, была отдана госпиталю и типографии, где печатался первый номер газеты освобожденного города.

... За большим столом, покрытым за неимением скатерти простыней и уставленным бутылками, банками консервов, тарелками с колбасой, шпигом и дымящейся вареной картошкой, сидел виновник торжества — генерал Ястребов, правда, еще со знаками различия полковника, потому что военторг никак не мог предусмотреть, что производство полковника Ястребова в генералы состоится так быстро. Вокруг стола на табуретках, стульях и опрокинутых ящиках сидели замполит Корнеев, Стремьянной, которого то и дело вызывали к телефону, Громов и Иванов, оба усталые, полные впечатлений от большого дня, — они сегодня осмотрели весь город, говорили с десятками людей, и только теперь перед ними стало понемногу вырисовываться все то, что предстоит им сделать в этом разрушенном врагом городе.

Комната, в которой они сидели, освещалась неверным желтоватым светом нескольких старинных свечей, расставленных на столе между бутылками и банками.

За стеной штаб дивизии жил своей обычной напряженной и деловой жизнью. Слышались голоса телефонистов: «Волга слушает!», «Днепр, Днепр, отвечайте пятьдесят шестому». То и дело хлопала дверь. Стучали каблучки. Оранжевые язычки пламени на свечах ме-

тались, чадили, и тени голов расплывались по стенам.

Когда наполнили стаканы, Ястребов встал. Встали и все, кто был за столом.

Ястребов сказал:

— Мне хочется вас приветствовать в городе, который освободила наша дивизия. Долго стояли мы на восточном берегу Дона, долго ждали приказа... И вот, наконец, мы идем на запад. Тяжело видеть нам города наши в развалинах, людей наших замученными... И мне хочется прежде всего почтить память тех, кто погиб за Родину!.. — Комдив замолчал и склонил голову. Все помолчали. — И все же радостный у меня сегодня день, товарищи, — продолжал он. — Не потому, что я получил звание генерала, и не потому, что меня наградили орденом... Хотя это и большая радость. Но главное — я верю, я убежден, что нанесенный нами удар приближает полный разгром врага. Выпьем же, друзья, за победу, за то, чтобы город этот стал еще красивее, чем был, чтобы скорее забылась в нем война и чтобы дивизия наша дошла до Берлина.

Зазвенели стаканы. Все были взволнованы и даже растроганы. Стремянной чуть пригубил свой стакан. Каждую минуту ему приходилось выходить из-за стола — читать донесения и самые важные из них тут же показывать Ястребову, который тоже несколько раз выходил в соседнюю комнату докладывать по телефону командующему армией.

Из штаба армии запрашивали, сколько и каких боеприпасов нужно доставить; нет ли новых данных об укрепрайоне; когда прислать

машины за ранеными; как идет учет трофеев; сколько взято в плен вражеских солдат и офицеров; в каком состоянии город; из обкома партии интересовались, можно ли быстро пустить в ход электростанцию и другие предприятия, просили по возможности обеспечить население продовольствием и топливом...

За столом делились впечатлениями утреннего боя, вспоминали недавние встречи. Громов рассказал об одном больном старике железнодорожнике, старом члене партии, который в своей сторожке устроил явку для партизан, передавал сведения о движении вражеских воинских эшелонов. Старик сохранил свой партийный билет, и одним из первых его вопросов к Громову было: «Кому, товарищ секретарь, платить теперь членские взносы?»

— А вы знаете, — сказал Ястребов, — мне доложили, что на окраине города обнаружена разбитая авиабомбой машина местного начальника гестапо...

— А его-то самого хлопнули? — спросил Иванов.

— Нет, его не нашли. Наверно, сбежал.

Вдалеке, где-то на окраине города, раздалось несколько сильных взрывов — это минеры обезвреживали минные поля. Низко над крышами пронеслось звено бомбардировщиков...

В эту минуту дверь медленно приоткрылась, и на пороге появился начальник госпиталя, майор медицинской службы Медынский. Небольшого роста, толстый, он был одет в белый халат, поверх которого, вероятно, в сильной спешке накинул шинель, не успев надеть ее в рукава. По его взволнованному лицу Стремянной понял, что в госпитале что-то произошло.

Увидев в комнате столько людей, Медынский смущенно отступил за порог, но Стремянной тотчас же вышел в соседнюю комнату.

— Что случилось, товарищ Медынский?

Врач отвел Стремянного в сторону и так, чтобы никто не слышал, тихо сказал:

— Удивительная новость, товарищ подполковник! Капитан Соколов объявился.

— Соколов?! Да что вы говорите! Бывший начфин?

— Он самый!..

— Где же он?

— У нас в госпитале

— А как он к вам попал?

— Бежал с дороги из колонны военнопленных. Гитлеровцы вывели их из концлагеря и

погна́ли на запа́д. Ну, он как-то сумел от них уйти. Охранники ему вслед стреляли, ранили в правую руку. Посмотрели бы вы, во что он превратился! Какая шинелишка, какие сапоги! Весь оборванный! Чудом от смерти спасся...

— В каком он состоянии?

— Слаб, но бодр... шутит даже... сказал, чтобы я вам передал от него привет. Он говорит, что хотел бы увидаться с вами.

Стремянной на минуту задумался.

— Хорошо. Я сейчас приду... — Он шагнул к двери, за которой висел его полушубок, и обернулся. — А как здоровье того солдата Еременко, которому сегодня ноги ампутировали? Знаете, того — из концлагеря?

— Еременко?.. Еременко полчаса назад умер. Так и не пришел в сознание, бедняга. Операция была слишком тяжелая, а сил у него — никаких. Сами понимаете...

Стремянной невольно остановился на пороге.

— Умер, говорите... Так, так... Ну что ж, я сейчас приду.

Он быстро накинул полушубок и, отдав дежурному необходимые распоряжения, вышел из штаба...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ВСТРЕЧА

КОГДА Стремянной вошел во двор госпиталя, двое санитаров выносили из дверей носилки. По тяжелой неподвижности плоского, как будто прилипшего к холсту тела

сразу было видно, что на носилках лежит мертвый. Еременко!.. Стремянной взглянул в темное лицо с глубоко запавшими закрытыми глазами. «Ах, будь они прокляты, сколько вытерпел этот человек! И вот — всё...»

Стремянной снял шапку и, пропустив мимо себя санитаров, смотрел им вслед, пока они не скрылись за углом дома. Потом он рывком открыл тяжелую, обмерзшую снизу дверь и вошел в госпиталь.

В лицо ему ударил знакомый теплый госпитальный запах только что вымытых полов, эфира, сулемы. Неярко горели редкие электрические лампы. В дальнем углу коридора

громоздились одна на другой школьные парты. Двери классов, превращенных в палаты, были широко открыты. Там тесно, чуть ли не вплотную друг к другу, стояли койки. Койки стояли и в коридоре. Только одна дверь была плотно закрыта. «Уж не тут ли кабинет Медынского?» — подумал Стремянной и открыл дверь.

Он увидел стены и шкафы, завешенные белыми простынями, никелированные столики для инструментария и на них — в ярком свете повешенной к потолку прожекторной лампы — флаконы, чашки, щипцы, разной формы ножи и пилки.

Середину комнаты занимал операционный стол на высоких ножках, на нем лежал раненый, по грудь покрытый простыней. Женщина в белом халате и маске, чуть подавшись вперед, быстрыми и точными движениями зашивала рану.

Услышав скрип двери, она повернула закрытое до самых глаз лицо и вопросительно посмотрела на Стремянного.

Он смущенно улыбнулся, махнул рукой и поскорей прикрыл дверь.

Где же все-таки Медынский? Куда он запропастился?

Как раз в эту самую минуту начальник госпиталя появился на верхней площадке лестницы.

— Соколов не здесь, товарищ подполковник, он наверху — в палате для легко раненных, — говорил он, перегибаясь через перила. Медынский был уже без шинели, в выглаженном халате с тесемочками, аккуратно завязанными

сзади на шее и у кистей рук. Это придавало его облику какую-то спокойную деловитость.— Я ему сказал, что вы сейчас придете.

— И что же он?

— Он даже весь загорелся от радости. Вы не можете себе представить, как измучен этот человек.

Медынский повел Стремянного на второй этаж. Они прошли мимо перевязочной, из которой сквозь плотно закрытые двери доносились стоны раненого и молодой женский голос: «Ну, миленький, хороший мой, потерпи! Ну, минуточку еще потерпи, мой дорогой».

— Это что, Анна Петровна перевязывает? — спросил Стремянной прислушиваясь.

— Да, она. А что, сразу узнали?

Стремянной кивнул головой:

— Как не узнать! Много она со мной пово- зилась...

Они прошли в конец длинного, широкого коридора, в который выходили двери из пяти классов. У самой последней Медынский остано- вился:

— Здесь... Я вам нужен?

— Нет, не беспокойтесь, занимайтесь своими делами, товарищ Медынский. Если будет надо, я попрошу вас зайти или сам зайду.

— Слушаю!

Медынский ушел, но Стремянной не сразу открыл дверь. Он постоял немного, держась за железную ручку. Ему с необыкновенной ясно- стью вспомнилась вдруг всклокоченная голова Еременко в глубине темных нар, а потом — провалившиеся мертвые глаза с почти черны- ми веками... Каким-то он увидит Соколова?!

Стремянной толкнул дверь и вошел в палату.

Соколова он увидел сразу. Тот лежал на крайней койке у окна. В палате громко разговаривали и смеялись. Увидев Стремянного, все разом затихли. С ближайшей койки на него смотрели большие серые глаза лейтенанта Федюнина, накануне попавшего под бомбежку. Ему посчастливилось: он остался жив — взрывная волна прошла стороной, — но он получил три осколочных ранения в ноги. Стремянной хорошо знал Федюнина и жалел его.

— Здорово, Федюнин! — сказал он проходя. — Надеюсь, недолго залежишься?

— Зачем долго? Через две недели вернусь, — ответил Федюнин и широко улыбнулся.

Остальных, кроме Соколова, Стремянной не знал — это были солдаты из разных частей, но они его встретили как старого знакомого.

— Здравствуйте, товарищ подполковник! Проведать нас пришли? — сказал усатый молодой солдат с перевязанным плечом.

— Проведать, проведать...

— В палате номер девять все в порядке, товарищ начальник! Все налицо. Никого в самовольной отлучке нет, — шутливо отрапортовал солдат.

Стремянной улыбнулся:

— Вижу, настроение здесь боевое.

— Самое боевое, — подал из другого угла голос артиллерист с широкой повязкой вокруг головы. — Тут у нас полное взаимодействие всех родов войск — от артиллерии до походной кухни. Хоть сейчас наступай!..

— Вот и хорошо, — отозвался Стремянной,

с удовольствием поглядев на его широкое, чуть рябоватое лицо со смелыми, очень черными под белой повязкой глазами. — Подремонтируетесь тут, подвинтите гайки и айда — пошли!..

Он миновал койку артиллериста и остановился у занавешенного окна, в том углу, где лежал бывший начфин.

— Здравствуйте, товарищ Соколов!

Соколов с усилием приподнялся с подушек. Его забинтованная правая рука была тесно прижата к груди. Он подал Стремянному левую руку и крепко сжал его ладонь.

— Я так рад, так рад... — сказал он, слегка задыхаясь от волнения и не выпуская руки Стремянного из своей. — Ведь я уже потерял всякую надежду когда-нибудь вас всех увидеть... Потерял всякую надежду остаться в живых...

По его бледным, небритым щекам катились слезы радости. С тех пор как Стремянной видел его в последний раз, Соколов, конечно, сильно переменялся. Но никак нельзя было понять, в чем же эта перемена. Постарел, похудел? Да, конечно... Но не в этом дело. Бороды нет?.. Это, разумеется, очень меняет человека, но опять-таки не в этом дело... Стремянной напряженно вглядывался в какое-то отяжелевшее, как будто отекшее лицо Соколова. А тот улыбался дрожащими губами и, усаживая Стремянного у себя в ногах — в комнате, тесно заставленной койками, не оставалось места даже для табуретки, — все говорил и говорил, торопливо, обрадованно и взволнованно, словно опасаясь, что, если он замолчит, — гость его встанет и уйдет.

— Нет, какая радость, какая радость, что я вас вижу!.. — Он прикоснулся дрогнувшими пальцами к локтю Стремянного. — Вы уже подполковник, а, помнится, когда вас назначили к нам, вы еще майором были. Это каких-нибудь восемь месяцев тому назад... Каких-нибудь семь месяцев... — Он откинулся на подушку и прикрыл глаза рукой. — А сколько за эти месяцы пережито... Боже ты мой... Сколько пережито...

— Вы только не волнуйтесь, товарищ Соколов, — сказал Стремянной, стараясь самым звуком голоса успокоить его. — Не надо вам сейчас все это вспоминать.

— Да не могу я не вспоминать! — почти закричал Соколов, и в горле у него как-то задрожало и хлипнуло. — Я сейчас, немедленно, хочу рассказать вам, как я попал в плен. Вы можете меня выслушать?

— Ну ладно, ладно, рассказывайте, — ответил Стремянной, — только спокойнее. Прошу вас. Товарищи вам не помешают?

— Нет, нет, — горячо сказал Соколов, — пусть слышат все. Какие у меня секреты!.. Вы помните, товарищ подполковник, при каких обстоятельствах я попал в плен? — Стремянной кивнул головой. — Ну, так вот, — продолжал Соколов, — кроме шофера, со мной в машине ехали два автоматчика — Березин и Еременко. Когда мы уже были на полпути к Семеновке, — вы помните, там должен был расположиться штаб нашей дивизии, — из-за облаков выскочило звено «юнкерсов». Они стали бомбить дорогу... Мы остановили машину и бросились в канаву... Тут недалеко хлопну-

лась стокилограммовая фугаска. Осколки так хватили нашу машину, что уже ехать на ней никуда нельзя было. Разве что на себе тащить... Что тут было делать?

— Ясное дело — брать машину на буксир и тянуть, — сказал сосед Соколова, шофер Гераскин, у которого от взрыва бака с бензином было обожжено все лицо. Сейчас оно уже подживало и почти сплошь было покрыто густой зеленой мазью; от этого он казался загримованным под лешего.

— Легко сказать, — отозвался Соколов, быстро оборачиваясь к Гераскину. — Мы, наверно, сто раз пробовали остановить проезжавшие машины. Куда там! Никто не остановился, как мы ни кричали...

— Бывает, — как-то виновато согласился Гераскин.

— Что же мне было делать, товарищ Стремянной? — Соколов схватил Стремянного за руку. — Ну скажите хоть вы! На машине у меня сундук с деньгами. Я отвечаю за них головой...

— Дело сурьезное, — сказал у́сатый солдат.

— То-то и есть, — Соколов на лету поймал сочувственный взгляд и ответил на него кивком головы. — Очень серьезное... Тогда я решил послать одного из автоматчиков — Еременко — пешком в штаб дивизии за помощью, а сам с другим автоматчиком и шофером остался охранять денежный ящик.

— Правильное решение, — поддержал Федюнин.

— Ну вот, — продолжал Соколов, подбодренный общим дружелюбным вниманием, —

тут и началось... Проходит час, два... Еременко не возвращается. Помощи нет. И вдруг — снова бомбежка... Мы опять залегли в канаву... — Соколов помолчал.—А дальше я ничего не помню... Контузило меня... Очнулся в плену... в каком-то бараке... лежал целый день на охапке гнилой соломы. Пить даже не давали...

— Сволочи! — слышалось из другого конца палаты.

— Но хуже всего стало потом, — угрюмо сказал Соколов, — когда они по документам выяснили, что я начфин. Тут уж такое началось... — Он провел ладонью здоровой руки по лбу и на секунду зажмурился.

— Ну, а знаете ли вы что-нибудь о судьбе тех, кто был с вами? — спросил Стремянной. Ему хотелось хоть ненадолго отвлечь Соколова от особенно мучительных воспоминаний.

Соколов поднял припухшие веки и посмотрел на Стремянного.

— Только об одном, — медленно ответил он и опять прикрыл глаза.

— О ком же?

— Об одном из автоматчиков — Еременко. Переводчик мне говорил, что он был в концлагере, но как будто погиб.

— А где же были вы?

— Я? — Соколов криво усмехнулся. — Я почти все время сидел в гестапо, в подвале. Меня то допрашивали три раза в день, то забывали на целые недели...

Стремянной придвинулся поближе:

— А на строительстве укрепрайона вы не были?

— Был, — сказал Соколов, — как же!.. Там такие укрепления! Такие укрепления!.. — Он сжал зубы, и от этого на скулах у него заходили желваки. — Можно всю дивизию положить и не взять!..

— Это вы уж слишком, товарищ Соколов! Напугали вас!.. Не так все страшно, как вам кажется, — ответил Стремянной. — Однако это хорошо, что вы там побывали... Как видите, не было бы счастья, да несчастье помогло... Попозже я к вам зайду с картой, и мы подробно поговорим. А пока припомните, как в укрепрайоне организована система огня...

— Конечно, обо всем укрепрайоне я не могу сказать, — произнес Соколов подумав, — ведь я только несколько укреплений и видел...

— Где?..

— Да вот доты в районе Малиновки... Там их штук пять... О них я могу рассказать подробно.

— Что ж... О чем знаете, о том и расскажете.

Наступило короткое молчание.

— А знаете, товарищ Соколов, — сказал Стремянной, чтобы прервать тишину. — Еременко-то ведь мы нашли!.. Я сам привез его в госпиталь. У него были обморожены обе ноги...

Он не успел договорить. Соколов изменился в лице. Челюсти его сжались. Глаза расширились.

— Вы нашли Еременко?.. Это очень хорошо!.. Теперь будет кого расстрелять!.. Я хотел бы об этом сказать дальше. Это ведь он привел те немецкие бронемашины, на одну из которых был переложен сундук с деньгами. Он!..

Негодяй!.. Из-за него меня в плен взяли... Из-за него погиб шофер и Березин!..

— Откуда вы знаете? — спросил Стремянной.

— Узнал во время допросов в гестапо... У нас была с ним даже очная ставка... Где он?.. Скажите мне, где он — я уничтожу этого труса и подлеца! Задушу собственными руками!

Соколов вскочил с койки, лицо у него герело. В исступлении он ударил больной рукой по железной спинке кровати и тяжело застоялся.

— Да успокойся, успокойся, товарищ Соколов! — закричали с других коек.

Стремянной взял его за плечи и посадил на одеяло.

— Ложитесь, ложитесь, без разговоров!.. Еременко нет. Он умер. Не выдержал операции.

Соколов обессиленно откинулся на подушку. Его лицо и грудь покрылись потом. Несколько минут он лежал, с закрытыми глазами.

Стремянной с тревогой смотрел на это тяжелое, чуть одутловатое лицо. И вдруг он склонился еще ниже: что-то по-новому знакомое мелькнуло в складке губ, в повороте головы...

В ту же секунду, словно почувствовав его взгляд, Соколов открыл глаза и прямо в упор посмотрел на Стремянного.

— Так умер, говорите? — сказал он тихо. — Что ж, туда мерзавцу и дорога. Он и в лагере был предателем. Сколько народу из-за него погибло!..

— Собака! — с ненавистью произнес усатый солдат. — Повесить такого мало... Жаль, что сам помер.

Стремянной искоса поглядел на усатого солдата и вдруг поднялся с места.

— Куда вы, товарищ Стремянной? — с тревогой в голосе сказал Соколов. И добавил просительно: — Побудьте еще хоть немного!

— Да я сейчас вернусь, — уже на ходу, оглядываясь через плечо, ответил Стремянной. — Гостинец я для вас захватил, да забыл — внизу в полушубке оставил. Сейчас принесу. А вы пока отдохните немного. Вредно вам так много говорить.

Стремянной быстро вышел из палаты, спустился вниз, достал из кармана полушубка плитку шоколада и, шагая через две ступеньки, опять побежал вверх. По пути он зашел в ка-

бинет к Медынскому, дал ему кое-какие распоряжения и снова вернулся в палату.

Соколов ждал его, приподнявшись на локте и беспокойно глядя на дверь.

— Что же было дальше? — спросил Стремянной, подавая ему шоколад и, как прежде, усаживаясь в ногах. — Рассказывайте!

— Дальше? — Соколов махнул рукой. — Что ж дальше... Они все время требовали, чтобы я открыл им сундук. Им казалось, что в нем спрятаны какие-то важные документы... Я-то знал, что, кроме денег, там нет ничего. Но открывать сундук мне не хотелось. Хотите верьте, хотите нет, просто честь не позволяла. Так тянулось больше трех месяцев. А потом...

Все в палате затихли, ожидая, что скажет Соколов. Лейтенант Федюнин, приподнявшись на подушках и вытянув шею, в упор, не мигая, смотрел на него. Старый солдат нетерпеливо крутил свой темный ус. Гераскин схватил себя за подбородок, не замечая, что измазал руку «зеленкой». Стремянной сидел неподвижно, положив на колени руки, и внимательно слушал.

— А потом, — смущенно, чуть запинаясь, продолжал Соколов, — однажды ночью меня вывели во двор, поставили у стены сарая, навели на меня автомат и сказали: или ты сейчас умрешь, или открой сундук. — Соколов повернулся в сторону Стремянного. — Ну, я и подумал, товарищ подполковник, — черт с ними, с деньгами!.. Все равно они им пользы не принесут... а меня убьют ни за что.

— И вы им открыли? — спросил Стремян-ной.

— Да, открыл. А вы откуда знаете? — Соколов с удивлением взглянул на него.

— Во-первых, потому, что вы живы, — ответил Стремянной под общий смех. — А во-вторых, я этот сундук сегодня видел своими глазами. Я и подумал: если он цел, может быть, и вы живы...

Соколов пожал плечами.

— Судите меня как хотите, товарищ подполковник... — покорно склонив голову, сказал он, — я, конечно, виноват... Но, посудите сами, я бы погиб, зарыли бы они меня, ведь все равно сундук-то взорвали бы...

Раненые молча переглядывались. Каждый по-своему расценивал поступок Соколова.

— И верно, — сказал кто-то вполголоса, — если бы там секретные документы были!.. А то деньги... Не погибать же из-за них человеку...

Соколов с благодарностью посмотрел в тот угол, где прозвучали эти слова.

— А потом они меня отправили в тюрьму, — сказал он, опять поворачиваясь к Стремянному. — Тут вот — на окраине города. Пробыл я там до самых последних дней. Сегодня ночью нас вдруг внезапно подняли, построили и погнали по дороге в сторону Нового Оскола. Я понял, что, очевидно, наши начали наступление. Решил бежать... Когда проходили через мост, прыгнул вниз... Заметили... Стали стрелять... Ранили... Но мне удалось скрыться в кустах. А затем я вернулся! Вот и все.

— Все, значит? — задумчиво переспросил Стремянной.

— Все.

В палате на минуту сделалось совсем тихо. Дверь слегка приоткрылась, и в щель просунулась лысая голова Медынского:

— Товарищ подполковник, вас спрашивают!

— Сейчас приду, — сказал Стремянной и вышел из палаты.

Он пробыл за дверью не больше минуты и вернулся назад как будто чем-то озабоченный.

Соколов это заметил сразу.

— Что случилось? — спросил он.

— Неприятная история, — ответил Стремянной, прохаживаясь между койками. — Ну, да это потом. Так на чем мы остановились?

— Ни на чем. Я все рассказал. Больше прибавить нечего. — Соколов поглядел на Стремянного спокойным, доверчивым взглядом. Только левая рука его то судорожно сжималась, то разжималась, теребя складки одеяла и выдавая скрытую тревогу.

Вдруг погас свет. Палата погрузилась в полную темноту.

— Движок испортился, — сказал голос уса- того солдата.

— Моторист, наверно, заснул, — насмешливо процедил Гераскин.

— Горючего не хватило!

Раненые засмеялись.

Стремянной вышел в коридор, такой же темный, как палата, и крикнул:

— Почему нет света?

Чей-то голос ему ответил:

— Сейчас узнаем!..

— Принесите сюда керосиновую лампу!

— Есть!.. Сейчас!..

За дверью послышались чьи-то быстрые шаги. Кто-то, стуча каблуками, спускался по лестнице, кто-то поднимался. Мелькнула полоска света и тут же исчезла.

— Сюда, сюда, — сказал Стремянной какому-то человеку, который шел по коридору, — что у вас в руках? Лампа?.. Зажгите же ее! Спичек нет? У меня — тоже... — Он вернулся в палату. Человек с лампой остался стоять в дверях. — Товарищ Соколов, у вас есть спички?

— Нет, — ответил Соколов. — Я некурящий.

— У кого есть спички?

— Возьмите, товарищ подполковник, — сказал Гераскин и в темноте протянул коробку Стремянному.

Стремянной взял спички, но тут же уронил их на пол.

— Вот неприятность! — рассердился он. — Где-то около вас, Соколов, спички упали?

— Нет, — ответил Соколов, — кажется, они упали около соседней койки.

— Вы слышите? — обратился Стремянной к человеку, который стоял в дверях.

— Слышу, — ответил тот.

— Что вы слышите?

За дверью молчали.

— Что вы слышите? — повторил Стремянной настойчивей и громче.

Человек, стоящий в дверях, кашлянул и ответил медленно и сипло:

— Слышу голос бургомистра города — Блинова...

— Свет! — крикнул во всю силу легких Стремянной.

— Свет! — закричал в коридоре Медынский. Но в то же мгновение Соколов вскочил с койки и бросился к окну. Он уже успел вышибить раму, когда Стремянной схватил его и повалил на койку, прижав всем своим большим телом.

Вспыхнувший свет осветил двух борющихся людей. Раненые повскакали с коек, чтобы прийти на помощь Стремянному, но этого уже не требовалось. Соколов лежал крепко спеленутый простыней, завязанной на его спине узлом.

На пороге комнаты появился новый человек — фотограф Якушкин с фонарем «летучая мышь». Он медленно, в напряженном молчании подошел к Соколову и нагнулся над ним.

— Узнаете меня, господин Блинов? — негромко спросил он. — Я — фотограф Якушкин. Вы у меня фотографировались...

— Это ложь, ложь! — прохрипел Соколов, стараясь вырваться из стягивающей его простыни.

В дверях показался Воронцов. Он неторопливо прошел между койками, вынул из кармана фотографию и показал ее Соколову.

— Посмотрите, господин бургомистр... Вы, несомненно, узнаете себя.

Раненые, вскочив со своих коек, уже больше не ложились. Усатого солдата трясло, как в сильном ознобе. Он стоял около койки Соколова и требовал, чтобы ему дали автомат застрелить предателя. Лейтенант скрипел зубами — он не мог себе простить того, что поверил рассказу Соколова и даже сочувствовал

ему. Гераскин вдруг вырвался вперед, навалился на Соколова и занес кулак...

Воронцов схватил его за руку:

— Не трогайте! Это дело разберет трибунал!..

Через несколько минут Соколова заставили одеться, и конвой повел его по темным, безлюдным улицам на допрос в особый отдел.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ТАЙНА

— **Т**ОВАРИЩ генерал, пришел вас ознакомить с некоторыми показаниями, которые на допросе дал Соколов... виноват, Зоммерфельд.

— То есть как это — Зоммерфельд? — сказал Ястребов. — Разве он немец?

— Да, немецкий шпион. И не просто рядовой, товарищ генерал, а матерый... Заслан в Россию задолго до войны. Перешел границу на севере и с тех пор жил под фамилией Соколова...

— Так... Так...

Майор Воронцов вынул из большого желтого портфеля протокол допроса и положил его перед Ястребовым на стол. Стол был завален сводками и картами. По левую руку от генерала стоял телефон в желтом кожаном кожухе, по правую — открытый жестяной пенал с карандашами.

Ястребов склонился над листом бумаги, поглаживая рукой лоб и медленно, слово за словом, читая строки допроса.

— А как же, товарищ Воронцов, выяснилось, что Соколов на самом деле немец? Зоммерфельд или как там его? Неужели такой матерый волк сам признался?

— Да, товарищ генерал, — сказал Воронцов, — он в этом признался.

— Странно!

— Не так уж странно, товарищ генерал. Неопровержимые улики.

— Какие?

— Мы нашли среди документов, которые он хотел вывезти в сундуке, его автобиографию... Вот она... — Воронцов вновь раскрыл свой объемистый портфель и вынул из него несколько листков бумаги, исписанных синими чернилами, тонким острым почерком. — Как видите, документ написан собственноручно. В конце — личная подпись. Видимо, эту автобиографию он собирался переслать в Германию.

Ястребов взял протянутые ему Воронцовым листки и также внимательно и не спеша прочитал их от начала до конца.

— Удивительное дело, — сказал он, слегка пожимая плечами. — И как он не уничтожил такой документ? Как не предусмотрел?

— А шпионы, товарищ генерал, потому и проваливаются, что они когда-то чего-то не предусмотрят... — усмехаясь, ответил Воронцов.

— И потом... есть еще одна странность, — сказал Ястребов, — почему такого опытного шпиона гитлеровцы вдруг назначают бургомистром? Они могли заслать его обратно... Устроили бы ему побег из концлагеря... Или еще что-нибудь в этом роде.

— Ничего тут странного нет, — возразил Воронцов. — Мы специально интересовались этим вопросом. Дело в том, что гитлеровцы считали город своим крайне важным опорным пунктом. Они изо всех сил стремились уничтожить наших подпольщиков. А подходящего опытного человека для этого найти не могли. Вот тогда ими и было решено использовать Зоммерфельда... Все в городе считали его русским. Он же распустил слух, что гитлеровцы сделали его бургомистром насильно, а он, мол, человек честный. Он даже давал кое-кому поблажки, помог нескольким людям получить освобождение от посылки в Германию... А тем временем всякими путями искал связи с подпольщиками...

— И что же, сумел он эту связь установить? — спросил Ястребов.

— Он ее нащупывал. Подпольщики ему не доверяли.

— А гибель пятерых — это на его совести?

— И на его, и на чьей-то еще... Впрочем, пока он свою агентуру не выдает... Отмалчивается. Но это — глупое заперательство. Скоро оно кончится, и он начнет говорить... Все расскажет. Я в этом уверен.

— Вы правы. Улики неопровержимые. — Ястребов протянул Воронцову протоколы допроса. — Однако самого главного я не вижу. Что он сообщил об укрепрайоне?

— Вот за этим-то делом я и пришел, товарищ генерал. Надо будет, чтобы начальник штаба или начальник разведки присутствовали сегодня на допросе. Поставили интересующие их вопросы.

— Это правильно, — согласился Ястребов. — Когда они должны к вам явиться?

— Минут, так, через сорок.

Ястребов быстро встал, подошел к двери и приоткрыв ее, крикнул:

— Товарищ Стремянной, зайдите ко мне!

За дверью послышались голоса: «Начальника штаба к генералу», «Подполковника Стремянного к генералу!» Почти тотчас же хлопнула наружная дверь и в комнату, принося с собой запах мороза, вошел Стремянной. Он был в полушубке и с планшетом через плечо.

— Из машины вытащили, товарищ генерал! По вашему приказу отправлялся принимать боеприпасы...

— Да тут одно важное дело, — сказал Ястребов. — Вам сейчас обязательно надо будет присутствовать на допросе... как его... он посмотрел на Воронцова, — ну, не Соколова, а этого...

— Зоммерфельда, — подсказал Воронцов; поймав удивленный взгляд Стремянного, он объяснил: — Это настоящая фамилия вашего старого сослуживца Соколова... Некоторые подробности допроса я уже генералу сообщил, а вас проинформирую о них отдельно... По дороге...

— А как же быть с боеприпасами, товарищ генерал? — спросил Стремянной.

— Пусть едет начальник боепитания. Ничего, ничего... справится!.. А вы с начальником разведки должны присутствовать на допросе.

— Слушаю... Но вот как быть с начальником разведки? Я послал его в один из полков...

— Тем более надо быть самому... А вызывать его назад не стоит.

— Слушаю, — повторил Стремянной.

Ястребов встал из-за стола и с озабоченным видом прошелся по комнате.

— Постарайтесь получить самую подробную информацию об укрепрайоне. Самую подробную... — повторил он, останавливаясь перед Стремянным. — Я убежден, что Зоммерфельд знает многое... И это нам будет весьма, весьма полезно... Между прочим... — обратился он к Воронцову, — мне непонятно еще одно обстоятельство. Почему все-таки Зоммерфельд вовремя не скрылся из города? Что ему помешало?

— Меня это тоже интересовало, товарищ генерал, — сказал Воронцов. — При первом же допросе я спросил его об этом. Он утверждает... Но у него, видите ли, с бывшим начальником гестапо Куртом Мейером были крайне обостренные отношения. В подробности Зоммерфельд не вдавался. Насколько я понимаю, они поссорились, потому что не поделили чего-то. А главное, он не может простить Мейеру, что тот помешал ему выехать из города. Кто-то из людей Мейера подложил под колеса его грузовика противопехотную мину. В результате взрыва Зоммерфельд был оглушен, потерял сознание и остался... Между прочим, пока он приходил в себя, у него из автобуса успели унести картины.

— Картины? — удивленно переспросил Ястребов.

— Да, картины, — повторил Воронцов.

В эту минуту где-то вдалеке раздался одинокий выстрел, затем прострочила автоматная очередь.

Командиры прислушались.

— Наверно, проверяют оружие, — решил Стремянной и обратился к Воронцову: — Что же дальше?

— А дальше он утверждает, что эту злую штуку с ним сыграл один из самых доверенных людей Курта Мейера — агент под номером Т-А-87. Как видите, в отместку своему бывшему соратнику он готов провалить разведчика, на которого тот делает самую большую ставку.

— А кто скрывается под этим номером?

— Неизвестно.

— Странно... Почему он знает только номер, а не человека?

— Я задал ему и этот вопрос. Зоммерфельд говорит, что номер ему назвал однажды сам Мейер, когда в одном из разговоров хотел показать, как он силен и какая у него тайная сеть. Это было еще до того, как их отношения испортились. Мейер говорил о Т-А-87, как об одном из самых ловких и опытных агентов, которому поручается выполнять важнейшие задания гестапо. Но в лицо Зоммерфельд его не знает. Не знает также — мужчина это или женщина.

— Ну хорошо, — сказал Стремянной, — а какое значение эти показания имеют для нас? Очевидно, сделав свое дело, Т-А-87 ушел из города вместе с гитлеровцами.

— В том-то и дело, что не ушел, — возразил Воронцов. — Зоммерфельд утверждает, что Т-А-87 оставлен для диверсионной работы

Немцы убеждены, что скоро они возьмут город назад... Поэтому им крайне важно иметь здесь свою агентуру.

Ястребов задумчиво покачал головой.

— Из этого надо сделать все выводы: Сегодня же поговорю с Корнеевым. А ты, Стремянной, действуй по своей линии — обеспечь надежную охрану города и всех военных объектов.

— Слушаю, — сказал Стремянной и встал.

Встал и Воронцов. Складывая документы в портфель, он обратился к Стремянному, который, готовясь идти, застегивал полушубок:

— А знаете, Егор Иванович, по моему разумению, картины все-таки где-то здесь, в городе!

— Почему? У вас есть данные? — живо спросил Стремянной.

— Нет, данных пока нет никаких. Но давай рассуждать... Т-А-87 похитил картины по поручению Курта Мейера в самый последний момент. Значит, картины вместе с прочим награбленным добром должны были находиться в машине у Мейера. Машину эту мы обнаружили. Не так ли? И, действительно, как вы знаете, мы нашли в ней два тяжелых чемодана с ценностями. А картин нет...

— Но ведь и самого Мейера нет, — сказал Стремянной. — Картины — дороже всего, что он упрятал в свои чемоданы. И, кроме того, гораздо легче... Нести на руках десяток рулонов не представляет никакого труда.

Воронцов пожал плечами:

— Возможно. Дело это еще во многом неясно.

— Это верно, — сказал Стремянной, поразмыслив, — но и в ваших словах тоже есть своя логика. Я думаю, Иванов и Громов хорошо сделают, если на всякий случай поищут картины в городе. Поговорить с ними об этом?

— Поговорите!

В этот момент за стеной хлопнула дверь, кто-то быстро вошел в соседнюю комнату и громко спросил, нет ли здесь майора Воронцова.

Воронцов вскочил и распахнул дверь:

— Что случилось, товарищ Анищенко? Заходите сюда.

Он пропустил мимо себя в комнату старшего сержанта, невысокого, худощавого, совсем молодого. Его безусое, поросшее светлым пушком лицо было ярко пунцовое, должно быть от смятения и быстрого бега. Он стоял перед командирами растерянный, весь взъерошенный. без шапки.

— Где ваша шапка? — спросил Воронцов, чувствуя, что приключилось что-то скверное.

Сержант, словно не понимая вопроса, поглядел на него.

— Бургомистра застрелили! — выдохнул он

— Что-о? — крикнул Ястребов и в то же мгновенье оказался между Воронцовым и сержантом. — Кто посмел?..

— При попытке к бегству, — сказал сержант, невольно отступая к дверям. — Его на допрос вели... А он, собака, решил проходными дворами в каменные карьеры уйти... Сбил с ног конвоиров и — бежать!..

— Так неужели же нельзя было его взять живьем? — спросил Стремянной. Его худощавое лицо от волнения покрылось красными пятнами. — Черт побери! Хуже нельзя и придумать!.. Так глупо упустить...

— Никак нельзя было, товарищ подполковник, — виновато сказал сержант. — Сами видите, стемнело совсем. Да и туман. А он уже за черту города выходил. Думаем, заберется в

карьеру — и поминай как звали! Каких-нибудь сто метров оставалось... А мы изо всех сил живьем его хотели взять!

Воронцов, все это время стоявший молча, с бледным лицом, схватил портфель и устремился к двери:

— Анищенко, за мной!.. Покажите, где все это произошло!

— Есть!

Оба быстро вышли.

А командир дивизии и начальник штаба остались одни. Несколько мгновений они молча смотрели в окно, за которым лежал город. Уже курились над домами трубы; белый в темном небе поднимался к облакам дымок. Женщины с кошелками спешили к первому открывшемуся магазину, в котором продавали хлеб. В город возвращалась мирная жизнь... А им предстоит еще длинный путь... Пройдет день, другой, — и рассвет встретит их где-нибудь на окраине села, в маленькой глинобитной хатке. Останется позади этот город, с которым у Стремянного связаны самые дорогие воспоминания детства. Когда-то он увидит его вновь?..

— Что ж, Стремянной, — сказал Ястребов, гася папиросу, — поезжай, пожалуй, за боеприпасами. Я дождусь твоего возвращения, а потом отправлюсь в полки.

Стремянной ушел. Через минуту его вездеход проехал мимо окна. Но Ястребов уже ничего не слышал. Он сосредоточенно склонился над картой, намечая, как лучше подготовить части дивизии к тому моменту, когда будет получен боевой приказ о дальнейшем наступлении...

ИВАНОВ ПРИНИМАЕТ ПОСЕТИТЕЛЕЙ

ВЕСЬ день Стремянной был очень занят. Множество дел возникало каждую минуту и требовало немедленного разрешения. На артсклад доставили боеприпасы. Прибыло пополнение, его надо было распределить по частям. Самолеты нарушили связь с одним из полков. Необходимо помочь начальнику связи как можно быстрее восстановить линию. По поручению командира дивизии нужно побеседовать с только что прибывшими корреспондентами, которых интересуют подробности боев за город.

Одним словом, много хлопот у начальника штаба дивизии!.. Но среди всех этих неотложных дел Стремянной нет-нет, да и возвращался в мыслях к событиям последних дней. Бой на подступах к городу, знакомые улицы со следами пожаров и бомбежек, распахнутые ворота концлагеря. А потом — всклокоченная голова Еременко и его неестественно короткое тело на носилках во дворе госпиталя. Одно воспоминание сменялось другим. Палата во втором этаже и актерское одутловатое лицо этого жалкого предателя — Соколова... нет, бургомистра Блинова, то есть шпиона Зоммерфельда.

Стремянной сам не мог понять, в какую именно минуту он узнал в лежащем на койке человеке того эсесовского офицера, который прошел мимо него, пряча подбородок в воротник, а глаза — в темную тень очков. Когда он перестал верить рассказу начфина Соколова, такому, казалось бы, простодушному и похожему на правду? И зачем, собственно, понадо-

билась ему, начальнику штаба дивизии, подполковнику Стремянному, эта рискованная, можно сказать, детская выдумка — потушить в палате свет?.. В сущности довольно-таки нелепая затея... Разве нельзя было бы опознать в Соколове бургомистра Блинова при свете, просто с помощью фотографий и свидетельских показаний? Недаром Воронцов потом так был недоволен. И как только в голову пришло?! Откуда? Наверно, из глубины каких-нибудь мальчишеских воспоминаний, из романтической дали прочитанных когда-то приключенческих книг... Впрочем, если говорить правду, все получилось не так уж плохо. Если бы ему, Стремянному, не взбрело на ум погасить свет, Соколов не вздумал бы пуститься наутек, а ведь именно эта попытка к бегству разоблачила его окончательно. Одним словом, выходит, что он недаром увлекался когда-то романтическими историями, за которые ему нередко попадало от старших. Да, надо сознаться, он любил эти перебивавшие в руках у множества мальчиков, зачитанные до дыр книжки о необычайных приключениях путешественников, мужественных, суровых и благородных, о пустынных островах и пещерах, где спрятаны сокровища, о клочках пергамента с зашифрованными надписями.

Кстати, о зарытых сокровищах, — хотел бы он знать, куда все-таки гитлеровцы девали картины? Воронцов, пожалуй, прав, они где-нибудь здесь — в черте города или во всяком случае не так уж далеко. Ведь подумать только! Может, они запрятаны совсем близко — под полом соседнего сарая, например.

Сгниют там или крысы их сгрызут, и никто даже знать не будет...

Нет, надо все-таки заехать к Иванову, узнать, как у них там дела, не нашлось ли человека, бывшего на работах в укрепрайоне, да заодно спросить, не слышно ли чего о картинах. Он как будто собирался организовать поиски.

На другое утро, возвращаясь из поездки в полк, он заехал в горсовет и застал Иванова, принимающим посетителей. Десятки людей терпеливо ждали своей очереди в приемной и в коридоре. Уже прибыли двое заместителей председателя, — они тоже принимали народ, стараясь ответить на многочисленные вопросы, помочь, чем можно.

Стремянной поднялся по широкой, еще не отмытой лестнице и прошел по длинному коридору, в котором, тесно прижавшись друг к другу, стояли люди.

Иванов сидел в холодном кабинете, с усталым, отекавшим лицом. Перед ним стояла пожилая женщина в черном вязаном платке и старом, защитного цвета ватнике с аккуратными синими заплатами на локтях.

— Я все понимаю, — тихо говорил Иванов, — мне все ясно, Клавдия Федоровна!

— Нет, не понимаете, — почти кричала женщина, перегибаясь к нему через стол.

— Уверю вас, понимаю!

— У меня двадцать детей... Двадцать! Вы слышите?.. От пяти до четырнадцати лет!.. И ни одного полена дров. Это вы понимаете?

— Но у меня еще нет своего транспорта.

Город всего три дня как освобожден. Подождите немного. Обеспечу вас в первую очередь... Ну, разберите забор, сожгите его. Построим новый.

— Забор! — усмехнулась женщина. — Какой забор! Я уже не только свой забор сожгла, но и пять заборов в округности...

— Привет, товарищ Иванов! — сказал Стремянной, подходя к столу. — Как работается?

— И не говори! — Иванов с надеждой поднял к нему глаза в припухших веках. — Вот, Клавдия Федоровна, пришла сама военная власть, — он рукой указал на Стремянного. — Обратимся к ней. Авось поможет.

Женщина поднялась и быстрым, порывистым движением протянула Стремянному руку:

— Шухова, Клавдия Федоровна, — сказала она. — Будем знакомы. Вот рассудите нас, товарищ командир!..

Стремянной остановился у края стола между спорящими сторонами, с невольным уважением глядя на эту пожилую женщину, сразу завоевавшую его симпатию.

— Товарищ Шухова — заведующая детским домом, — пояснил Иванов. — Сохранила ребят. В самых трудных условиях сберегла... А теперь требует от нас всего, что положено.

— Правильно, — сказал Стремянной. — Правильно требует.

— Не возражаю, — развел руками Иванов, — но транспорта еще нет. Подвоз еще не организован. Надо подождать, перебиться как-нибудь...

Шухова посмотрела на него с нескрываемой злостью.

— Я-то могу ждать, товарищ Иванов, — повысила она голос. — Я-то сколько угодно могу ждать, но дети ждать не могут! И этого вы никак не хотите понять!..

— А что вам нужно? — спросил Стремянной.

— Да не бог весть что, — сказал Иванов, — всего две машины дров.

Стремянной вынул из планшета записную книжку и карандаш.

— Будут вам дрова, Клавдия Федоровна, давайте адрес.

— Будут!.. — повторила Шухова, тяжело опустилась на стул и громко заплакала, закрыв лицо руками.

Иванов вскочил и подбежал к ней:

— Клавдия Федоровна, что с вами?

Стремянной молчал, понимая, что сейчас никакими словами успокоить ее нельзя.

— Так трудно!.. Так трудно!.. — стараясь подавить рыдания, говорила Клавдия Федоровна. — Силы уже кончаются... Ведь что здесь было!..

— Все скоро войдет в свою колею, товарищ Шухова, — говорил Иванов, неловко придерживая ее за плечи. — Я рад, что вы живы. Большое вы дело сделали. Продовольствием мы ребят уже обеспечили, а дрова сегодня привезут. Ну, вот и хорошо... А дней через десять приходите, — у нас уже все городское хозяйство будет на ходу. Увидите!..

Шухова понемногу успокоилась, вытерла слезы и встала.

— Спасибо, большое вам спасибо, — сказала она, обращаясь к Стремянному, — груз с сердца сняли... Адрес вот здесь — на заявлении. — Она показала на бумагу, лежащую перед Ивановым.

— Не беспокойтесь, найдем, — улыбнулся Стремянной. — Вы очень торопитесь, Клавдия Федоровна?.. А то я сейчас тоже еду — могу подвезти вас.

Шухова кивнула головой и вновь опустилась на стул, украдкой вытирая глаза краешком платка.

Не вмешиваясь в разговор, она глядела в окно и, видно, думала о чем-то своем. Но когда разговор зашел о картинах, она как-то оживилась и стала прислушиваться к беседе.

— Нет, я все-таки думаю, что поискать их стоит, — сказал Иванов. — Уж если в спешке отступления они не успели их вывезти, то

спрятать как следует и подавно не успели. Сунули на ходу в какой-нибудь заброшенный чердак или на чердак... Там они и лежат. А только мы не знаем...

— Не думаете ли вы, — вдруг сказала Шухова, — что в этом деле могут немного помочь мои старшие ребята? У меня есть два подходящих паренька, смышленные, толковые мальчишки. И в городе каждый уголок знают...

— А ведь верно, — улыбнулся Стремянной. — Ребята для этого — самый подходящий народ. Да будь мне тринадцать — четырнадцать лет, я бы за счастье считал, если бы мне доверили участвовать в таком деле...

Иванов кивнул головой:

— Еще бы! Всякому парнишке это лестно, а только лучше таких поручений им не давать. Напорются где-нибудь на мину!

— Что вы! — сказала Клавдия Федоровна. — Разве можно ребятам одним доверять такое дело. Я еще с ума не сошла. Пускай с людьми поговорят, разузнают, — и хватит с них...

— Разве что так, — согласился Иванов. — А я вот что надумал, товарищ Стремянной, — не объявить ли нам, что горсовет просит всякого, кто может сообщить что-либо о местонахождении картин, немедленно сигнализировать. И вообще, поскольку картины в городе, помочь, насколько возможно, в поисках.

Стремянной на секунду задумался.

— Это дело! Я убежден — люди отзовутся... — Он обернулся к учительнице: — А как по-вашему, Клавдия Федоровна?..

— Конечно, каждый сделает все, что в его

силах, — сказала она. — Ну, однако, поря. — Она встала с места. — Ехать так ехать... Товарищ подполковник, а когда вы думаете прислать нам дрова?

— Сегодня же, — ответил Стремянной.

— Только не очень поздно, если можно. Ведь мы с ребятами сами убирать будем.

— Слушаю, товарищ начальник, — прислать не слишком поздно, — улыбаясь, ответил Стремянной и протянул руку Иванову, — до свидания, Сергей Петрович. А вы еще не собираетесь маленький перерыв сделать? А то поедем в штаб, пообедаем?

Иванов решительно потряс головой:

— Нет, видно, нынче не пообедать. Видели, сколько там народу ожидает.

— Так ведь этак вы до ночи здесь сидеть будете.

— Что ж, и посижу. — Иванов вздохнул. — Время военное. Оперативность нужна.

— Вишь, какой стал! — Стремянной усмехнулся.

Иванов тоже усмехнулся:

— Ладно, ладно, без намеков, товарищ подполковник. Ступай себе, обедай и не искушай меня... А вот найти человека, знающего об укрепрайоне, не теряю надежды... Каждого спрашиваю. Но пока, — он развел руками, — никого нет. Прямо беда...

Шухова и Стремянной вышли из кабинета. А их место заняла очередная посетительница — высокая седая женщина, которая в коридоре рассказывала о своем пропавшем сыне.

ПОИСКИ НАЧИНАЮТСЯ

КЛАВДИЯ Федоровна принадлежала к числу тех людей, которые выдерживают удары судьбы так же стойко, как крепкое дерево — удары урагана. Ей уже перевалило за пятьдесят, уже волосы у нее поседели, лицо покрылось морщинами, а глаза оставались молодыми. И главное — молодым оставался характер. В ней жила такая энергия, которой могли бы позавидовать многие и помоложе и покрепче ее. «Упасть легко, — говорила она, — а подняться трудно». И в самые тяжелые времена она твердо стояла на ногах, даже в те страшные для нее дни, когда, эвакуировав детский дом, она сама попала в беду из-за одной маленькой больной девочки. Эту девочку надо было отправлять на санитарной машине. Но случилось так, что шофер в спешке перепутал адрес — ждал на другой улице... Пока Шухова металась по городу в поисках транспорта, вражеские танки вышли к Дону.

Началась тяжелая жизнь в оккупированном городе. Но, несмотря ни на что, Клавдия Федоровна продолжала чувствовать себя директором детского дома, хотя и дома-то самого уже не было — его разрушила бомба.

В первые же дни оккупации гитлеровцы выбросили девочку из больницы. Шухова взяла ее к себе и стала ухаживать, как за дочерью. А потом умерла соседка — остался мальчик Коля Охотников. Порывистый, горячий, не по годам развитой, он тяжело переживал потерю матери. Клавдия Федоровна взяла к себе и

мальчика... Она во всем себе отказывала, продавала вещи, вязала платки. Нужно было жить, чтобы спасти детей...

Больше двух ребят Клавдия Федоровна прокормить не могла, но, когда она узнавала, что какой-нибудь ребенок в городе оставался без родителей, она старалась пристроить осиротевших мальчика или девочку в семью. И Клавдию Федоровну слушали — в глазах людей она продолжала оставаться директором детского дома, которому, по долгу службы, положено думать о судьбе одиноких детей. Впрочем, все понимали, что ею руководит нечто большее, чем долг службы, — долг сердца...

Постепенно у нее на учете оказалось свыше двадцати подростков, родители которых погибли, были угнаны в Германию или пропали без вести. Она считала этих ребят зачисленными в детский дом. И, действительно, в первый же день освобождения города она занялась восстановлением своего разрушенного хозяйства. Договорилась с Ивановым, что временно заберет дом, в котором жил бургомистр Блинов, — двухэтажный, хорошо сохранившийся особняк, недавно капитально отремонтированный. Господин бургомистр, очевидно, предполагал обосноваться в нем надолго и не жалел затрат.

Располагая машинами, бургомистр, к сожалению, не позаботился о том, чтобы у него всегда был большой запас дров, и этим очень подвел Клавдию Федоровну. Он как будто нарочно сжег последнюю охапку дров накануне своего неудачного бегства из города. Говоря

Иванову о том, что она уничтожила пять заборов в округности, Клавдия Федоровна несколько преувеличивала. Все заборы, кроме того, который окружал дом бургомистра, были сожжены их владельцами еще в самом начале зимы. Что касается забора, который имел в виду председатель горсовета, то при всем желании сжечь его в обычной печке было невозможно — он был отлит из чугуна лет сто тому назад.

В глубине души Клавдия Федоровна понимала, что, может быть, несколько поторопилась с организацией детского дома. Но она так долго ждала, что ждать дольше просто не могла.

Одна из самых главных забот ею уже была устранена — в погребе и сарае лежало столько трофейных продуктов, что ребятам вполне хватит до тех пор, пока наладится снабжение города.

В тот момент, когда автоматная очередь оборвала жизнь бургомистра, в его доме уже звучали голоса детей. На белой кафельной плите варились щи с мясом, в комнатах переставляли мебель — мальчики должны были жить в нижнем этаже, а девочки в верхнем. Клавдия Федоровна расположилась в небольшой комнате под лестницей, которая одновременно должна была стать и канцелярией детского дома.

Вернувшись из городского совета, Клавдия Федоровна скинула платок, ватник и прошла к себе в комнату. Она была очень озабочена. Надо было раздобыть топоры, пилы, соорудить, кого из ребят можно назначить на уборку дров. Размышлять долго было некогда. Она

окликнула первую попавшуюся ей девочку — Маю Шубину, худенькую, большеглазую и большеротую, с двумя торчащими, туго заплетенными косичками, и велела поскорей позвать к себе Колю Охотникова. Мая тотчас же побежала искать Колю, пропадала где-то минут десять, а потом вернулась запыхавшаяся, с растрепанными косами и глазами, полными слез.

— Что с тобой, Мая? — спросила Клавдия Федоровна.

Мая отвернулась и сказала сквозь зубы, чуть дрогнувшим голосом:

— Потому что дурак!..

— За что он тебя? — спросила Клавдия Федоровна, сразу же понявшая ход мыслей Май. — Ты ему сказала, что это я его зову?

— Сказала.

— А он что?

— А он меня стукнул за то, что я кролика выпустила.

— Какого кролика? — удивилась Клавдия Федоровна.

— Не знаю... черного...

— Откуда у него кролик?

— Не знаю...

— Ну ладно, Мая, иди наверх к девочкам. Я сама его позову.

Мая убежала, а Клавдия Федоровна накинула на голову платок и вышла на крыльцо.

— Коля! Охотников! — крикнула она громко.

Никто не откликнулся.

— Охотников! Коля! — повторила Клавдия Федоровна.

Коля не отзывался. Он, наверно, боялся показаться Клавдии Федоровне на глаза. Она начала сердиться.

— Коля, немедленно ко мне!..

Вдруг она увидела его на соседнем дворе. Одетый в серую кацавейку, он крался между сараями, как-то странно пригибаясь, то приседая, то быстро перебегая от одной стены к другой... Шапку он почему-то держал в руках, иногда быстро взмахивая ею сверху вниз. Что это с ним? Ах, да, кролика ловит... Что за кролик такой?!

В эту минуту черный комочек выкатился откуда-то из-за стены сарая и исчез между двумя сугробами. Коля кинулся вслед за ним. Он упал на грудь, вытянул вперед руки с шапкой. Сухой снег двумя фонтанами взлетел в разные стороны. Через мгновение Коля весь белый, с волосами, полными снега, бежал назад, крепко прижимая что-то к груди. Лицо у него было такое счастливое, что у Клавдии Федоровны не хватило духа его выбрать.

— Покажи кролика, — сказала она, когда он подбежал к крыльцу.

Коля раскрыл на груди свою кацавейку, и оттуда высунулось длинное черное ухо с белым пятнышком на самом кончике, а затем и вся кроличья мордочка.

— Откуда он у тебя?

— Один боец подарил.

— А боец где взял?

— Во дворе, где начальник гестапо жил. Он говорит, там еще две клетки кроликов. Давай-

те возьмем их, Клавдия Федоровна! Я сам за ними ухаживать буду!..

— Посмотрим. Может быть. Если раздобудем корм. А пока посади его куда-нибудь и зайди ко мне, Коля. Мне надо с тобой серьезно поговорить.

Коля насупился и опустил голову.

— А я, Клавдия Федоровна, вовсе и не виноват. Я же говорил: не лезь ко мне в сарай — у меня кролик. А она полезла... И выпустила.

— Драться все равно не надо, — сказала Клавдия Федоровна. — Неумно и некрасиво... Ну, быстро. Прячь своего кролика, собери всех мальчиков и приходите ко мне. Есть важное дело.

Почувствовав, что гроза миновала, Коля со всех ног побежал к сараю.

Через несколько минут он и еще несколько ребят сидели в комнатке Клавдии Федоровны вокруг стола. Лица у них были серьезные и озабоченные.

— Так мы пойдем, Клавдия Федоровна, — сказал Витя Нестеренко, высокий белокурый мальчик в очках. Он был очень близорук, и, если хоть на минуту снимал очки, лицо у него сразу становилось растерянным и даже испуганным. — Так мы пойдем, попросим у соседей топоры и пилы. Я думаю, дадут.

— Дадут, конечно. Скажите, что это я прошу и что завтра мы все вернем в целости и сохранности.

Мальчики встали и гурьбой двинулись к двери.

— А ты погоди, Коля, — остановила Охотникова Клавдия Федоровна. — С тобой у меня еще особый разговор.

Коля тоскливо поглядел вслед уходящим товарищам и покорно опустил на стул в ожидании взбучки.

Но разговор вышел совсем не такой, как он предполагал.

Витя Нестеренко едва успел вернуться в дом с большой двухручной пилой — он не без труда раздобыл ее у хозяев соседнего дома, — как навстречу ему кинулся Коля Охотников.

— Брось ты свою пилу! — крикнул он и, выхватив ее из Витиных рук, кинул в угол. — Есть дела поважней.

— Что такое? — испуганно спросил Витя. Очки у него запотели, и он беспомощно моргал глазами. — Случилось что-нибудь?

Коля оттащил его к окну и стал рассказывать громким шепотом, поминутно оглядываясь и захлебываясь от волнения.

Витя слушал, протирая очки, и глубокомысленно молчал.

— Ничего не понимаю, — наконец, сказал он.

— Да чего тут не понимать? — удивился Коля. — Говорят тебе: картины где-то в городе... Бургомистр хотел их вывезти, но не успел... Давай будем искать!

— А где?

— Ну, и бестолочь! — Коля от досады ударил по колену кулаком. — Если бы знали где, так пошли бы и взяли.

— Да я не о том, — смутился Витя.

— А о чем же?

— Да где их искать?

Коля развел руками:

— Ну, этого пока еще никто не знает. Клавдия Федоровна велит людей спрашивать. Но я думаю, что же только спрашивать? Можно и поискать. Неужто мы глупее других?

Витя с сомнением покачал головой. Это совершенно вывело из себя Колю.

— Ты просто сдрейфил, — с презрением сказал он. — Вот уж не думал, что ты такая размазня! А еще в геологи собираешься!

— И совсем я не сдрейфил, — стал оправдываться Витя. — А только как же искать, если неизвестно где. Город-то ведь большой!..

— Ну и что ж с того! Я ж тебе говорю, что Клавдия Федоровна велела походить по дворам, поговорить с жителями. Ты что, и этого не хочешь?

— Да нет, хочу, — неохотно согласился Витя. — Походить по дворам, конечно, можно. А когда пойдем? Завтра, что ли?

— Зачем завтра? Сегодня пойдем. Вот справимся с дровами — и пошли.

— Хорошо. Только ты сам спрашивай.

— Ладно, сам буду. Не думал я, что ты такой тюфяк... Только вот что я тебе скажу: никакой из тебя геолог не выйдет! Иди лучше в аптекари.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

РАЗВАЛИНЫ НА ХОЛМЕ

ОНИ шли гуськом по узкой тропинке, протоптанной в снегу вдоль стен и заборов. Впереди. — Коля Охотников в стеганом ватнике и в брезентовых рабочих рукавицах. Он нес на плече две тяжелые лопаты. Позади, сохраняя дистанцию в два шага, покорно брел Витя Нестеренко в старом осеннем пальто, когда-то черном, а теперь неопределенного серого цвета, с короткими, обтрепанными по краю рукавами. Свои большие красные руки без перчаток он чуть ли не по локоть засунул в карманы, но теплее от этого ему не становилось.

Так они дошли до ближайшего перекрестка.

У покосившегося телеграфного столба Коля Охотников остановился:

— Ну, Витька, в какую сторону пойдём? Направо или налево?

— Не знаю. По-моему, домой. До каких же пор нам по улицам шляться?

Коля яростно вонзил в снег обе лопаты.

— И чего ты такой вялый? — спросил он с негодованием. — Согнулся, как старик, носом землю пашешь! — Последние слова Коля произнес не без удовольствия. Он слышал их от старшины, распекавшего медлительного и нерасторопного солдата, когда час тому назад к ним во двор въехала машина с дровами.

— А тебе чего от меня надо? — рассердился Витя. — Дело говори. А то «пашешь, пашешь»!..

— Ну, если дело, так идем вот в эти ворота.

— Так ведь опять там ничего нет. Только обругают...

— Подумаешь, нежный какой! Обругать нельзя...

И Коля направился к невысокому деревянному дому, окруженному сараями, старыми конюшнями, превращенными в склады, и еще какими-то пристройками. Он смело вошел во двор, поставил у крыльца лопаты и направился к сараю с высоким кирпичным фундаментом. Этот сарай показался ему очень подходящим местом для того, чтобы спрятать картины. На дверях сарая висел большой ржавый замок. Едва Коля притронулся к нему, как замок легко открылся. Оказалось, что он не был заперт. Вынуть его из колец было мгно-

венным делом. Дверь со скрипом отворилась... И из темноты с радостным визгом выскочил поросенок.

В ту же секунду в домике распахнулась дверь и на крыльцо выскочила какая-то древняя старуха в больших валенках и в ситцевом переднике.

— Жулики! Что делают! — закричала она. — От Гитлера порося уберегла — так они его стащить хотят... Сейчас людей позову, шерамыжники вы этакие... Вон со двора, чтобы духу вашего тут не было!

Витя растерялся, попятился и метнулся к воротам. Но Коля не побежал. Он смело пошел навстречу старухе. Остановился перед ней и сказал с достоинством:

— И как вам, бабушка, не стыдно так ругаться!.. Не нужен нам ваш поросенок... Если хотите, мы вам его поймаем...

— Вот именно, что не хочу, — сердито сказала старуха. — Поймаете, да не нам... Иди, иди, пока цел. А не то я тебя так ремнем отделаю!..

Поросенок, радостно хрюкая и взрывая пятчком снег, бегал по тропинке между домом и сараем. Коля нагнулся к нему, схватил, ловко втолкнул в сарай и прикрыл дверь. Увидев это, старуха несколько приутихла.

— Ну ладно, иди, иди, — уже миролюбиво сказала она. — Нечего по чужим дворам шататься.

— А мы, бабушка, не шатаемся, — сказал Коля, вновь подходя к крыльцу. — Мы картины ищем.

— Какие такие картины?

— Из музея. Которые пропали. Гитлеровцы их увезти из города хотели, да не успели и спрятали... А где — неизвестно. Вот мы их и разыскиваем.

— У нас во дворе никаких этих картин нет, — сказала старуха, — и на соседнем тоже, и на всей улице нет. А о картинах нам уже из горсовета объявляли... Кабы они были, так я сама бы их снесла... Вас не дожидалась...

Взвалив на плечи лопаты, Коля направился к воротам.

Витя, ожидая его, приплясывал на снегу.

— Плохо дело, — сказал Коля. — Нет у нее картин и вообще на этой улице их нет.

— А она откуда знает?

— Знает, раз говорит. И всем уже известно, что надо искать картины. Горсовет объявил.

— Зачем же нам тогда искать? — сказал Витя. — Все обещут свои дворы, и кто-нибудь найдет... Говорю тебе — пойдем домой!..

— Не пойду, — упрямо ответил Коля. — Если хочешь — иди, а я не пойду. Я буду искать.

И он пошел дальше. Витя постоял, постоял и опять потащился вслед за ним. На всякий случай они зашли еще в несколько дворов, но уже не хозяйничали сами, а терпеливо расспрашивали жильцов. Все знали, что из музея пропали картины, все гадали, где они могут быть, высказывали свои предположения, но все уверяли, что как раз у них во дворе нигде ничего не спрятано.

— Нет, так мы, конечно, ничего не найдем, — сказал Коля, когда они через час остановились на другом конце улицы. — Вот что я

тебе скажу — искать надо там, где никто не ищет и где нет хозяев.

— То есть где же это? — с интересом спросил Витя.

— Ну, в развалинах, в подвале старой церкви, в склепах на кладбище!.. Пойдем, а?

Витя поежился, поморгал сквозь очки и покорно сказал:

— Пойдем.

— Куда раньше?

— Куда хочешь.

— Тогда сначала пойдем в развалины, — решительно сказал Коля.

Развалинами они называли стены большого элеватора, разрушенного немецкими самолетами во время первых же бомбежек. Элеватор стоял на холме, недалеко от железнодорожной станции. Чтобы попасть к нему, надо было пересечь весь город.

Мальчики зашагали в ту сторону.

Вдруг из-за угла полуразрушенного, обгорелого дома прямо им навстречу выскочила Мая Шубина. На ней было не по росту короткое пальто и большие валенки. От этого она казалась еще меньше.

— Вы куда это? — крикнула она. — Клавдия Федоровна позволила ходить только по соседним улицам...

Мальчики остановились.

— А ты откуда знаешь?

— Да уж знаю.

— Подслушивала, наверно, — с презрением сказал Коля Охотников. — И всегда-то ей нужно всюду свой нос совать...

— А вот и не подслушивала!.. Мне сама Клавдия Федоровна сказала.

— Ну, и радуйся. Только к нам не приставай. Идем, Виктор!

Мальчики решительно пошли дальше.

Мая побегала следом:

— Нет, куда же вы все-таки идете?

— Вот пристала! Туда, где лежат картины, — Коля подмигнул Вите: «Молчи!»

— Вы знаете? — задохнувшись, почти шепотом спросила Мая.

— Знаем.

В глазах у Май засветилась мольба.

— Возьмите и меня, — попросила она. — Мальчики, милые! Ну, что вам стоит?

— Вот еще! — усмехнулся Коля. — А потом ты будешь говорить, что это ты нашла.

— Нет, честное слово, не буду говорить.

— Нет, нет. Ты и не проси. Не возьмем, — сказал Витя. — Мы в такие места идем, где тебе будет страшно.

— А я не боюсь.

— Ладно, довольно болтать. Пошли, Витька! — и Коля потянул приятеля за рукав.

Они прибавили шагу, но услышали, что за

ними кто-то бежит. Коля оглянулся и даже охнул от досады. Эта девчонка, наверно, забыла, что у него крепкие кулаки.

— Ты куда? Назад! — крикнул он и загородил ей дорогу.

— Не пойду назад, — твердо сказала она.

— Мы же тебе русским языком говорим — мы идем в развалины. А это — не женское дело.

— Вы идете, и я пойду...

— Объясни ей, Витька, наконец, ты, раз она русского языка не понимает, — досадливо махнул рукой Коля и отошел в сторону.

— Видишь ли, Маечка, — ласково сказал Витя. — Тебе с нами лучше не ходить. Мы идем на опасное дело, понимаешь? А ты еще маленькая, тебе всего двенадцать лет...

— Подумаешь, а тебе — четырнадцать.

Она решительно не хотела сдаваться. Наконец, исчерпав все возможности уговорить ее, мальчики пошли вперед. Мая, всхлипывая, брела за ними следом.

Так, втроем, вышли они на окраину города. Время приближалось к пяти часам. Уже начинало смеркаться. Разрушенный элеватор бесформенной громадой поднимался на холме. Снизу он казался особенно темным и страшным. Справа от дороги стоял столб, на котором был прибит фанерный щит с короткой и выразительной надписью: «Мины!» Тут Коля в первый раз вспомнил о Мае.

— Смотри, с дороги не сворачивай, — бросил он ей через плечо, — а то подорвешься.

Она молча кивнула.

— А ведь нам не успеть сегодня под церковь и на кладбище, — сказал Витя.

— Пойдем завтра. Важно начать...

Мальчики стали быстро подниматься на холм. Не отставая от них ни на шаг, за ними шла Мая. Она сильно замерзла и устала. Чтобы как-нибудь согреть руки, она в варежках сжимала их в кулаки. Косички давно уже выбились из-под косынки и болтались вдоль щек двумя тонкими жгутиками. Ох, уж эти мальчишки! Нарочно идут и не оглядываются...

Дорога круто повернула направо, огибая холм. До элеватора оставалось метров пятьдесят. Сюда давно уже никто не ходил, и дорогу совсем занесло снегом. Надо было идти по целине. Коля в нерешительности остановился.

— Ну, что ж ты стал? — спросил Витя.

— Да, может быть, тут мины... — Коля пожал плечами.

— Не везде же мины... Видишь, знака нет!.. Значит, и мин нет!

— А может быть, их тут еще не искали?

Витя вдруг рассердился:

— Так о чем же ты раньше думал? Вел меня сюда, вел, а теперь назад возвращаться?..

Коле стало неловко.

— Нет, — сказал он, — зачем же возвращаться? Давай искать тропинку.

— Да какая же тут может быть тропинка, когда наверх никто не ходит. Сам видишь, сколько снега кругом...

Они внимательно осмотрели пространство, которое отделяло их от элеватора. Всюду лежал нетронутый глубокий снег, синевший в быстро надвигающихся сумерках.

— Ребята, — вдруг крикнула Мая, стоявшая в стороне, — смотрите-ка, что здесь такое!..

Мальчики подбежали к ней.

— Где? — быстро спросил Коля. — Что ты нашла?..

Мая варежкой показала на снег:

— А вот, видите... Следы на снегу!.. Кто-то шел к элеватору!

— Верно, следы, — сказал Коля.

— Ну, вот видишь!.. — Витя осторожно поставил ногу в большой и глубокий след. — Кто-то туда шел.

— А раз он шел и прошел, значит, и мы пройдем. — Теперь Коля смело шагнул вперед. — Только давайте идти след в след, чтобы не сбиваться... Тогда не опасно.

— Стой, Коля! — вдруг сказала Мая.

Коля обернулся:

— Ну, что еще?

— А вдруг он там!..

— Кто это он?

— Да человек, который шел.

— А что ему там делать в такой мороз? Посмотрел, наверно, и вылез где-нибудь обратно. Может, с тех пор неделя прошла. А ты не ходи, оставайся... Витя, за мной!

Витя двинулся вслед за Колей. Но тут Мая как-то ухитрилась и, обогнав Витю, оказалась между мальчиками. Увязая по колено в снегу, они молча добрались до самых стен элеватора и остановились у большого темного пролома. Здесь вдруг следы потерялись, словно растаяли.

— Тут уже неопасно, — сказал Коля. — В

развалинах мины не ставят. Теперь давайте действовать... Ты, Мая, останешься и здесь будешь нас ждать, слышишь? — прикрикнул он на всякий случай, чтобы отрезать всякую возможность спора.

— Хорошо, — покорно согласилась девочка.

— А мы с Витей пойдем внутрь и все осмотрим. Если ты понадобишься, мы крикнем. А так — жди нас!..

— Хорошо, — повторила она.

Мальчики нырнули в пролом, перебрались через несколько гребней осевших на землю развалин и очутились под сводом, который образовался оттого, что две стены навалились друг на дружку, но не упали. Здесь почти совсем не было снега. Под ногами валялись груды битого камня, цемента, железных обломков. Мальчики с трудом прошли десяток шагов и вдруг увидели в стене дверь.

Она была приоткрыта, но за ней было темно, так темно, что у обоих не хватило духа войти туда, куда она вела. Они стояли перед черным проемом и слушали. В развалинах свистел ветер. Где-то вдалеке несколько раз ударила зенитка. В небе, за тучами, пророкотал самолет.

Таинственная дверь пугала мальчиков, и в то же время им очень хотелось в нее войти. Коля осторожно протянул руку и чуть-чуть толкнул ее — она заскрипела и раскрылась еще больше.

Мальчики, вытянув шеи, заглянули внутрь и в полумраке разглядели лестницу, которая вела вниз.

Что это? Почудилось или нет? Откуда-то из

глубины до них донесся хриплый стон. Мальчики вылетели из-под свода, словно их вынесло ветром, и остановились только тогда, когда оказались за стенами элеватора.

— Ты слышал? — спросил Коля.

— Слышал, — ответил Витя.

Оба помолчали, прислушиваясь к ветру.

— Что это может быть? — спросил Коля.

— А как по-твоему?

— Там кто-то сидит.

— Кто?

— Человек! Совы зимой не водятся... Что же теперь делать?

— Не знаю.

Оба нерешительно потоптались на месте.

— Ребята! Ребята! — вдруг услышали они из-за камней горячий шепот Май. — Вы чего так быстро вернулись? Нашли что-нибудь?

Она перелезла через выступ стены и спустилась к ним.

— Нашли, — угрюмо ответил Коля.

— Что, что такое?

— Не что, а кого. Человека.

— Какого человека?

— Да, наверно, того самого, чьи следы... Он там внизу лежит, стонет...

Мая всплеснула руками.

— Чего же вы стоите? — сказала она. — Человек, может быть, умирает!..

Мальчики не двигались с места.

— Ну, что же вы?..

— А вдруг он нас просто пугает? — сказал Коля.

Все трое помолчали.

— Знаете что, ребята? — сказала Мая. — Я к нему пойду...

— С ума сошла! — крикнул Коля.

— Никуда ты не пойдешь, — твердо заявил Витя. — Мы тебя не пустим.

— Нет, пойду! Я — девочка, и он мне ничего не сделает...

— Так он в темноте и разберется — девочка ты или мальчик. Как всадит тебе нож между лопатками!..

Коля сказал это так выразительно, что Мая невольно передернула плечами. Но напугать Маю было не так-то просто.

— Тогда вот что, ребята! — решительно сказала она: — Давайте пойдём все вместе... Сразу все!.. Один он с тремя не справится.

Мальчики посмотрели себе под ноги, потом друг на друга и согласились. Мая говорила так твердо и спокойно, что они даже не подумали спорить, когда она пошла впереди. Нет, это не было трусостью. Они не оставили бы ее одну, и каждый готов был, если понадобится, ее защитить. Но просто бывают в жизни такие случаи, когда впереди становится тот, у кого сильнее воля.

И вот все трое стоят у двери и прислушиваются. Все тихо. И вдруг опять снизу раздался стон, но теперь он был как будто слабее и глуше. Мальчики не успели и слова сказать, как Мая скользнула в дверь и пропала в темноте. Оба, не сговариваясь, сразу шагнули вслед за ней. На лестнице Коля обогнал Витю и придвинулся вплотную к Мае, крепко сжимая в руках лопату на случай внезапного нападения.

Так они спускались в полной темноте, медленно оставляя за собой ступеньку за ступенькой. А стон был все ближе и ближе... Человек стонал тяжело, надсадно... По временам он что-то выкрикивал, но так, что нельзя было разобрать ни одного слова.

Мая что-то задела ногой, и по ступенькам загрохотал металлический, судя по звуку, предмет. Дети вздрогнули и замерли. Так они постояли несколько минут, крепко держась друг за друга. Потом Коля нагнулся и стал руками обшаривать лестницу.

— Это электрический фонарь, — прошептал он на ухо Мае.

Мая шепнула Вите:

— Фонарь!

Они ощупывали его в темноте. Все думали об одном и том же: зажигать или нет? Наконец, Мая чуть сжала Колин локоть, и он понял, чего она хочет. Зажигать!.. Острый, яркий луч фонарика прорезал тьму. Он скользнул по черным сырým стенам подземелья, где когда-то проходили трубы отопления, и уткнулся в человека, который лежал на спине у нижней ступеньки лестницы. Он был в беспмятстве. Рядом с ним валялось несколько пустых консервных банок и раскрытый заплечный мешок, из которого торчали какие-то вещи.

С первого же взгляда ребята поняли, что перед ними — немец. И не просто немец, а судя по шинели — офицер.

Коля прощупал лучом фонарика окружающую их темноту. В подвале больше никого не было. Гитлеровский офицер лежал совершенно один.

Ребята окружили его. Витя, на всякий случай, осмотрел его карманы, вытащил пистолет и сунул его себе за пояс.

— Давай посмотрим его лицо, — предложила Мая.

Луч уперся в закрытые глаза, осветил короткий тупой нос, широкий подбородок...

— Он! Видите? — прошептала Мая.

— Что? Что?.. — тоже шепотом спросил Коля.

Мая вдруг отшатнулась.

Офицер открыл воспаленные глаза, протянул вперед руки и крикнул:

— Zu mir! Zu mir!¹

Они так и замерли на месте. Теперь все трое узнали этого человека. Одно его имя еще недавно внушало ужас не только им, но и всему городу.

Да, ребята не ошиблись. Перед ними действительно лежал начальник городского гестапо Курт Мейер, тот самый Курт Мейер, который в упор расстреливал военнопленных и хозяйничал в городе, как ему вздумается. Он лежал здесь уже несколько суток. Взрывом бомбы перевернуло его машину. Шофер был убит, а он отделался тяжелым ранением в левую ногу. Это случилось недалеко отсюда, на повороте дороги. Несмотря на страшную боль, у него хватило сил добраться сюда, притащить с собой запас продовольствия и две химические грелки, которые могли греть довольно долго, если их держать за пазухой. Но тяжелое ранение — не простая штука. Счастье изменило Курту Мейеру. Он мечтал о богатстве, об орденах, а смерть наступала на него в каком-то грязном подвале, куда чудом забрели трое смелых ребят.

— Что же нам с ним делать? — спросил Коля. — Нам втроем его отсюда не вытащить, он слишком тяжелый...

— А какой он был важный, когда ходил по городу, — сказала Мая. — Наверно, он скоро умрет!..

¹ Ко мне! Ко мне!

— Надо позвать кого-нибудь, — сказал Витя.

— Ах! — Мая схватила Колю за руку. — Он смотрит!

Коля навел луч фонарика на лицо Курта Мейера. Сквозь узкую щель приподнятых век на ребят смотрели два темных блестящих глаза. Курт Мейер перестал стонать, словно придя в себя и оценивая создавшуюся обстановку. Он молчал и только слабо шевелил губами.

Дети невольно взялись за руки и отступили назад, так страшно было это лицо — отекшее, обросшее щетиной. Им казалось, что Курт Мейер вот-вот вскочит и затопает на них ногами.

Но в это время в больном мозгу Курта Мейера роились такие мысли, о которых ребята и не догадывались. Если бы только знали они, что он сделает через пять минут, они обыскали бы его еще раз.

А Курт Мейер опять закрыл глаза и уже больше не стонал...

Ребята решили пойти за помощью.

Когда они вышли из подвала, захватив с собой заплечный мешок Курта Мейера, было уже темно. Не решаясь засветить фонарик, они в темноте, помогая друг другу, перелезли через все кручи, счастливо пробежали пространство до дороги и остановились, тяжело дыша. Вокруг было пустынно и безлюдно — ни одной проезжей машины, ни одного человека.

И вдруг со стороны развалин до них донесся приглушенный звук револьверного выстрела. Это Курт Мейер, поняв, что больше надеяться не на что, выстрелил в последний раз.

Но об этом ребята узнали позднее. Выстрел испугал их, и они бросились бежать по дороге изо всех сил. Только сейчас, когда опасность миновала, им вдруг стало по-настоящему страшно. Скорей, скорей назад в город! Они бежали молча, задыхаясь от бега и от ветра, который бил им в лицо. И вот, наконец, впереди замерещились очертания окраинных построек. Ребята увидели человека, фигура которого смутно вырисовывалась сквозь белесую морозную дымку. Человек шел им навстречу. Ребята побежали еще быстрее, стараясь не отставать друг от друга.

Когда они приблизились к человеку, он вдруг остановился и окликнул их:

— Ребята! Вы что тут делаете? Куда бежите? — Голос его звучал добродушно. Ребята сразу узнали фотографа с базарной площади.

— Домой торопимся! — крикнул Витя.

Но, встретив знакомого взрослого человека, ребята убавили шаг, успокоились, словно переступили через какую-то невидимую черту, за которой остался жуткий подвал со страшным Куртом Мейером. Они почувствовали себя в безопасности и разом начали говорить, перебывая друг друга и захлебываясь от избытка только что пережитых волнений.

— Вы знаете, откуда мы идем?.. — крикнул Коля, подбегая к Якушкину и невольно хватая его за рукав. — Оттуда! Из развалин!

— Что? Что? — не понял Якушкин. — Откуда?

— Ну, из элеватора... Сверху!.. — показал в темноту Виктор. — Вы не знаете, кого мы там нашли...

— Курта Мейера!.. Начальника гестапо, — перебила его Мая.

Якушкин от удивления словно прирос к месту.

— Да что вы, ребята, — шутите, что ли? Курта Мейера?.. Откуда он там взялся!..

— Не знаем, — мотнул головой Коля, — а только мы его видели... Он там в подвале лежит!

— И совсем один, раненый, — сказала Мая.

— И банки вокруг него из-под консервов валяются, — добавил Виктор.

— Да не может этого быть! — Якушкин только руками развел. — Все это вам, наверно, померещилось, ребята... Какой подвал? Какие банки?.. Да и зачем вас туда понесло!..

— А мы картины искали!.. — сказал Виктор. — Ну, знаете, те, что из музея украдены... Вы нам что, не верите?..

— И никто не поверит.

— Ах, так? А вот посмотрите-ка, что у меня за спиной, — сказал Коля. — Ну, посмотрите! Что это?

Якушкин посмотрел.

— Вещевой мешок! Немецкий как будто! — сказал он удивленно и немного смягчая тон.

— Вот мы его у Мейера и забрали!.. — победоносно заявил Виктор. — И мы вовсе не обманщики какие-нибудь...

Якушкин начал ощупывать мешок.

— Смотрите-ка! Смотрите!.. И верно!.. А нет ли в нем консервов, ребятки?.. Очень уж я изголодался, сказать по правде... Так вы, говорите, самого Курта Мейера видели? — спросил он уже серьезно.

— Видели!.. — подтвердили ребята хором. — Не верите, посмотрите сами!.. Ну, нам домой пора!

— Идите! Идите, ребятки, — сказал ласково Якушкин. — А я вот тут недалеко живу, поискать снарядных ящиков на дорогу вышел — топить нечем... Ну, бегите, бегите...

Ребята, уже совсем успокоившиеся, пошли к городу, а Якушкин, кашляя, поплелся своим путем, высматривая, не темнеет ли где-нибудь на обочине дороги брошенный отступавшими гитлеровцами пустой снарядный ящик...

Ребята не ожидали благодарности за совершенную ими разведывательную операцию. Правда, операция эта дала вполне ощутимые результаты. Они нашли самого Курта Мейера. Они притащили с собой его вещевой мешок и «Вальтер»... Но все-таки они хорошо знали, что нарушили дисциплину, ослушались Клавдию Федоровну, которая хотя и разрешила им походить по ближайшим улицам и порасспросить соседей, но строго запретила искать картины самим, шарить по всяким углам и закоулкам, а главное — выходить за черту города.

И, однакоже, они даже не могли представить себе, какая над ними разразится гроза.

— Я не затем больше полугода, как могла, старалась спасти вас от смерти, чтобы вы подорвались на первой попавшейся мине, — тихо сказала Клавдия Федоровна, когда они, разгоряченные, взволнованные, усталые, перебивая друг друга, рассказали ей обо всем, что

с ними случилось. — И, кроме того, я надеялась, что на ваше слово можно положиться. Оказывается, оно не стоит гроша ломаного. Мне казалось, что вы почти взрослые, а вы — маленькие и еще очень глупые дети, которых надо водить за руку...

Все трое молчали. Витя потупился. Мая быстро расплетала и заплетала кончик косы и тоже не смотрела на Клавдию Федоровну. Только Коля Охотников глядел на нее в упор. Лицо у него покрылось красными пятнами, а руки сжались в кулаки.

— Это несправедливо, Клавдия Федоровна, — сказал он, как будто что-то глотая. — Мы же все-таки нашли Курта Мейера... И мешок его принесли.

— Вот то-то и плохо, что вы полезли в подвал к Мейеру! — безжалостно сказала Клавдия Федоровна. — Я уже не говорю о том, что вы без разрешения ходили к элеватору, — ведь вы могли туда и не дойти, — но будь вы немного умнее, вы бы, услышав стоны, сразу вернулись и позвали первый встречный патруль. А теперь неизвестно, что произошло в элеваторе и что это был за выстрел, который вы слышали. Так вот что: с этой минуты я запрещаю вам выходить из дому дальше двора, пока я сама не отменю этого распоряжения. И если я узнаю, что мое приказание нарушено... — она немного помедлила, — я просто с вами расстанусь. Вас переведут в другой детский дом. Ступайте.

Ребята ушли совершенно подавленные. А она села возле стола не менее взволнованная и потрясенная, чем они, и задумалась. Правильно ли она поступила, так жестоко развенчав их

подвиг? Ведь, что ни говори, а это было смело! И потом они же не знали, кто стонет в подвале. Они просто услышали стон и бросились на помощь. За что же она их так отругала, да еще наказала?!. Нет, нет, это все-таки было правильно. То, что сейчас обошлось благополучно, в другой раз может и не сойти с рук. В эти суровые дни, когда в городе и вокруг него еще столько необезвреженных мин, она в первую очередь должна думать о безопасности ребят...

Клавдия Федоровна подняла с пола вещевого мешок Курта Мейера, откинула верхний клапан и заглянула внутрь. Среди консервов, плиток шоколада и пачек с сигаретами темнела довольно толстая записная книжка в черном кожаном переплете. Она сунула в мешок «Вальтер», затянула покрепче пряжку клапана, оделась и, взяв мешок, пошла в комендатуру.

Часа через два к ней в детский дом пришел Воронцов и попросил разрешения поговорить с ребятами. Он побеседовал с ними минут сорок, а затем, крепко пожав каждому из них руку и поблагодарив, ушел. Это, конечно, с его стороны было не совсем педагогично. Но майор Воронцов, к сожалению, не знал о тревогах Клавдии Федоровны. У него были свои заботы...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

В СТАРОМ СКЛЕПЕ

СТРЕМЯННОЙ сидел у себя за столом, просматривая только что полученные из полков донесения, когда, слегка приоткрыв дверь, в комнату к нему заглянул штабной переводчик.

— Товарищ подполковник, разрешите войти?

— Заходите. Что там у вас? Спешное что-нибудь? — не поднимая головы, спросил Стремянной.

— Да вот перевел несколько немецких документов, товарищ подполковник. Пришел вам доложить.

— Есть важные?

— Нет. Разве что — документ об укреплениях под Новым Осколом. Да и тот носит слишком общий характер; он касается главным образом распределения рабочей силы. Все остальное — в том же роде. Есть, правда, еще один занятный документ, но он интересен скорее с точки зрения психологической, чем с военной.

— Это что за документ?

— Записная книжка начальника гестапо Курта Мейера. Та, что заведующая детским домом принесла... К сожалению, записей в ней мало и все они, так сказать, личного порядка...

Стремянной оторвал глаза от лиловых строчек донесения и посмотрел на переводчика:

— Что же, в таком случае, вы нашли в них интересного?

— Характер, товарищ подполковник. Ход мышления. Это, я бы сказал, типичный гитлеровец из молодых. Но в двух словах это объяснить трудно. Вы лучше сами на досуге поглядите.

— На досуге?.. — Стремянной усмехнулся. — Ладно, оставьте. Авось будет у меня когда-нибудь досуг...

И, взяв у переводчика, он положил на пачку бумаг еще несколько листков, перепечатанных на машинке.

Переводчик ушел, а Стремянной дочитал последний рапорт и, надев полушубок, вышел из жарко натопленного штабного помещения на утренний мороз. Со вчерашнего дня он собирался осмотреть трофейные автомашины. Они были спешно подремонтированы, и командир автобата уже успел посадить на них своих шоферов.

Машины были выстроены на площади перед горсоветом.

Стремянной оставил на углу свой вездеход, принял доклад командира автобата и вместе с ним обошел вытянувшиеся двумя рядами машины. Этот получасовой осмотр доставил ему какой-то своеобразный отдых. Он любил машины давней, еще в детстве зародившейся любовью, знал в них толк и втайне гордился своим умением быстро осваивать любое управление незнакомой марки. Ему было приятно по стуку двигателя сразу определить степень его изношенности, верно оценить его силу и поймать на себе одобрительный взгляд опытного водителя.

Не торопясь, по-хозяйски он осмотрел каждую машину в отдельности. Тут были три штабных автобуса вроде того, который стоял против дома гестапо. Стремянной приказал прикомандировать их к санбату для перевозки раненых, несколько больших «круппов» с высокими бортами — они годились для боеприпасов и другого снаряжения — и больше десятка легковых машин. Оставив для нужд дивизии две из них, Стремянной распорядился направить остальные в штаб армии.

Окончив осмотр, он пошел обратно к свое-

му вездеходу и вдруг увидел у подъезда горсовета того самого мальчугана, которому дал банку консервов на привокзальной площади. Мальчик топтался у дверей, пряча руки в рукава кацавейки и постукивая ногой об ногу. По всему видно было, что он собирался войти в дом, но робел.

— Ты что тут делаешь? — спросил Стремянной.

Мальчик посмотрел на него снизу вверх.

— Жду, — сказал он серьезно. — Тут дяденька один должен прийти.

— А зачем он тебе?

— А меня дедушка к нему послал.

— Зачем?

— Он говорит, что о картинах* сказать хочет...

Стремянной с удивлением посмотрел на мальчика.

— Это твой дедушка так сказал? — переспросил он.

— Мой, — подтвердил мальчик.

— А кто такой твой дедушка?

— Мельник.

— А родители твои где? Отец? Мать?

Мальчик отвел глаза в сторону.

— Умерли, — тихо сказал он.

— Где же вы с дедушкой живете?

— Недалеко, — мальчик как-то неопределенно мотнул головой, — в сторожке у кладбища.

— Странно! — Стремянной невольно пожал плечами. — Мельник, а живет у кладбища. Что же твой дедушка делает?

— Ведро чинит.

— Так какой же он мельник, если ведра чинит? Ничего не пойму, — с досадой сказал Стремянной. — А ну-ка, пойдем к твоему дедушке. Садись в машину.

Мальчик недоверчиво, но в то же время радостно поглядел на Стремянного и пошел вслед за ним к вездеходу.

Через пять минут машина остановилась возле небольшого домика, стоявшего сразу за кладбищенскими воротами. Мальчик постучал в окно, и почти сейчас же на крыльцо вышел бодрый, румяный старик в длинной шубе. Он приветливо улыбнулся Стремянному:

— Здорово, начальник!

— Здорово! — сказал Стремянной, с любопытством оглядывая этого мельника, который чинит ведра в кладбищенской сторожке. — Вы знаете, где спрятаны картины?

— Думается, знаю.

— Интересно, — сказал Стремянной. — Где же они?

— Да тут, неподалеку.

— Вы хотите показать место?

— Отчего не показать? Показать — покажу, — сказал старик.

— Вы что же, дедушка, мельник? — спросил Стремянной, когда они двинулись по тропинке в глубину кладбища.

— Мельник, — ответил старик.

— Почему в кладбищенской сторожке живете? И кто вы вообще такой?

— Я сторожем здесь, — сказал старик, — а мельником был еще до войны — в колхозе. И кузнецом был в свою пору, в молодые годы то есть. А вот сейчас обратно собираюсь на се-

ло. У меня там детей, внуков, племяшей — полная деревня.

Стремянной невольно улыбнулся.

— А как вы здесь-то оказались, дедушка, на кладбище? — спросил он. — Как вы сторожем тут стали?

— Сторожем? — переспросил старик. — Обыкновенно. Приехал я брата навестить — пятый брат у меня, царствие ему небесное, тут двадцать с лишком лет сторожем состоял. Ну, значит, приехал я, а он возьми да и помри. Только я его похоронил, тут — немцы! Из управы приказ: никуда мне не отлучаться — работы много будет. — Последние слова старик произнес угрюмо, без улыбки в глазах.

— Тяжело было, дедушка? — спросил Стремянной.

— Ох, тяжело, ох, тяжело, начальник. Мне восемьдесят лет, а на сердце у меня сто шестьдесят будет.

Они шли мимо занесенных снегом могил. Шли долго. Очевидно, старый сторож хорошо знал все тропинки, все приметы, потому что ни разу нигде не останавливался и не оглядывался. Наконец, они подошли к тяжелому, разукрашенному завитушками склепу, в который вела толстая, покрытая ржавчиной дверь.

— Пришли, — сказал старик и стукнул о дверь палкой.

Стремянной вошел внутрь, спустился по узким ступенькам вниз и оказался как бы в каменном мешке. Слабый свет пробивался только из полуоткрытой двери. Склеп был завален всяким мусором — обломками гранита от па-

мятников, кусками старой железной ограды, венками, облезлыми, поломанными, с жестяными скрученными листьями и стеблями, торчащими во все стороны, точно колючки на проволочных заграждениях.

— Да ведь там, дедушка, ничего, кроме хлама, нет, — сердито сказал Стремянной, вылезая из склепа. Ему начинало казаться, что старик просто разыгрывает его, неизвестно с какой целью.

— Нет, есть, — спокойно ответил старик. — Хлам этот нарочно туда набросан. А под ним пол, а под полом-то все и замуровано!

— Кто замуровал? — отрывисто спросил Стремянной. Он не заметил в склепе никаких признаков недавней работы.

— А вот, когда мы сюда шли, — видел большую свежую могилу?

— Видел, — сказал Стремянной.

— Ну вот, там они и лежат, те, кто в этом склепе работал.

Стремянной внимательно посмотрел на старика:

— Расскажи-ка подробнее, дедушка!

— Слушай, начальник. Было это третьего дня ночью... Только я уснул, вдруг слышу — подъезжают две машины. Вышли около ворот... Кричат по-немецкому, ругаются. Ну, думаю: опять расстреливать привезли... И уж не до сна мне. Дрожь бьет. «Ах, — думаю, нет на вас погибели!..» И вдруг заходят ко мне два немца — офицер и ундер, — приставили к груди револьверы и грозят: сиди, старик, не выходи, не смотри, а то капут будет!.. Посидели, посидели они, поговорили о чем-то по-своему, потом вышли, а меня заперли... А не знают того, что у меня ход на чердак есть. Забрался я туда — не смотри, что я старый, сил у меня много, глаз вострый, — вижу: люди какие-то тюки таскают и все сюда вот, сюда — на этот край. Огоньки между деревьев так и прыгают... То вспыхнут, то погаснут... То вспыхнут, то погаснут... Потом, слышу, кончили таскать — возня началась какая-то, копают, стучат, дерево рубят. И так часа три... Что, думаю, такое? Обнаковенно приедут, постреляют, а утром закапывают... А тут работа идет, что-то прячут... Ну, конечно, я поприметил это

место... А к утру, слышу — совсем близко стрельба... Выхожу на рассвете, когда уже все уехали, — лежат на земле семеро наших. Все убитые. Солдаты пленные, и руки у них в глине... Ну, по следам, по свежим, я и пришел сюда. А что за тюки были — догадывайся сам...

Старик замолчал.

— Вижу, намучился ты тут, дедушка, — сказал Стремянной помолчав.

— Намучился, сынок, — ответил старик просто. — Не знаю уж, как и прожил эти месяцы. Был бы моложе — сам воевать бы пошел. В гражданской-то я еще участвовал... Под Каховкой в грудь ранен был... Ну, присылай людей копать дотемна, а то завтра утром я отсюда уйду.

Он проводил Стремянного до ограды и повернул к себе в домик.

Через час команда солдат, вооруженных лопатами, кирками и топорами, подошла к склепу. Минеры обследовали его, но мин не обнаружили. Тогда солдаты приступили к делу. На этот раз командовал ими майор Воронцов. Известие о том, что делалось на кладбище в ночь отхода гитлеровцев, заинтересовало Воронцова. Он решил немедленно отправиться туда с командой и произвести самые тщательные раскопки.

— Что бы они там ни закопали, надо раскопать, — сказал он Стремянному, застегивая шинель. — В такую ночь они бы не стали терять время по пустякам... Посмотрим, посмотрим...

Воронцов с нетерпением ждал, чем кончатся поиски. Он готов был сам рыться в склепе, принадлежавшем, как гласила почти стершаяся надпись, купцу 1-й гильдии Косолапову, с миром почившему в 1867 году. Руки у него так и тянулись к кирке, но, чтоб не нарушать порядка, он отказывал себе в этом удовольствии, не мешал солдатам работать и только изредка давал указания. Старик стоял рядом с ним, спокойно опершись на палку. В бороде у него таяли редкие снежинки.

У входа в склеп с каждой минутой вырастала все выше куча ржавого железа и камней, выброшенных солдатами. Наконец, застучали кирки.

— Ну, что там? — не выдержал Воронцов. — Есть что-нибудь?

Из склепа вылез сержант, весь перепачканный глиной, и доложил:

— Ничего нет, товарищ майор. Простая земля. Могила, как говорится.

— Слышишь, хозяин, ничего нет, — ответил Воронцов, искоса взглянув на старика.

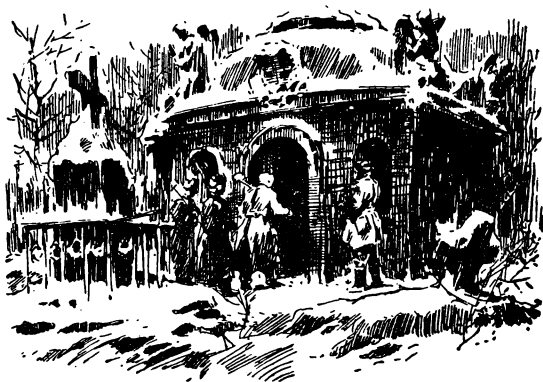
— Нет, есть, — твердо ответил дед. — Пусть роют дальше.

Воронцов сам спустился вниз. Здесь все уже было перерыто — груда черной земли лежала по сторонам глубокой ямы. Двое солдат орудовали в ней лопатами.

— Ну как? — с надеждой спросил он. — Заметно что-нибудь?

— Как есть — ничего, товарищ майор, — ответил солдат со дна ямы.

Воронцов вышел из склепа и опять подошел к старику.

— Вы твердо уверены, что копать надо именно здесь? — спросил он. — Там ничего нет, я сам видел. Вырыли яму почти в человеческий рост. Земля и земля!

— Пусть еще копают, — тихо сказал дед. — На землю-то посмотрите. Видите — рыхлая...

Дунул острый влажный ветер. Снег пошел сильнее. Заложив руки за спину, Воронцов мерно шагал между могилами, прислушиваясь к приглушенным голосам солдат и скрежету камней.

И вдруг из склепа донесся чей-то взволнованный голос:

— Товарищ майор! Есть! Нашли!

Из дверей выбежал сержант, неся в руках какой-то тяжелый, плотно увязанный тюк.

— Метра на три закопали, дьяволы!.. — крикнул он. — Вот и найди — все терпение лопнет...

По размерам тюка Воронцов сразу понял, что в нем не могут быть спрятаны картины.

Он слишком узок и высок. Очевидно, в нем были какие-то книги. Воронцов вытащил из кармана складной нож, быстро разрезал веревки, распорол толстый, просмоленный брезент и с жадным любопытством заглянул внутрь. Это были какие-то документы в разноцветных папках.

Он взял розовую папку, лежавшую сверху, перелистал и ахнул. Нет, в склепе не было картин, похищенных из музея. Но здесь было спрятано тоже нечто крайне важное...

Один за другим солдаты вынесли и положили на снег пять тяжелых тюков.

— Что же мы это такое нашли, товарищ начальник? — спросил сержант, заглядывая в раскрытый тюк. — Кажись, бумажки? А мы-то старались!..

— Недаром старались, Ковальчук, недаром, — утешил его Воронцов, — находка полезная, может пригодиться.

Старик-сторож покачал головой и концом палки поковырял в мешке.

— А картин, значит, нету... — сказал он разочарованно.

Воронцов, усмехаясь, поглядел на него:

— Нету, дедушка, нету...

Воронцов положил розовую папку обратно в тюк, перевязал веревкой и приказал погрузить все, что было найдено, на машину.

— Ну, если не секрет, скажи ты мне, начальник, — поинтересовался старик. — Что в этих бумажках такое, а?..

— А вот это, дедушка, секрет, — сказал Воронцов. Он сел в машину рядом с шофером. В кузове на тюках сидели солдаты и беседовали

о том, что такое они везут и почему майор так доволен, что нашел эту прорву бумаги, хотя искал как будто совсем другое...

И только один Воронцов знал, что он везет в машине.

В пяти тюках находился архив городского гестапо.

Гитлеровцы, видимо, надеялись, что скоро вернутся, и решили, что вернее будет его надежно спрятать, чем таскать с собой.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ЕЩЕ ОДНА ЗАГАДКА

ДИВИЗИЯ получила боевую задачу — двигаться к Новому Осколу, освободить его и продолжать движение в направлении Белгорода. Ястребов ранним утром собрал командиров полков и, в свою очередь, поставил перед ними боевую задачу, которую должен решать каждый полк на своем участке.

До выступления оставалось немногим более суток.

Когда командиры частей разошлись и в комнате остались Корнеев да Стремянной, Ястребов закурил и, усмехаясь, поглядел на своего начальника штаба.

— Ну, как дела, новоявленный Шерлок Холмс? — спросил он. — Что еще хорошенького разыскал? — Он повернулся к своему замполиту. — Слышал, Корнеев, какой следопыт у нас в дивизии объявился?

— Как не слышать! — улыбаясь, ответил Корнеев. — Совершенно неожиданный талант!..

— Да я-то тут при чем? — сказал Стремянной. — Это Воронцов нашел.

— Ладно, ладно, нечего скромничать, — сказал Ястребов. — Главное, что дело сделали большое. Нашли архив как раз тогда, когда надо. Воронцов мне уж звонил. На основании обнаруженных материалов арестована сотрудница гестапо Мария Кузьмина. Есть подозрение, что она-то и является агентом Т-А-87. Если бы не ваша находка, она бы, пожалуй, ускользнула от нас. У нее все фальшивые документы на руках были. Сейчас как раз допрос идет. У нас, товарищ Стремянной, кажется, было что-то о постройке укрепрайона западней города. Помните, в бумагах бургомистра нашли? Так вот, эта особа, говорят, в курсе. Зайдите туда, постарайтесь выяснить все, что можно, о характере и месторасположении укреплений. Это было бы важно...

— Слушаюсь! — Стремянной раскрыл папку и вытащил из нее нужный документ. — Так я пошел, товарищ генерал...

Особый отдел дивизии находился неподалеку, в маленьком одноэтажном домике. Около него ходил часовой, а в глубине двора стояла легковая машина.

Стремянной поднялся по лестнице и вошел в комнату, где происходил допрос.

Он увидел у стола майора Воронцова. Низко склонив седую голову, Воронцов записывал показания арестованной. Женщина сидела перед ним, спокойно облокотившись о стол. Ее соломенно-желтые, видимо, крашенные волосы еще сохраняли следы обдуманной и сложной прически. Тонкие — в ниточку — высокие бро-

ви были приподняты удивленно и наивно. Лицо нежное, кукольное — маленький, чуть вздернутый нос и блестящие выпуклые глаза. Воронцов оторвался от протокола и взглядом приветствовал вошедшего.

— А, товарищ Стремянной! Садитесь, послушайте. Мы только начинаем.

Женщина краешком глаза посмотрела на Стремянного и осторожно, как будто украдкой, поправила волосы.

Он сел позади нее и чуть в стороне, чтобы не мешать допросу.

— Итак, я записал ваш ответ, — сказал Воронцов, пододвигая к ней протокол. — Вы утверждаете, что не имели никакого отношения к Курту Мейеру.

— Никакого, — безмятежно сказала женщина.

— Подпишите.

Она обмакнула перо, поставила на листе бумаги свою подпись и поднялась с места.

— Теперь мне можно идти? — спросила она и опять сбоку поглядела на Стремяного.

— Нет, подождите, — сказал майор, — у меня к вам есть еще один вопрос... Как вы можете объяснить то обстоятельство, что фотографировались с Куртом Мейером?

— Это недоразумение. Я никогда с ним не снималась, — удивленно сказала она, но ресницы ее дрогнули.

— Значит, никогда? — переспросил майор, прищутив глаза и посмотрев на нее в упор.

— Конечно! Каким же образом? — растерянно развела она руками. — Ведь я почти не знала его.

— Посмотрите! — майор открыл ящик и положил на стол фотографию.

Увидев ее, женщина вздрогнула и закусила губу.

Стремянной приподнялся и посмотрел на фотографию. Он видел ее в первый раз. Якушкин такой не приносил. Но снимок был так выразителен, что спорить против него было просто невыносимо. Уютно пристроившись на диване, сидели рядом Курт Мейер и эта самая женщина, Мария Кузьмина. Курт Мейер — картинно выпятив грудь и слегка откинув назад голову, а она — не менее картинно улыба-

ясь, положив одну руку к нему на плечо, а другой прижимая к себе маленькую мохнатую собачку.

— Что же вы молчите? — спросил майор.

Мария Кузьмина с ужасом смотрела на фотографию.

— Откуда вы ее взяли? Ведь я ее сожгла!..

— Вы сожгли свою. А эту мы нашли в личной папке Курта Мейера, которая среди прочих дел лежала в архиве гестапо.

— Вы нашли архив гестапо? — воскликнула предательница.

— А вы знаете, что он был спрятан? — поймал ее майор на слове.

— Нет!.. Нет!.. Я ничего не знаю! — отмахиваясь обеими руками, закричала она.

— Вы много знаете, — спокойно наблюдая за ней, сказал майор, — но вы, вероятно, еще не знаете о судьбе Курта Мейера.

— Что с ним?

— Он в наших руках!

Она ничего не ответила, только закрыла лицо руками. Майор переглянулся со Стремянным и стал перебирать бумаги на столе.

— Почему вы не пытались уйти с Куртом Мейером? — выждав минуту, спросил он.

— Он... он... меня не взял!..

— Не взял или... оставил? Оставил со шпионским поручением... Обещал скоро вернуться и вас наградить. Отвечайте! — строго сказал он. — Да или нет?

Она молчала.

— Хорошо. Можете не отвечать. И так все ясно.

Стремянной поднялся с места.

— Товарищ майор, разрешите и мне задать вопрос.

— Пожалуйста.

Стремянной вытащил из планшета документ и положил его перед собой на стол.

— Вы работали переводчицей в гестапо?

— Да.

— А имели ли вы какое-нибудь отношение к городской управе?

— Они меня часто приглашали переводить приказы командования с немецкого языка на русский.

— Так. — Стремянной помолчал, обдумывая, как ему вести допрос дальше. — Это вы переводили приказ об отправке населения на постройку укрепленного района?

— Не помню. Может быть.

— Значит, вы знаете, где строились укрепления?

— Приблизительно, — осторожно ответила Кузьмина.

— Нет, не приблизительно, а совершенно точно, — вдруг уверенно сказал Воронцов. — Вы же ездили туда. Ну, говорите, ездили?

— Меня посылали, — виновато сказала Кузьмина. — Я не могла отказаться. Это была моя служба.

— Ну, так вот, — сказал Стремянной, раскладывая на столе план. — Покажите, где построены укрепления. Как они расположены?

И он положил поверх плана красный карандаш.

Кузьмина нагнулась над столом и, водя кончиками пальцев по плану, стала его разглядывать.

— Очень хороший план, — сказала она как-то по-новому, деловито и сухо. — Я отмечу на нем все укрепления, но скажите, за это мне сохранят жизнь? Меня не расстреляют?

— Ничего не могу обещать, — сказал майор Воронцов. — Но сообщу прокурору, что вы нам дали важные показания. Только говорите правду!

— Да, да, правду!.. Одну только правду!.. Вот смотрите: здесь, на юго-запад от города, — роща. На ее северной опушке построены четыре дота.

Маленькая, холеная рука Кузьминой уверенно взялась за карандаш и нанесла на план четыре условных значка — четыре дота.

— Почему доты построены именно здесь? — спросил Воронцов.

— Это понятно, — ответил за Кузьмину Стремяннй. — Они держат под обстрелом шоссе и мешают танкам пройти в обход рощи... Дальше!

Кузьмина обвела границы минных полей, показала, где должны стоять артиллерийские батареи, где проходят линии проволочных заграждений...

Все это было сделано умело, точно, можно сказать — профессионально.

Воронцов и Стремяннй невольно переглянулись. Видна птица по полету!

— Чисто работаете! — заметил Воронцов. — Где же это вы научились?

— Практика, — ответила она лаконично. Стремяннй сложил план.

— Хорошо, — сказал он. — Это мы все еще

проверим. Больше вы ничего не можете добавить?

— Ведь я рассказываю по памяти, — словно извиняясь, сказала Кузьмина. — Разумеется, если бы передо мной лежал план вроде того, какой я видела у бургомистра Блинова, когда однажды сопровождала его на постройку укрепленного района, я бы могла сообщить больше подробностей...

— А у него был такой план? — спросил Стремянной. — Откуда? Ведь бургомистр ведаёт только городскими делами.

Кузьмина насмешливо улыбнулась.

— Бургомистр считал себя крупным военным специалистом, — сказала она. — Он не только посылал на постройку рабочую силу, но и желал руководить работами. Он был связан с Тод'том¹. Естественно, что он располагал и некоторыми нужными данными.

— Где же он хранил такие материалы?

Она слегка пожала плечами:

— Как у многих пожилых людей, у него были свои причуды. Он всегда держал у себя в кабинете старый кованый сундук. Вот в этом сундуке они, очевидно, и лежали. Но сундук этот надёжно охранялся, и, должно быть, его успели вывезти...

— Нет, не успели, — сказал Воронцов. — Он в наших руках.

— Так поищите в нём. Они, наверное, там.

— Там было много чего, но только не то, о чем вы говорите, — сказал Стремянной.

¹ Тод'т — организация гитлеровской армии, которая строила долговременные укрепления.

— А вы весь сундук осмотрели? — спросила женщина.

— Разумеется, весь! До самого дна.

Она многозначительно приподняла брови и сказала, обращаясь к Воронцову:

— Господин майор!..

— Забудьте вы свои гестаповские привычки! — резко оборвал ее Воронцов. — Я не господин. Для вас я — гражданин следователь.

— Гражданин следователь, — поправилась она. — Очень прошу вас и об этом моем добровольном признании сообщить прокурору.

— К чему такое многозначительное предисловие? — сказал Воронцов. — Я наперед знаю, о чем вы хотите сообщить. В сундуке имеется второе дно, не правда ли?

— Да. А вы откуда знаете? — удивилась Кузьмина.

Воронцов слегка улыбнулся:

— Во-первых, вы это почти сказали. А, во-вторых, это же элементарно — осмотреть сундук, который, кстати, уже стоит здесь, за стеной... Второе дно довольно трудно спрятать... Но возникает другой вопрос: вам-то как стало известно устройство сундука?

Она секунду помолчала, как бы обдумывая ответ.

— Мейер постоянно говорил, когда бывал недоволен бургомистром, что он человек с таким же двойным дном, как и его сундук.

— Они были не в ладах?

— Да, у них были неважные отношения. Бургомистр Блинов очень жадный и хитрый человек...

— Зато Курт Мейер — сама честность, —

насмешливо сказал Стремянной, — бургомистр ограбил картинную галерею, а его, в свою очередь, — начальник гестапо!

— Да еще не своими руками, а подослал к нему одного своего агента, Т-А-87! — добавил Воронцов.

Кузьмина вздрогнула.

— Т-А-87? — повторила она. — Вы его знаете?

— Может быть, — сказал Воронцов.

Взгляд Кузьминой отяжелел.

— Вот что... Я буду говорить начистоту, — сказала она, как бы преодолев какое-то колебание. — Меня действительно оставили здесь с заданием — я должна была проникнуть в штаб вашей армии... Подробности потом... Курт Мейер предупредил меня, что агент Т-А-87 будет за мной все время следить, и, если я не выполню задания, он меня уничтожит. — Она помолчала и добавила тихо: — Но я знаю также и другое. Они уничтожили бы меня и в том случае, если бы я выполнила задание. Гестапо не любит людей, которые много о нем знают...

— Значит Т-А-87 в городе? — спросил Воронцов.

— Несомненно.

— Вы знаете, кто это? Могли бы опознать его?

Кузьмина покачала головой:

— Что вы! Вообще о его существовании я знаю совершенно случайно.

— Как же вы о нем узнали?

— Однажды я совсем случайно видела за-

писку, посланную на имя Курта Мейера. Она была подписана этим шифром.

— А почерк вы могли бы узнать?

— Нет. Я ведь эту записку видела только мельком в руках самого Мейера. Заметив, что я гляжу, он быстро спрятал ее в стол.

— А что вам еще известно о Т-А-87?

— Больше ничего. Этот агент очень хорошо замаскирован...

— Размаскируем! — сказал Воронцов и, пожав руку Стремянному, проводил его до порога комнаты.

Стремянной шагал по снежной улице обратно к штабу и думал:

«А ведь она права. В ящике должно быть второе дно... Но как проникнуть в это потайное нижнее отделение?..»

Теперь он точно вспомнил один давний, казалось бы, совсем незначительный разговор с Соколовым.

Он, Стремянной, предложил заменить громоздкий кованый сундук обычной несгораемой шкатулкой. Соколов решительно отказался.

— Зачем это? — сказал он. — Все у нас в финчасти привыкли к этому сундуку. Вы только посмотрите, какая работа. Искусство, можно сказать! А насчет прочности, уж я за него ручаюсь! Из любого огня цел выйдет. Обратите внимание, какой толщины у него дно. Шлак, товарищ начальник, и отличное железо, чуть ли не в палец толщиной!

В самом деле, дно было какое-то необыкновенно толстое. В нем вполне могло поместиться секретное отделение.

Теперь понятно, почему Соколов так не хотел заменить этот трофейный сундук обыкновенным денежным ящиком... Может быть, он нарочно испортил старый ящик, когда узнал, что захвачен сундук, в котором есть секретное устройство.

Да, но все-таки, как же его открыть?! Может, просто подорвать? Но тогда, само собой, пропадут все материалы...

Он вернулся к себе в штаб и первым делом зашел к Ястребову.

Ястребов, не перебивая, выслушал его.

— Вот что, Стремянной, — сказал он, — надо во что бы то ни стало открыть сундук. Поговори с нашими инженерами. Подумайте, посоветуйтесь. Авось, сладите как-нибудь. Не такие крепости брали.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

НЕОЖИДАННАЯ НАХОДКА

ЗЕЛЕНый дом, который еще недавно принадлежал бургомистру, был виден издали. Двухэтажный деревянный, но оштукатуренный снаружи, он казался каменным. Высокие, закругленные наверху окна, массивная дубовая дверь, балкон, лепной карниз... Словом, дом был просторный и даже богатый. От калитки в высоком железном заборе вглубь большого сада вела дорожка. Бургомистр любил прогуливаться по ней, вернувшись вечером из городской управы. Он любил также стоять на верхней ступеньке крыльца, заложив руки за спину. Затем он неторопливо открывал тя-

желую дверь, входил в дом, и дверь наглухо закрывалась. Всего в доме было десять комнат — шесть внизу и четыре наверху, не считая кухонь, которых было две, и других подсобных помещений.

Бывший бургомистр свез к себе со всего города все, что только нашлось ценного и что не успел взять Мейер. Поэтому дом несколько напоминал мебельный магазин. В некоторых комнатах стояло по два громоздких кожаных дивана, в других — по несколько столов красного дерева. Столы были расставлены по углам, скорее для симметрии, чем для удобства. Очевидно, рано или поздно, все это предполагалось перевезти в Германию.

Конечно, когда в доме поселились ребята, многое пришлось перестроить, переделать, переставить. Музейные вещи отправили в музей, несколько письменных столов и диванов увезли в горсовет и другие учреждения, в которых пока не было ничего, кроме стен. Зато в доме появилось много кроватей, шкафиков, тумбочек, которых прежде здесь не было, — одни были перенесены из тех домов, где ребята жили прежде, другие удалось разыскать в покинутых квартирах и в разрушенных домах.

Часть мебели, собранной бургомистром, Клавдия Федоровна решила оставить в детском доме. Ее разместили в столовой, в комнате отдыха, в библиотеке. Получилось очень хорошо, уютно, красиво.

Однако устроиться как следует было не так-то легко.

Вот уже прошло несколько дней с тех пор, как Клавдия Федоровна с ребятами располо-

жила в доме бургомистра, а работе не видно было конца-края.

Но это была веселая и приятная работа. С шумом, со смехом, со спорами перетаскивали ребята с места на место столы, шкафы и диваны, перебирали посуду на полках, развешивали занавески.

Каждому хотелось придумать что-нибудь такое, чтобы другие удивились и похвалили.

И только двое ребят почти не принимали участия в общей работе. Это были Коля Охотников и Витя Нестеренко.

В это утро Коля и Витя поднялись еще затемно. Тихо ступая, чтобы никого не разбудить, прошли в столовую и сели за стол. Они старались спорить негромко, но оба все больше и больше горячились.

— Нет, — говорил Витя, слегка заикаясь от волнения. — Н-нет, н-никуда я больше не пойду. Достаточно позавчерашней истории... Ты что, в самом деле, хочешь, чтобы нас выгнали?

— Никто нас не выгонит, — сердито отвечал Коля. — Это она просто так говорит. Не за что нас выгонять. Ничего мы такого не сделали.

В глубине же души Коля сам считал себя виноватым. Ребята уже знали, что Курт Мейер успел застрелиться. И больше всего Колю мучило то, что он не догадался кликнуть патруль. Подумать только, — если бы ему пришлось в голову послать Витьку вниз, в город, — они бы взяли Курта Мейера живьем. Он не успел бы застрелиться, другими словами — не ушел бы от расплаты и не унес с собой

ценные сведения, какие от него можно было получить.

Всю ночь Коля ворочался с боку на бок, мысленно споря с Клавдией Федоровной, представляя себе, как бы они принесли в комендатуру раненого Курта Мейера, если бы все было сделано, как надо, и он бы не застрелился. К утру в голове у него созрел новый план. Они с Витькой в полной тайне будут продолжать поиски и докажут... Что докажут — он не договаривал даже себе. Но, кажется, больше всего ему хотелось доказать, что они вовсе не дети, могут довести начатое до конца и при этом поступать продуманно, толково, по-мужски. В городе еще немало закоулков. Даже здесь, рядом...

Конечно, все это рискованно. Но если они найдут картины, то никто не скажет им ни слова. Больше того — и вчерашнее забудется...

Предстоящий поход он решил назвать «операция КВ». Название это получилось от соединения начальных букв двух имен «Коля — Виктор». Правда, правильнее было бы сказать «НВ», но в спешке Коля как-то упустил из виду, что по-настоящему его зовут Никола́й.

После того как операция получила собственное название, ему стало даже весело, вчерашнее показалось пустяками и ужасно захотелось поскорее все начать. Улизнуть незаметно из дома и — айда!..

И вдруг все планы рушатся... Да еще из-за чего? Из-за рассудительного, скучного, благо-разумного Витьки! Из-за его лени и трусости!

Коля просто задыхался от злости. Он бра-

нился, спорил, убеждал, уговаривал, но все было напрасно. Витька упрямо стоял на своем:

— Сказал, что не пойду, и не пойду!

Кончилось тем, что Коля крикнул:

— Ну и оставайся! — накинул на плечи ватник и, хлопнув дверью, выбежал во двор.

Витя минут десять молча сидел за столом. Пока они с Колей спорили, за окном уже совсем рассвело. Ночной сумрак понемногу растворился в солнечном морозном сиянии.

А дом между тем просыпался. За стеной смеялись девочки. В сенях плескалась вода. Кто-то, топоча ногами, пробежал по коридору.

«До завтрака еще добрых полчаса, а то и час, — подумал Витя. — Пойти, что ли, посмотреть — может, он не ушел? Все-таки одному идти на такое дело страшно...»

Он надел свое пальтишко и вышел на крыльцо.

Утро было тихое, безветренное. На перилах крыльца лежала полоска снега, такого нежного, пушистого, легкого, что хотелось его потрогать и было жалко.

Витя медленно спустился по заснеженным ступеням. Под ногами похрустывало. Дышалось как-то удивительно глубоко и спокойно.

Пройдя несколько шагов, Витя остановился, близоруко оглядываясь. Где же Колька? Неужели все-таки ушел? Он успел заметить, как в приоткрытую дверь высунулась голова Май и тут же исчезла.

И вдруг он услышал откуда-то из-за погребка голос товарища:

— Витька, а Витька!.. Иди-ка сюда!..

Голос был несердитый, в нем слышались только нетерпение и озабоченность.

Почти счастливый от того, что Коля здесь, во дворе, и никуда не ушел, Витя безропотно пересек двор.

Он нашел своего друга в укромном углу, между погребом и сараем, на гребне высокого сугроба.

Коля стоял, держась за остроконечные пики забора, и смотрел в соседний сад, туда, где совсем еще недавно среди старых лип и густых кустарников прятался страшный дом гестапо.

— Вот что, Виктор, — сказал он деловито, — необходимо осмотреть пожарище.

— Чего же там осматривать? — робко спросил Витя. — Все же сгорело.

— А может, не все?

— Все равно нельзя. Говорю тебе — я не пойду со двора.

Коля пожал плечами:

— Так ведь это же и есть двор!

Витя помотал головой:

— Не наш.

— Нет, наш. Тут теперь пустырь. Никто не живет. Мы даже можем попросить, чтобы забор сняли... Ну что — идешь?..

«Надо ему хоть в чем-нибудь уступить, — подумал Витя. — Он же все-таки не ушел со двора, а ведь ему так хотелось!»

Он вздохнул и сказал нехотя:

— Ну ладно, пойдём, пожалуй.

— Кругом, что ли, или прямо через забор?

— Прямо.

Они быстро перелезли через забор и, спрыгнув, увязли по колено в глубоком снегу. Вбли-

зи пожарище казалось еще страшнее и непригляднее, чем издали. От дома сохранился только каменный фундамент. На нем беспорядочной грудой лежали обгорелые балки, куски штукатурки, лопнувшие от жара кирпичи. Мальчики обошли фундамент кругом и остановились. Перед ними были заваленные кирпичом ступеньки, ведущие в подвал, и низкая, обитая железом дверь с толстым незадвинутым засовом.

Дверь была приоткрыта.

— Войдем? — спросил Коля.

— Лучше не надо, — нерешительно ответил Витя, — сам понимаешь...

Коля вдруг рассердился.

— Что я понимаю? Ну, что я понимаю? — закричал он. — Вот что я тебе скажу, Виктор: если бы эта несчастная Майка не увязалась вчера за нами, все было бы по-другому. Ведь это она первая полезла вниз, а я бы сообразил, что надо позвать патруль...

— Как же! Сообразил бы ты!..

— Говорю тебе — сообразил бы... И ты бы сообразил, только у нас не было времени думать. Она полезла, и нам пришлось лезть. Не оставлять же было ее одну... Ух, попадись она мне теперь, я ей так дам!..

— Ну, ладно, ладно, пойдем лучше посмотрим, что там есть, пока Клавдия Федоровна из дому не вышла.

Они потянули к себе тяжелую дверь, она медленно, но плавно отворилась, и мальчики оказались в узком каменном коридоре. Должно быть, он разрезал подвал на две части по всей длине дома, но сейчас им удалось

пройти по этому коридору всего пять или шесть шагов. Дальше коридор был завален битым кирпичом, железом, осыпью штукатурки. Только одна дверь налево — ближайшая к входу — уцелела, хоть никакой надобности в ней уже не было. Рядом зиял пролом, вдвое более широкий, чем эта тюремная, низкая, обитая железом, страшная дверь. Мальчики молча осмотрели ее, пощупали, заглянули в окошечко. Им обоим было не по себе.

— Уж если попадешься за такую дверь, так не выбраться, — тихо сказал Витя.

— Бывает, и выбираются, — ответил Коля.

Они пролезли в пролом и теперь стояли посреди камеры с серыми бетонными стенами и полом из больших каменных плит. Два узких, закрытых решеткой окошка почти не подымались над уровнем земли. Но в камере было совершенно светло. Бело-голубой зимний свет щедро лился сквозь разрушенный потолок.

— Как ты думаешь, здесь расстреливали? — шепотом спросил Витя.

— Нет, наверно. Уводили куда-нибудь, — так же тихо ответил Коля. — Представляешь себе: ночь, люди спят вот на этих нарах. Вдруг открывается дверь, кричат «выходи» и ведут убивать. Ой, смотри, что это?

— Где? Где? Ничего не вижу...

— Да вот, на стене! Над самыми нарами... Смотри, написано...

— Верно.

Мальчики взобрались на нары и стали внимательно разглядывать неровные, выцарапанные каким-нибудь гвоздем или осколком стекла неуклюжие буквы.

«Федя, молчи!»—приказывал кто-то кому-то.

«Валечка, меня убили 27 окт. Вырасти детей» — и подпись. Только никак нельзя ее разобрать...

— Знаешь что, Витька, — сказал Коля, — надо позвать Клавдию Федоровну, может она прочтет. Это надо передать.

— Угу, — сказал Витя. — А вон там, выше, смотри, какая длинная надпись. Давай-ка прочитаем.

И мальчики, привстав на цыпочки, принялись читать.

Прошло добрых десять минут, пока они разобрались в этих неверных линиях, царапинах, щербинах, покрывающих бетон.

«Товарищи, мы умираем, — было выведено на стене. — Осталось жить три часа. Боритесь, работайте, живите. Мы держались до конца». И пять фамилий: «Шубин, Фомичев, Коробов, Самохин, Кондратенко».

— Слушай-ка, — сказал вдруг Витя, — а ведь Шубин — это, наверно, отец нашей Май. Помнишь, он был арестован, да так и пропал...

Коля, ничего не отвечая, повернул к Вите голову. Он смотрел на него большими потемневшими глазами. Ему вдруг представился отец Май, еще молодой, худощавый человек в железнодорожной форме. Наверно, это он и писал. Потому и подпись его стоит первой. Да и написано очень высоко, а он как раз высокий был...

Разыскивая новые надписи, Коля присел на корточки и с трудом стал разбирать почти скрытое тенью от нар слово, смысл которого

полностью никак не мог до него дойти, а когда, наконец, дошел, Коля даже вздрогнул и невольно схватился за Витино плечо:

— Витя, смотри, что здесь написано!..

— Что? Что?

— Написано — опасайтесь!.. Видишь?

Виктор взглянул через его плечо, но так ничего и не увидел, кроме каких-то царапин на штукатурке.

— Не вижу, — сказал он, поправляя очки. — Хоть убей, не вижу.

— Да ты посмотри внимательнее... Ну, куда ты смотришь? Вот внизу, у самых нар: «О-пасай-тесь». Последние буквы совсем вправо, под нары ушли. И дальше что-то написано. Наверно, имя того, кого опасаться надо. Только там темно. Не видать ничего... Где бы нам спички достать?..

— Мальчики, вы тут? — вдруг услышали они сверху голос Май.

Подняв головы, они увидели в просвете между двумя балками ее раскрасневшееся на морозе лицо.

— Как вы туда забрались — по лестнице или через потолок? Я сейчас тоже к вам спущусь.

— Нет! — не сговариваясь, крикнули Коля и Витя. И, соскочив с нар, стремглав выбежали во двор.

— Куда же вы? — подозрительно спросила Мая. — Нашли небось что-нибудь и прячете...

— Просто там ничего хорошего нет, Мая, — как-то по-новому, мягко и дружески, сказал Коля. — Пойдем лучше отсюда. В других местах

поищем. — И он соскочил на землю с кучи битого кирпича.

— Ага! Вот тут кто! — вдруг послышался откуда-то из-за трубы знакомый голос. — И всюду-то они бегают, всюду бегают...

Ребята оглянулись. В нескольких шагах от них, на обгорелой балке, стоял Якушкин, зябко поеживаясь в своем стареньком пальто. В руках он держал неизменную металлическую треногу от фотоаппарата, а сам фотоаппарат в потертом кожаном футляре висел у него на ремне через плечо. Темные выпуклые глаза его смотрели сквозь треснувшие очки удивленно, встревоженно и как будто недовольно.

— Что это вы в подвалах делаете? — ворчливо сказал он, подходя к ним поближе. — Так и хочется вам, видно, на mine подорваться.

— А мы только так — вошли, посмотрели — и сразу назад, — виновато сказал Виктор.

— Назад!.. — усмехнулся Якушкин. — Уж когда мина взорвется, назад не вылезешь!..

— А вы знаете, что мы там видели? — сказал Коля.

— Ну что? Что? — не то покашливая, не то посмеиваясь, спросил Якушкин и поправил сбившиеся на бок очки. — Цепи какие-нибудь страшные?

— И вовсе не цепи, — сказал Виктор, — а стенку с надписями... Там осужденные на смерть свои имена оставили...

Коля оттеснил Витю и взволнованно заговорил:

— И еще там о каком-то предателе написано... На стене, под самыми нарами... Сказа-

но — опасайтесь, а кого опасаться — я не разобрал!.. Там темно. Спички у вас есть?.. Давайте посмотрим!

Мая даже руками всплеснула.

— Ну, не стыдно вам самим все видеть, а мне неправду говорить! — И она бегом бросилась к заваленной кирпичом лесенке.

— Мая!.. Мая!.. Не ходи, — закричал Коля, но девочка уже исчезла за дверью.

— Вот баловники, — покачал головой Якушкин. — Вот баловники! И ничего-то они не боятся!.. Ну ладно, пойду уж и я посмотрю, что там за надписи такие...

Мелкими шажками, чтобы не зацепиться за какой-нибудь камень, он вслед за Маей, кряхтя, стал спускаться в подвал.

Мальчики посмотрели друг на друга и медленно пошли вслед за ним.

Они увидели Маю на нарах. Она стояла, вытянув шею, и читала выцарапанные на бетоне надписи. Ее косынка сбилась на затылок и косички болтались из стороны в сторону, когда она быстро поворачивала голову, выискивая все новые и новые надписи. Лицо у нее было серьезное, а глаза почти не мигали. Она боялась пропустить хотя бы одно слово, которое могла разобрать на этой скорбной стене. «Хорошо, если бы не увидела», — подумал Коля, замирая от жалости и сочувствия. Но Мая уже все увидела, все прочитала и все поняла. Она вдруг схватилась своими худенькими руками за стену, как раз в том месте, где виделось глубоко и четко выцарапанное в цементе родное ей имя.

— Папа!.. Папа!.. — закричала она, и слезы ручьем потекли по ее лицу.

Мальчики, побледнев, стояли рядом и не знали, что им делать, как утешить ее.

— Ах, дети, дети, — сказал Якушкин, — вот горе-то, вот горе...

Он подошел к Мае, легонько приподнял и, сняв с нар, поставил на пол.

— Ну, девочка, не плачь, — он погладил ее по голове своей жесткой рукой с длинными узловатыми пальцами, коричневыми от табака, — слезами не поможешь... А я вот сейчас сфотографирую эту стенку и подарю тебе карточку... Ну, успокойся, успокойся! Мальчики, — обратился он к растерянно стоявшим в стороне Коле и Вите, — отведите-ка вы ее домой. Не нужно ей тут находиться.

— Пошли, Мая, — сказал Коля и взял девочку за руку.

Всхлипывая, Мая послушно пошла между Колей и Витей, а Якушкин, расставив треножник, стал приспособливать аппарат, чтобы навсегда запечатлеть для истории эти последние слова погибших за Родину людей.

Когда ребята подходили к пролому в заборе, они не заметили, что за ними, стоя на пороге проходной будки, наблюдает какой-то солдат. Постояв немного и оглядев пожарище, солдат скрылся в будке и захлопнул за собой дверь.

Дети вернулись домой и обо всем рассказали Клавдии Федоровне. Она посадила рыдавшую Маю рядом с собой и долго ласково утешала девочку.

А часа через полтора верный своему слову Якушкин принес Клавдии Федоровне боль-

шую, еще влажную фотографию. На снимке все надписи на стене были видны отчетливо и казались высеченными на граните.

Клавдия Федоровна горячо поблагодарила Якушкина, хотела ему заплатить, но Якушкин от этого наотрез отказался и поспешил уйти, сказав, что он только выполнил свой долг перед маленькой девочкой.

— Пусть у нее останется память об отце, — он погиб как герой...

Подумав, Клавдия Федоровна решила пока не отдавать карточку Мае. Потрясение было слишком сильным, пусть пройдет время.

Раздобыв спички, Коля и Витя перед ужином, ни слова не сказав Мае, снова отправились в подвал гестапо. Было уже темно, но мальчики шли по протоптанной тропинке и быстро оказались в камере. Они стали на колени перед нарами, и Коля чиркнул спичку.

Неровный желтый свет выхватил из темноты край черных нар, запрыгал по серой шершавой стене.

— Теперь видишь? — спросил Коля.

Витя смотрел туда, где Коля водил спичкой.

— Ничего не вижу, — ответил он, — дай-ка я сам.

Коля передал ему коробок, и Витя зажег вторую спичку. Теперь, вода ею у самой стены, он с трудом разобрал выцарапанное на ней слово: «Опасайтесь...»

— Вижу, вижу, — взволнованно сказал он.

— А теперь давай свети под самые нары. Что там?

Тут спичка догорела и обожгла Витины пальцы. Но, не чувствуя боли, он взял из ко-

робка сразу три спички, сложил их вместе и разом чиркнул. Спички с треском вспыхнули. Витя прикрыл их ладонью и нырнул под нары.

— Ну, что там? Что там? — нетерпеливо спрашивал его Коля.

Витя долго молчал, пыхтел, затем, когда огонь совсем сник и в камере опять стало темно, вылез обратно.

— Ничего там не разобрать, — сказал он. — Имя, может, и было, да там штукатурка осыпалась. Ничего не разберешь.

— Ври! — Коля сам забрался под нары, исчиркал чуть ли не целую коробку спичек, но так ничего и не разглядел.

Белая осыпь штукатурки грядкой лежала на бетонном полу, и от окончания надписи на стене почти ничего не осталось. Ребята вернулись домой, и хотя им было трудно признаться Клавдии Федоровне в том, что они нарушили ее строгое приказание, все-таки они рассказали ей обо всем, что видели.

Клавдия Федоровна выслушала их молча, а потом сказала, что они поступили хорошо, ничего не утаив от нее. Ребята, довольные, пошли в свою комнату.

Так окончилась операция «КВ».

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

СТРЕМЯННОЙ ВЫПОЛНЯЕТ ПРИКАЗАНИЕ

«И не такие крепости брали», — сказал Ястребов.

Это-то верно! Брали и не такие, а эту — маленькую, окованную железными полосами и

усыпанную узорчатыми бляшками, — взять пока не удавалось.

В распоряжении Стремянного были орудия, снаряды, мины, гранаты... Огромное количество взрывчатых веществ. Но среди них не было такого, которое могло бы помочь ему взломать проклятый сундук, не уничтожив содержимого. Даже танком его нельзя было раздавить! Танк просто-напросто сплющит его, и тогда уже совсем ничего не достанешь — пиши пропало.

Стремянный собрал вокруг сундука небольшой, но весьма авторитетный совет. Он позвал старшего инженера, начальника артиллерии дивизии и командира саперного батальона. Все трое долго рассматривали сундук, измеряя толщину стенок, прикидывали так и эдак, как бы его взломать.

Начальник артиллерии покашлял, покачал головой, но мнения своего так и не высказал. Инженер предложил взрезать сундук автогенном, но тут же решил, что высокая температура может повредить бумаги. Только опытный в подрывных делах сапер, обстукав сундук со всех сторон и прикинув его габариты, заявил, что он берется взорвать сундук толлом и ручается, что содержимое уцелеет.

Стремянный приказал подготовить все для взрыва и доложил об этом командиру дивизии.

— Хорошо, — сказал Ястребов. — Взрывайте. Только смотрите — рассчитайте точно. Как бы не уничтожить бумаги вместе с сундуком.

Да, Стремянный понимал это со всей ясностью и поэтому, несмотря на то, что решение было уже принято, он все еще продолжал ду-

мать, нельзя ли открыть сундук каким-нибудь менее опасным для документов способом.

А думать уже было некогда. Время было горячее. Командующий армией прислал дополнительные указания. Штаб дивизии начал свертываться, чтобы вскоре покинуть город. Конечно, об укрепленном районе было собрано уже много данных, — их доставляла разведка, войска с переднего края, сведения о нем сообщали из штаба армии и даже из Москвы, — но все же план — это важный документ, и нужно сделать все, чтобы его получить.

Собирая со стола бумаги, Стремянной наткнулся на перевод записок Курта Мейера, которые он так и не успел прочесть. Он мельком, стоя у стола, проглядел несколько зажатых скрепкой страниц, и вдруг что-то привлекло его внимание. Так ли уж они невинны — эти личные записи Курта Мейера? Нет ли в них чего-нибудь относящегося к делу?

Стремянной сел на стул и, положив перед собой листки, принялся перечитывать их сначала.

Что ж, надо отдать справедливость этому Курту Мейеру — каждая его запись была черточкой, из которой постепенно складывался довольно выразительный портрет.

Стремянной вспомнил фотографии, которые показал ему фотограф Якушкин, и другие, найденные в архивах гестапо. Белокурый, плотный и плечистый человек. Крупная голова, широкий подбородок, короткий, чуть вздернутый нос... Лицо самодовольное, уверенное, грубое... Красноречивые снимки! И, однакоже,

убористые строчки записной книжки говорят еще больше, чем они.

Вот совсем лаконичные записи: «11 сентября 1942 года расстреляно 150 человек», «25 сентября — 176 человек. Двое сопротивлялись. Убиты на месте».

Далее Курт Мейер подробно описывал октябрьское наступление. Восхищался необычайной живописностью боевого зрелища, но тут же отмечал, что русские летчики его скоро испортили, и ругал какого-то капитана Фрея, который пришел к нему с письмом от умирающей жены и попросил отпуск. Он пообещал Фрею послать его вместо Мюнхена на передовую. «Слабость не для немецкого солдата. Умрет жена — будет другая. В Германии теперь много вдов».

Но несколько записей привлекли внимание Стремянного.

«4 ноября. Бургомистр начинает раздражать меня. Слишком много самомнения. Он уверен, что один на свете знает, как надо обращаться с русскими. Интриган! Однако в Берлине у него связи. Его признают одним из лучших специалистов по русскому вопросу и хотят, чтобы в России его продолжали считать русским. Я не возражаю. Пускай он здесь останется до смерти и даже после смерти со всеми своими столами, мехами и диванами... Но надо отдать справедливость — у него удивительный нюх. Я не предполагал, что в таком маленьком городе можно так много набрать».

«15 декабря. Эта свинья — бургомистр! Поручил ему организовать на базаре облаву, а

он и этого не сумел. Идиот!.. А еще уверяет, что расправится со всеми подпольщиками и партизанами и что будто бы скоро добьется их полного доверия.

Сегодня был в местном музее. На мой взгляд — ничего интересного, но Митци сказала, что некоторые картины имеют большую ценность».

Дойдя до этого места, Стремянной невольно остановился. Вот как! Значит, Курт Мейер еще два месяца назад приметил добычу. Интересно!..

Стремянной внимательно проглядел дневник до конца, выискивая записи, касающиеся военной обстановки. Нет, об этом ничего не было сказано. Зато все чаще и чаще попадались заметки о бургомистре. Очевидно, отношения этих двух гестаповцев портились с каждым днем.

«Этому карьеристу решительно нельзя доверять! — писал Мейер. — Уверен, что он каждый день пишет на меня доносы. Но мы еще посмотрим, «кто кого».

«На самом деле это просто дурак, — писал он в другом месте. — Провинциал! Напускает на себя таинственность, говорит загадками. Обыкновенный шпион, от которого отрекаются, когда он больше не нужен. Разгадать его так же легко, как открыть сундук, которым он так гордится. Я один раз видел, как он его открывал — и с меня довольно. Большая Медведица! Малая Медведица!»

Стремянной вдруг поднял голову. Внезапная догадка заставила его встать с места и два раза пройти из угла в угол.

Все это, конечно, может быть, — простой шуткой. Ирония, так сказать. Но ведь «Большая Медведица» — не выдумка. Кнопки на сундуке расположены именно в этом порядке. А что, если «Малая Медведица» — ключ к тайному отделению? Следовало бы попробовать! Только надо поточнее узнать, как выглядит эта «Малая Медведица». Придется спросить метеоролога. Вызвать его, что ли? Нет, лучше самому сходить. А потом сразу к Воронцову — сундук-то ведь теперь у него стоит. Что, если в самом деле?..

Стремянной сунул в карман листки дневника и вышел, на ходу натягивая полушубок.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ВОРОНЦОВ УДИВЛЯЕТ СТРЕМЯННОГО

КОГДА Стремянной вошел в особый отдел, Воронцов молча поднялся с места, бросил папиросу и, ни о чем не спрашивая, провел его в соседнюю маленькую комнатку.

Там, придвинутый к стене, стоял на полу знаменитый кованный сундук.

— А я думал, что вы уже решили взорвать его, — сказал Воронцов.

— Решил, — ответил Стремянной, — но тут, видите ли, такое обстоятельство... Наткнулся случайно на несколько строчек в дневнике Курта Мейера и вздумалось попробовать еще раз. Да вот прочтите сами!.. — И он протянул Воронцову листок, на котором синим карандашом были подчеркнуты слова: «Большая Медведица»... «Малая Медведица»...

Воронцов медленно и сосредоточенно прочел покрытый частыми размашистыми строчками листок.

— Н-да, может быть, может быть... — сказал он. — Ну что ж, колдуйте. Не буду вам мешать.

Он присел на подоконник, закурил и, щуря от дыма один глаз, принялся издали наблюдать за Стремянным.

Стремянной склонился над сундуком.

Он открыл сундук обычным, знакомым ему способом. Третья кнопка в первом ряду, шестая — во втором, пятая — в третьем... Поворот ромашки, раковины — и все готово. Крышка легко поднимается.

Он заглянул внутрь. Ничто не изменилось. Гладкое полированное дно блестит, как зеркало. И в голову не придет, что его можно поднять. Он снова опустил крышку и, сверяясь со схемой созвездия, нарисованного метеорологом на листке бумаги, принялся осторожно, неторопливо подбирать кнопки так, как расположены звезды Малой Медведицы.

Первые две кнопки нашлись сразу, и это были не те кнопки, какие надо было нажать, чтобы поднять верхнюю крышку.

— Так, — с удовольствием сказал Стремянной. Очевидно, он находился на верном пути. Над поисками третьей кнопки ему пришлось порядком повозиться.

Но это его уже не смущало. Курт Мейер все-таки навел его на правильный след. Просто интервалы между отдельными точками мас-

тер соблюдал не совсем точно по звездному чертежу.

Вот и четвертая кнопка, и пятая...

Все найдены и нажаты, а сундук все равно не открывается. Железное дно не сдвинулось и на миллиметр. От досады и сознания своей беспомощности Стремянной изо всех сил ударил кулаком по крышке. Каких-нибудь несколько сантиметров железа отделяли его от планов. Теперь-то он был совершенно убежден, что они там.

Воронцов, до сих пор внимательно наблюдавший со своего места, как Стремянной, словно слепец, читающий на ощупь, касался кончиками пальцев разных кнопок, — вдруг, словно потеряв терпение, встал и подошел к сундуку.

— Есть одна странность в том, что вы делаете, — сказал он.

Стремянной обернулся:

— Какая же?

— А вот сейчас объясню! Когда вы открывали верхнюю часть сундука, то сначала нажали семь кнопок, расположенных по контуру Большой Медведицы, а потом повернули раковину и ромашку. Так или не так?

— Точно, — согласился Стремянной.

— А сейчас вы почему-то отказались от этого принципа. Это сознательно?

Стремянной взглянул на сосредоточенное лицо Воронцова и отрицательно тряхнул головой:

— Нет. Просто мне почему-то показалось, что тут не может быть повторения.

— А вы попробуйте, повторите.

— Сейчас.

Он опустился на колени, снова нажал все кнопки по порядку, а затем повернул раковину и ромашку. Но на этот раз, по какому-то наитию, он повернул их в другую сторону.

И вдруг в глубине сундука что-то щелкнуло.

Не помня себя от радости, он открыл крышку и увидел, что полированное, блестящее дно поднялось кверху. Он запустил в сундук руку, сначала по локоть, потом по плечо, затем нагнулся еще ниже и стал шарить обеими руками. Воронцов со сдержанной улыбкой наблюдал за его стремительными движениями.

Наконец, Стремянной в полной растерянности поднялся на ноги.

— Черт знает, что такое! Ничего не понимаю! — сказал он.

— Сундучок-то, оказывается, пуст! — спокойно произнес Воронцов, только теперь заглядывая внутрь. — В тайнике-то ничего и нет...

— Ничего! — сказал Стремянной. Он с шумом захлопнул верхнюю крышку и тяжело опустился на нее. — Ведь я был совсем уверен!

Воронцов поглубже затянулся дымом и снова отошел к окну.

— А вот я, по правде сказать, так и думал, что мы здесь ничего не найдем, — сказал он. — Дело ведь гораздо сложнее, чем кажется...

— Что вы хотите сказать?

Воронцов показал папиросой в сторону сундука.

— Обнаружить второе дно и даже открыть его — вот в этой трофейной рухляди — не так уж, в конце концов, сложно, товарищ Стремянной. Гораздо сложнее бывает найти и от-

крыть второе дно у человека. Тем более что есть люди не только с двойным, но даже с тройным дном и гораздо хитрее замаскированным, чем у нашего сундука.

Стремянной встал.

— Теоретически вы правы, майор, но, к сожалению, от этого не легче. Планов-то ведь нет! Мы их не нашли...

— Потерпите еще немного, — сказал Воронцов. — Может быть, и найдем. У меня есть еще кое-какие надежды.

Стремянной снова опустился на сундук.

— Позвольте!.. Позвольте!.. Я что-то не понимаю...

Воронцов кивнул головой.

— Это потому, что вы еще всего не знаете.

— Чего же это я не знаю?

Воронцов не успел ответить. В комнату постучали, и на пороге появился сержант Анищенко. Лицо его радостно улыбалось, и, казалось, всего его так и распирало рассказать о чем-то крайне важном.

— Разрешите доложить, товарищ майор!

— Ну, что? Что? — спросил Воронцов, и глаза его блеснули.

— Все в порядке, товарищ майор!

— Где же все в порядке, когда он ко мне не звонит?

— Сейчас позвонит, товарищ майор... Как вы приказали, он пошлет его к вам за наградой...

— Ну, а карандаш затачивали?

— Затачивали, товарищ майор.

— Ну, и что?

— Да все в порядке, товарищ майор. Как вы предполагали. — Анищенко потоптался на месте. — Можно мне вам сказать два слова по секрету?

Воронцов вышел вместе с ним за дверь и через минуту вернулся гораздо более оживленным, почти веселым, открыл стол и положил в него какой-то маленький сверточек, не больше, чем со спичечную коробку.

— Я очень прошу вас, товарищ Стремянной, — сказал он, — побудьте здесь. Мне на минутку нужно сходить к Кузьминой. А вы послушайте, пожалуйста, телефон.

— Хорошо, — сказал Стремянной.

Он чувствовал, что готовится что-то важное и неожиданное, и с интересом ждал развязки.

Воронцов накинул шинель и ушел. А Стремянной несколько минут сидел в полной тишине.

Вдруг на столе зазвонил телефон.

— Слушаю, — сказал Стремянной в трубку.

Он услышал знакомый тенорок председателя городского совета:

— Товарищ Воронцов?!

— Нет, не Воронцов, а Стремянной... Слушаю вас, Сергей Петрович.

— Что это, телефонист ошибся? Я же не к тебе звонил.

— Нет, нет, правильно. Воронцов вышел, а я его, так сказать, заменяю.

— Ну хорошо... К тебе я хотел звонить попозже, — голос Иванова звучал как-то особенно радостно. — Поздравляю тебя, товарищ Стремянной!

— С чем, Сергей Петрович?

— Картины найдены!.. Они у меня в кабинете!.. Все десять штук.

— Кто же их нашел? — спросил Стремянной; туман начал проясняться — так вот чего ожидал Воронцов!..

— Фотограф Якушкин! Я его сейчас к Воронцову послал за наградой.

— Почему к Воронцову? Разве он у нас наградами ведает?

— Не знаю. Так Воронцов распорядился. Это уж ты его спроси!.. Ну, прощай! Будь здоров!.. Заходи поглядеть на картины!..

Стремянной положил трубку. В комнату уже входил Воронцов, раскрасневшийся от быстрой ходьбы. Он обернулся на пороге и кому-то приказал:

— Кузьмину проводите в крайнюю комнату, а Якушкина — сразу ко мне!

— Ты что это, товарищ Воронцов, начальником наградного отдела стал? — улыбнувшись, спросил Стремянной.

— А что, Иванов звонил?

— Звонил.

Воронцов снял шинель и сел за стол.

— Конечно, тут есть некоторая нечеловечность, — улыбнулся он. — Но сейчас, как ты увидишь, это уже не имеет значения.

— А вот я ничего не понимаю, — сказал Стремянной. — Какое отношение к нашему делу имеет Якушкин?

— Думаю, что прямое...

— Ах, вот как!.. Но если Якушкин в чем-то замешан, то ведь лучше всего было бы разоблачить его внезапно...

Воронцов покачал головой:

— Это не всегда правильно. Сейчас, когда он сюда идет, он предполагает, что я что-то знаю. Но что именно, вот этого он пока понять не может. Он даже убежден, что если я что-нибудь и знаю, то очень немного.

— А вдруг он попытается убежать?

— Не побежит, — твердо сказал Воронцов. — Во-первых, его сопровождают, а во-вторых, попытка побега его окончательно разоблачит.

— А если он покончит жизнь самоубийством, — предположил Стремянной.

После всех постигших его неудач он боялся, что и эта вдруг возникшая возможность овладеть секретом укрепрайона еще раз может в самый последний момент обмануть его ожидания.

— Нет, этого не случится, хотя бы по той простой причине, что у него связаны руки.

Стремянной рассердился:

— Товарищ Воронцов, прошу вас объяснить толком, что здесь, наконец, происходит...

— Пожалуйста.

Но тут за стеной послышались голоса, дверь раскрылась и в комнату вошел Анищенко, а за ним Якушкин со связанными за спиной руками; двое солдат с автоматами остановились на пороге, ожидая приказаний.

— Ну, Якушкин, вот вы и пришли за наградой!.. — сказал Воронцов. — Анищенко, развяжите-ка ему руки... Садитесь, Якушкин!.. Давайте разговаривать.

Анищенко положил на стол фотоаппарат, треногу, пакет с вещами, отобранными у Якуш-

кина при личном обыске, быстро развязал ему руки и вышел из комнаты, плотно прикрыв за собой дверь. Несмотря на приглашение сесть, Якушкин продолжал стоять, растирая затекшие ладони. Во всем его облике была такая растерянность и пришибленность, что Стремянной невольно подумал, — не ошибся ли Воронцов? Ничего страшного не было в этом узкоплечем, бледном человеке.

— Что же это такое, товарищ Воронцов? — жалобно спросил Якушкин. — Хватают у выхода из горсовета! Вяжут руки!.. И все это за то, что я преданно разыскивал картины? И разыскал их... Не так ли? И не я ли помог разоблачению предателей? — Он повернулся к Стремянному. — А вот вы, товарищ начальник, вы же видели, как я бургомистра опознал? Так за что?.. За что?..

Якушкин закрыл лицо руками и так стоял несколько секунд, словно стремясь справиться с охватившим его отчаянием.

— Садитесь!.. Садитесь, Якушкин!.. — сказал Воронцов. — Сейчас мы во всем разберемся — допущена ошибка или нет...

Якушкин покорно подсел к столу, положив руки на колени и всем своим видом показывая, что готов помочь разобраться в этом горестном недоразумении.

— Вот что, Якушкин, от вас зависит очень многое... Во-первых, ваша собственная судьба. Поэтому отвечайте на вопросы правдиво, — сказал Воронцов, придвигая к себе поближе пакет с отобранными у него вещами. — Где вас обыскивали?

— В комнате при выходе.

— Вы все отдали?

— Все.

— Ну, так посмотрим, что у вас...

Майор развернул газету, и Стремянной увидел смятый носовой платок, связку ключей, очевидно от дома, где жил Якушкин, сломанный перочинный нож, монеты, несколько десятирублевых кредиток. Тут же были какие-то сильно истрепанные удостоверения, паспорт... В общем как будто ничего интересного. Воронцов развернул платок, осмотрел его, отложил в сторону, затем пересчитал монеты, — одну из них он задержал в руках, поболтал в воздухе связкой ключей, — не выпадет ли что-нибудь из горловинок, мельком взглянул на удостоверения и паспорт.

Якушкин спокойно наблюдал за тем, как Воронцов перебирает немудреное содержимое его карманов.

— И не стыдно вашим людям так старого человека обижать! — сказал он, когда осмотр закончился и, по всей видимости, не дал Воронцову ничего существенного. — Ну, зачем вам все это? Неужели уж я не могу иметь в кармане носовой платок и ключи от квартиры?

— Конечно, можете, — согласился Воронцов.

— Так верните мне все это.

— Подождите, подождите, не сейчас... — Воронцов отодвинул вещи на край стола. — Скажите, Якушкин, — неожиданно спросил он, — где вы жили до войны?

Якушкин несколько растерялся:

— Я?.. До сорокового года я жил в Западной Белоруссии, в городе Лида.

— Так... А потом? Как вы оказались в этом городе?

Якушкин подался вперед и горячо заговорил:

— Видите ли... при Пилсудском я очень нуждался. Много лет голодал. Когда стало возможно вернуться в Россию, я, одинокий старый человек, решил поехать в один из маленьких степных городков, где много вишен, приволье, покой, и дожить здесь свои последние дни...

— Хорошо, — сказал Воронцов. — Складно у вас получилось, даже как-то поэтично... — Он оперся локтями о стол и подался грудью вперед. — А вот скажите, Якушкин, как к вам попали картины?.. Где вы их нашли?

Якушкин удивленно пожал плечами:

— Все искали, и я искал... Только, очевидно, я искал более удачливо, чем другие... А нашел я их в подвале гестапо — под нарами... Меня туда ребята из детского дома затащили показать стену с надписями погибших. Вот я случайно и обнаружил...

Воронцов взглянул на Стремянного и усмехнулся краешком губ, как бы призывая внимательно следить за ходом допроса. Стремянной все это время внимательно наблюдал за Якушкиным и невольно заметил, что за его внешним спокойствием кроется настороженность.

— Значит, все искали, и вы искали, — сказал Воронцов. — Хорошо. — Он вдруг встал и, обойдя вокруг стола, сел напротив Якушки-

на. — А если я вам скажу, что картины вы взяли не в подвале гестапо, а в элеваторе?.. В тот самый вечер, когда там были ребята из детского дома, вы тоже побывали там и забрали оттуда картины, которые из машины перетащил туда Курт Мейер. Это было самое ценное из того, что он, раненый, мог унести с собой... Что бы вы на это ответили?

Якушкин пожал плечами:

— Это уж вы совсем зря! Ни в каком элеваторе я не был... Правда, я встретил на дороге детей, они мне рассказали о своем походе, но я не был... И зачем мне туда идти?..

— Мы не дети,— строго сказал Воронцов.— В ту же ночь вы перенесли картины в одно укромное место, а затем решили их найти... Сделать подарок советской власти!.. И могу вам сказать точно: до последнего дня их не было в подвале гестапо...

— Ну, а где они были раньше — мне неизвестно. — сказал Якушкин. — Где я их нашел, там и нашел.

Воронцов опять подался вперед:

— Хорошо. А зачем вы, Якушкин, соскребли под нарами имя предателя? Помните, там написано — «остерегайтесь»... Это слово вы оставили, а вот имя стерли...

— Я ничего не стирал... Ничего не знаю.. Какая надпись?.. Какое имя?..

Воронцов придвинул к себе газету с вещами и вытащил из нее нож со сломанным лезвием.

— Где вы сломали этот нож, Якушкин?

— Уже не помню, — наморщил лоб фотограф. — Как-то однажды неудачно открывал консервную банку...

Воронцов встал, вернулся на свое место, вытащил из ящика стола маленький сверточек и развернул его. Якушкин, вытянув шею, следил за тем, что делает майор, заглядывая в развернутый пакетик, но, должно быть, ничего не видел. Стремянной встал и подошел поближе. На бумаге лежал какой-то блестящий кусочек железа.

— Смотрите сюда, Якушкин! — Воронцов приложил сломанное лезвие к кусочку металла: сразу стало ясно, что кусочек металла был кончиком лезвия. — Вы очень торопились и сломали нож. И вот вам недостающая часть... Она была найдена под нарами. Что вы на это скажете?

Якушкин нервно потер ладонями колени.

— Ничего не скажу, — резко бросил он и вдруг глубоко закашлялся. — Дайте... дайте мой платок.

— Возьмите. — Воронцов вынул из кармана свой и протянул Якушкину. — Он совершенно чистый, только что из чемодана.

Но Якушкин уже перестал кашлять и с замкнутым лицом, исподлобья наблюдал за Воронцовым.

— Товарищ Стремянной, подойдите-ка поближе, — сказал Воронцов, снова разглядывавший в это время вещи фотографа. — Вот интересное открытие... Смотрите.

Воронцов разостлал перед собой старый платок Якушкина и кончиком лезвия безопасной бритвы, которое он хранил между листками своей записной книжки, осторожно отрезал один из уголков платка... Тотчас же из полои

части широкого рубчика на стол выпала маленькая черная пилюля.

— Яд, — сказал Воронцов. — Стоит раздавить сквозь платок зубами пилюлю — мгновенная смерть! — Он закатал пилюлю в кусочек бумаги и спрятал в спичечную коробку. — Ну, Якушкин, теперь вы будете разговаривать?

Якушкин, не поворачивая головы, краем глаза посмотрел на Воронцова. Он как-то сгорбился и еще больше постарел, голова глубоко ушла в плечи.

— Говорите же. Я слушаю, — спокойно сказал Воронцов.

— Да, действительно, я был связан с гестапо, — глухо проговорил Якушкин. — Но только как фотограф... Они не давали мне покоя... Когда я отказывался снимать расстрелы советских людей, они грозили мне смертью. Из-за этого в городе стали считать меня предателем... Я мучительно переживал это, но не мог вырваться из-под власти гестапо... Но вот пришли вы, и я решил, что этот кошмар окончен навсегда. Я старался доказать, что я не предатель. Поэтому так активно стал вам помогать... Да, я старался завоевать доверие, мне казалось, что разоблачением врагов я, хоть в малой степени, этого добьюсь... Да, я стер имя предателя под нарами... Это было мое имя...

— Это все, что вы имеете сказать? — спросил Воронцов.

— Все, — ответил Якушкин.

— Все до конца? — переспросил Воронцов, акцентируя на последнем слове.

— Все до конца... Да вот, что касается яда. Мне его подарил Курт Мейер из жалости, на случай, если партизаны схватят меня как предателя и я не смогу доказать свою невиновность.

— И пять минут назад вам показалось, что вы этого не сможете сделать?

Якушкин испуганно поднял руку:

— Нет, нет, что вы!

— Однако вы просили у меня платок... Ну хорошо, хорошо,— словно поверив ему, сказал Воронцов. — Объяснения, которые вы мне дали, логичны...

Якушкин с облегчением откинулся на спинку стула. Тыльной стороной ладони он отер со лба пот.

Стремянной с любопытством смотрел на этого человека.

«Вот и открылось второе дно», — подумал он и невольно взглянул на Воронцова.

Воронцов смотрел на Якушкина. Он перегнулся через стол и во взгляде его было что-то такое пристальное, напряженное, острое, что Стремянной, поймав этот взгляд, спросил про себя: «Почему он так смотрит? Неужели тут есть и третье дно?»

В эту минуту Воронцов поднялся со своего места и коротким движением руки бросил перед Якушкиным какую-то монету, вернее неправильно обрубленный кусок медной пятикопеечной монеты, вынутой из свертка.

Увидев монету, Якушкин отшатнулся. Кровь отлила от его покрасневшего, потного лица.

— Ну что ж, Якушкин, кончайте свою

игру, — негромко сказал Воронцов, — Кузьмина в соседней комнате — у нее другая половина монеты. Очную ставку хотите?

— Нет, не надо. — Якушкин обнажил свои желтые зубы. Можно было подумать, что он готов вцепиться в горло Воронцову.

— Товарищ Стремянной, — сказал Воронцов, — разрешите вам представить. Перед вами агент гестапо Т-А-87!

Якушкин рванулся с места и тут же бессильно привалился к краю стола. «Вот и третье дно открыто», — подумал Стремянной.

А Воронцов между тем поднялся с места и, заложив руки в карманы, остановился перед Якушкиным.

— А теперь скажите мне, куда вы дели планшет, который сняли с бургомистра, пока он лежал без сознания? Ну, знаете, там в автобусе, который вы подорвали противопехотной миной? В этом планшете был план укрепленного района.

Какой-то живой, хитрый огонек мелькнул в потускневших глазах Якушкина. Он пожал плечами.

— Зачем мне было хранить этот план? Разумеется, я его уничтожил.

— Нет, — сказал Воронцов. — Вы его не уничтожили.

— Почему вы так думаете?

— Вы слишком расчетливы для этого. Вы знаете цену фотографиям, картинам. Знаете, чего стоят и военные планы, особенно если они нужны для предстоящих операций.

— Дорого стоят, — вдруг сказал Якушкин и весь как-то подобрался, словно готовился к прыжку. — Вы правы, я действительно знаю им цену и дешево не отдам.

— Какова же ваша цена? — усмехнулся Воронцов.

— Жизнь.

— Этого я вам обещать не могу. Это не от меня зависит. Хотите рискнуть — рискуйте.

Якушкин минуту помедлил. Потом, прищурившись, посмотрел куда-то в угол, поверх головы Воронцова.

— Что ж, рискнем, пожалуй.

Он протянул руку к лежащему на столе штативу фотоаппарата.

— Разрешите?

— Подождите, — сказал Воронцов.

Он придвинул штатив к себе и рознял ножку на две части. Потом осторожно вынул из полый части трубки свернутую фотопленку.

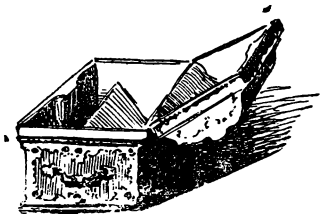
— Это? — спросил он.

— Да, — ответил Якушкин, тяжело оперевшись о стол. — На ней все отлично видно. Фотографировал сам. По квадратам. Посмотрите на свет. Подлинник уничтожен. Хранить его было неудобно и опасно.

Стремянной быстро поднялся с места и через плечо Воронцова взглянул на негатив. Воронцов передал ему пленку, и он долго и внимательно рассматривал ее.

Да, это был тот самый план, который они так искали.

Через полчаса в штабе дивизии по этим пленкам были отпечатаны увеличенные фотографии всех квадратов плана. По нему можно было составить самое полное представление об укрепленном районе.

ЭПИЛОГ

С ЭТОГО памятного дня прошло больше недели. Дивизия успешно выполнила поставленную перед ней боевую задачу. Разгромив противника, она овладела укрепленным районом и теперь стремительно двигалась к Белгороду.

Среди многих дел Стремянному никак не удавалось поговорить с Воронцовым, чтобы выяснить некоторые интересовавшие его подробности разоблачения Т-А-87. Любопытно было ему узнать и то, каким же путем добрался Воронцов до картин. Почему он так долго тянул с арестом Якушкина, если ему уже было известно, что тот является гитлеровским шпионом? Не в последнюю же минуту все это выяснилось!

Где-то в глубине души Стремянной переживал некоторую досаду от того, что не он разыскал картины и план укреплений. Но все-таки хорошо, что картины уже найдены и возвращены городскому музею, а план сослужил свою службу. В конце концов не все ли равно, кто это сделал: он или Воронцов!..

В еще большей степени Стремянного интересовало другое. Каким же образом Воронцов

открыл, что Якушкин и агент Т-А-87 одно и то же лицо?

Случай поговорить с Воронцовым по душам представился ему уже за Белгородом. Как-то они ехали в одной машине, направляясь в полк, и беседовали о положении на фронте и о той небольшой передышке, которую после напряженных боев получила дивизия.

Вдруг Стремянной сказал:

— Вот, товарищ Воронцов, много времени собираюсь спросить вас, да все как-то некогда: каким образом вы разоблачили Т-А-87?

Воронцов задумчиво посмотрел на пробежавшие мимо поля.

— Началось все как будто с мелочи, — начал он свой рассказ. — Помните, когда Якушкин в штаб фотографии принес?.. Тогда я обратил внимание на два момента. Во-первых, как вы, наверно, тоже заметили, фотографии Якушкина были отпечатаны на хорошей немецкой бумаге. Правда, он мог купить эту бумагу у какого-нибудь офицера. Важнее второй момент, который меня насторожил, — это его приход в штаб. Как он узнал, где находится штаб? Ведь в городе никому не было известно, где мы расположились. Значит, у этого человека были кое-какие навыки разведчика... Но это были, так сказать, первоначальные впечатления, которые сами по себе значили еще очень мало. Но вот когда вы позвонили мне из госпиталя и попросили прийти, захватив с собой Якушкина, чтобы взглянуть на человека, похожего на бургомистра, у меня появились уже новые, более серьезные дан-

ные. Я пошел к Якушкину и попросил его пойти со мной для этого дела, а он в первую минуту категорически отказался, прикинулся больным. Только при большой настойчивости мне удалось его заставить пойти со мной. А по дороге он, вдруг что-то сообразив, решительно изменился. Стал прямо-таки лучиться ненавистью, гореть ею, пылать... Опять-таки это заставило меня о многом задуматься. А потом, когда я поговорил с ребятами из детского дома и они мне рассказали, что встретили Якушкина на дороге к элеватору, я решил проверить, не был ли он там. Дело в том, что Якушкин сказал ребятам, будто он ищет на пустынной дороге ящики из-под снарядов. Это же смешно! Ящики валялись почти на всех улицах в черте города. И, кроме того, Якушкин жил в противоположной стороне. Ему совсем не нужно было так далеко ходить за ящиками. На рассвете, не теряя времени, захватив с собой сержанта и двух бойцов, я отправился на элеватор. Осмотрели мы его довольно подробно. И что же обнаружили? Ну, труп Курта Мейера, это само по себе. Он выстрелил себе в висок. Но, кроме всего прочего, мы обнаружили свежие следы взрослого человека, который заходил в элеватор, а затем вернулся обратно. И вот очень важным обстоятельством явилось то, что около трупа Мейера не оказалось револьвера, из которого он застрелился.

Ну так вот, после этого мои подозрения против Якушкина еще более укрепились. Я установил за ним наблюдение. И вот оказалось, что он посетил развалины бывшего здания гестапо, лазил в подвал и что-то там делал, уда-

лив оттуда ребят. Мой наблюдатель уже тогда сообщил, что он вел себя странно, нервничал. Почти одновременно мы получили сообщение от заведующей детским домом о надписи «опасайтесь» и о том, что имя предателя уничтожено. Тут я должен сказать вот о чем. Подвал мы осмотрели еще в день прихода в город. Нам нужно было установить судьбу пятерых подпольщиков, о которых в свое время сообщил Никифоров, перешедший линию фронта. И надписи эти мы видели, гестаповцам уже некогда было их уничтожить. И слово «опасайтесь» прочли. А вот имя предателя было выцарапано крайне неясно. Очевидно, гвоздь или какой-то другой острый предмет к этому моменту уже иступился. Тем не менее, когда мы во второй раз обследовали стену, то обнаружили, что кто-то стремился уничтожить все следы надписи, а под нарами в штукатурке был обнаружен кончик сломанного ножа. Решили проверить, не Якушкина ли это нож. Вот тогда Анищенко и попросил его одолжить ножичек, чтобы отточить карандаш. Ну, сразу все окончательно и стало ясно... Якушкин — сволочь, шпион... Такой же, как и Зоммерфельд, только еще более хитрый и опытный. На немцев еще в 1914 году работал. Однако с арестом я не торопился, решил еще понаблюдать. А Якушкин все больше набирал пары. Очень ему хотелось втереться к нам в доверие. Важным шагом в этом направлении он считал находку картин. Долго он ломал голову, где бы ему их «найти». Утащив картины из элеватора, он припрятал их в каменоломне, в одном из старых шурфов... И вот он, наконец, решил «най-

ти» их в подвале гестапо. Курт Мейер был хозяином этого здания, и могло показаться вероятным, что у него был здесь свой тайник.

Воронцов достал папиросу, спички; прикрыв ладонями коробок от ветра, зажег спичку и закурил.

— А когда же вы все-таки поняли, что Якушкин и Т-А-87 одно и то же лицо? — спросил Стремянной.

— Представьте себе, подозревал; но до самого последнего момента не имел доказательств. А вот, когда в хламе, извлеченном из карманов Укушкина, я увидел половину разрубленной монеты, сразу стало окончательно ясно, с кем мы имеем дело. Как раз накануне этого дня Кузьмина дала показания, что у Т-А-87 находится вторая половина той монеты, которую ей вручил Курт Мейер. После присуждения известного им обоим пароля каждый из них должен был предъявить свою часть монеты, а затем сложить обе половинки вместе... Якушкин не ожидал столь быстрого ареста. Не предполагал, что кто-нибудь придаст значение маленькому кусочку металла... Он многое знал, но не знал решающего для себя обстоятельства, что мы разоблачили и арестовали Кузьмину...

Воронцов замолчал.

Машина завернула в лесок и остановилась у землянки, в которой расположился штаб полка.

1954—1955 гг.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
<i>Глава первая.</i> Кованый сундук	3
<i>Глава вторая.</i> Несколько слов о капитане Со- колове	8
<i>Глава третья.</i> Удар на Дону	10
<i>Глава четвертая.</i> Возвращение	28
<i>Глава пятая.</i> Снова кованый сундук	45
<i>Глава шестая.</i> Концлагерь «ОСТ-24»	55
<i>Глава седьмая.</i> События развиваются	64
<i>Глава восьмая.</i> Удивительное известие	72
<i>Глава девятая.</i> Встреча	76
<i>Глава десятая.</i> Тайна	94
<i>Глава одиннадцатая.</i> Иванов принимает посети- телей	104
<i>Глава двенадцатая.</i> Поиски начинаются	112
<i>Глава тринадцатая.</i> Развалины на холме	120
<i>Глава четырнадцатая.</i> В старом склепе	141
<i>Глава пятнадцатая.</i> Еще одна загадка	153
<i>Глава шестнадцатая.</i> Неожиданная находка	164
<i>Глава семнадцатая.</i> Стремянной выполняет при- казание	179
<i>Глава восемнадцатая.</i> Воронцов удивляет Стре- мянного	184
<i>Эпилог</i>	202

Автор *Александр Исаевич Воинов*
Редакторы *А. В. Гурин* и *И. В. Быкова*
Техн. редактор *Н. С. Остриров*
Художник *А. А. Лурье*

Л101857. Сдано в набор 21/II-55 г. Подписано к печати 23/VI-55 г.
Бумага 70×92¹/₈ — 3,25 бум. л. — 7,61 п. л. В 1 п. л. 39 500 зн.
Тираж 90000. (1-й завод 45000). Уч.-изд. л. 7,37. Уч. № 30/2727.

Цена 2 р. 20 к.

Тип. Трудрезервиздат. Москва, Хохловский пер., 7. Зак. 282.
Отпечатано в типографии «Московская правда». Зак. № 3533.

